

В. ПИРОЖКОВА

Солженицын в изгнании

На Западе было высказано много сожалений, не всегда искренних, по поводу того, что Солженицын теперь оторван от своей родной почвы и есть опасность, что его литературный талант увянет. Но из самого Сов. Союза слышен другой вопрос: не как обойдется писатель без родной страны, а как обойдется Россия без писателя?

Солженицын как никто другой сумел стать символом борьбы с ложью, опутавшей нашу страну и не отпускающей ее уже столько десятилетий. «Простой шаг мужественного человека: не участвовать во лжи, не поддерживать ложных действий! Пусть это приходит в мир и даже царит в мире — но не через меня. Писателям же и художникам доступно больше: победить ложь. Уже в борьбе-то с ложью Искусство всегда побеждало, всегда побеждает! — зримо, неопровержимо для всех! Против многого в мире может выстоять ложь — но только не против Искусства.

А едва развеяна будет ложь — отвратительно откроется нагота насилия — и насилие дряхлое падет.

Вот почему я думаю, друзья, что мы способны помочь миру в его раскаленный час. Не отнекиваться безоружностью, не отдаваться беспечной жизни, — но выйти на бой!»¹⁾

Истинное искусство не может лгать, это верно. Поэтому в сталинское время литературы не было, т. е. то, что печаталось официально, не было литературой. Ф. Степун называл эти печатные издания «пропагандной макулатурой». Настоящие художники молчали, занимаясь переводами, как это делали Борис Пастернак и Анна Ахматова, но пережили из них немногие. В своей книге «Воспоминания» в главе «Гибельный путь» Надежда Мандельштам пишет: «Гибель могла прийти в форме быстрого или медленного уничтожения. О. М., человек активный, предпочел быстрое... Выбирая род смерти, О. М. использовал замечательное свойство наших руководителей: их безмерное, почти суеверное уважение к поэзии: „Чего ты жалуешься, — говорил он, — поэзию уважают только у нас — за нее убивают. Ведь больше нигде за поэзию не убивают!“»²⁾

«На эту кафедру, с которой прочитывается Нобелевская лекция, кафедру, предоставляемую далеко не всякому писателю и только раз в жизни, я поднялся не по трем-четырем приموщенным ступенькам, но по сотням или даже тысячам их — неуступным, обрывистым, обмерзлым, из тьмы и холода, где было мне суждено уцелеть, а другие — может быть, с большим даром, сильнее меня — погибли. Из них лишь некоторых встречал я сам на Архипелаге ГУЛага, рассыпанном на дробное множество островов, да под жерновом слежки и недоверия не со всяким разговорился, об иных только слышал, о третьих

догадывался. Те, кто канул в ту пропасть с литературным именем, хотя бы известны — но сколько неузнанных, ни разу публично не названных! и почти-почти никому не удалось вернуться. Целая национальная литература осталась там, погребенная не только без гроба, но даже без нижнего белья, голая, с биркой на пальце ноги. Ни на миг не прерывалась русская литература! — а со стороны казалась пустыней. Где мог бы расти дружный лес, осталось после всех лесоповалов два-три случайно обойденных дерева.

И мне сегодня, сопровождаемому теньми павших, и со склоненной головой пропуская вперед себя на это место других, достойных ранее, мне сегодня — как угадать и выразить, что хотели бы сказать они? »³⁾

Бог сохранил Солженицына среди этих рассыпанных по русской земле островов страшного Архипелага, но с человеческой точки зрения это было возможно именно потому, что он сам тогда еще не имел литературного имени, в противном случае к нему применили бы то самое «уважение» к поэзии, о котором говорил Мандельштам и жертвой которого он стал.

На кульминационном пункте той отдушины, которую Хрущев дал литературе, Солженицыну удалось почти невероятное: легальная публикация в Сов. Союзе повести «Один день Ивана Денисовича». Это было началом сражения писателя с ложью. Только небольшой кусочек занавеса, закрывавшего Архипелаг ГУЛаг покрывалом молчания, был приподнят. Но это была необыкновенная сенсация не только в самом Сов. Союзе, но и за границей. Радио, телевидение неумолчно сообщали подробности, издательства набросились на эту повесть, в Германии ее перевели и издали даже сразу два издательства. К счастью, не только самый сенсационный факт публикации в Сов. Союзе повести о советских концлагерях, но и большой художественный талант определили быстро возросшую известность. Новое литературное имя стало известно во всем мире, и его уже нельзя было больше замолчать.

Хрущев слишком поздно понял свое легкомыслие. Легкомысленно было пытаться низвергнуть Сталина и оставить в неприкосновенности Ленина, режим, идеологию, партию. Другие заметили это, и Хрущев сам был свергнут: касаться даже и уже мертвого Сталина было все еще опасно, он и мертвым умел мстить своим противникам, хотя и не так жестоко, как тогда, когда был живым.

Но восстановить статус-кво было уже нелегко. Возник Самиздат, и не напечатанные легально романы Солженицына разошлись в рукописях Самиздата, выпорхнули за границу, были изданы здесь и, наконец, принесли автору Нобелевскую премию по литературе.

И снова власть имущие, не зная, что им делать с лауреатом, оказались в каком-то смысле легкомысленными:

¹⁾ А. Солженицын, Нобелевская лекция по литературе, Париж, 1972, стр. 29.

²⁾ Н. Мандельштам, Воспоминания, Нью-Йорк, 1970, стр. 166—167.

³⁾ А. Солженицын, Нобелевская лекция по литературе, стр. 10—11.

они вымучили у несчастной женщины секрет тайника, в котором хранилась рукопись самого крупного обличительного произведения нашего времени, «Архипелага ГУЛага», и тем самым, сами того не желая, открыли путь к его публикации за границей.

Коммунистическое руководство снова оказалось в тупике: как реагировать на этот в полном смысле этого слова раскат грома? Послать автора в тот же Архипелаг ГУЛаг и тем самым доказать всему миру, что автор прав и что этот Архипелаг является не только прошлым, но и настоящим? Как ни странно, но несмотря на податливость Запада, руководители Сов. Союза гораздо больше боятся общественного мнения свободного мира, чем сам свободный мир предполагает. Если бы этот свободный мир был подтвержде, поустойчивее по отношению к советским диктаторам, то он многого мог бы добиться. Твердость характера и выдержка как отдельного человека, так и целого народа может гораздо больше сделать, чем это обычно думают люди, успокаивающие себя в своем бездействии тем, что, мол, все равно ничего сделать нельзя.

Но еще труднее было справиться со стойкостью самого писателя. Один из немецких журналистов написал, что советское правительство легче сумело справиться с целой страной — Чехословакией, чем с одним человеком — Солженицыным. Он был готов на все. Только человек, который все отдал, снова свободен, и Солженицын внутренне отдал все, хотя это было невероятно трудно. Но он не забыл того, что сам познал в тюрьме: «Надо вступать в тюрьму, не трепещая за свою оставленную теплую жизнь. Надо на пороге сказать себе: жизнь окончена, немного рано, но ничего не поделаешь. На свободу я не вернусь никогда. Я обречен на гибель — сейчас или несколько позже, но позже будет даже тяжелее, лучше раньше. Имущества у меня больше нет. Близкие умерли для меня — и я для них умер. Тело мое с сегодняшнего дня — бесполезное, чужое тело. Только дух мой и моя совесть остаются мне дороги и важны.

И перед таким арестантом дрогнет следствие!»⁴).

Перед таким арестантом дрогнули советские диктаторы. Они не решились его замучить. Но с тонким расчетом на то, что на Западе пресса любит сенсацию и потому, если сделать Солженицына эмигрантом, то после первого шума его забудут, а в своей стране его легче будет оклеветать, когда его в ней уже не будет. Как раз мы, люди с судьбой эмигрантов, можем глубже, чем кто-либо другой, понять разницу в этом пункте между нами и Солженицыным. Мы все бежали охотно, добровольно. Мы были бы счастливы, если бы нам разрешили покинуть Сов. Союз, но нам этого не разрешали. Мы должны были бежать с риском для жизни. Солженицыну же не раз намекали на то, что его выпустят, если он захочет уехать, но он не хотел. Надо понять, как этот человек сумел поставить себя, что произошла такая «перемежа фронтов». Но надо понять и его решимость на все, вплоть до мучительной смерти. Это не упрек по отношению к нам всем, к тем, кто бежал, так как наша смерть осталась бы безымянной и без всякого видимого влияния. Смерть Солженицына в тюрьме или в лагере потрясла бы мир. Но ему самому от этого сознания не легче было идти на арест, потерю так поздно обретенной семьи, возможно, даже на смерть. Однако он был готов.

Советское правительство не решилось. Солженицына выслали насильно. Кроме него «предложили уехать» и другим писателям, имена которых стали на Западе уже известны, например А. Синявскому и В. Максимова. Это «очищение страны» от людей, ведущих духовно, чем-то напоминает высылку русских философов, мыслителей и вообще известных представителей интеллигенции в 1922 г.

Тогда тех, кто уже имел имя, не решились послать в лагерь, их выслали. Правда, писателей оставили и со многими потом расправились. Но тогда еще было время, когда люди не отвыкли откровенно высказывать свои мысли в форме философских, религиозных и политических произведений и статей. Они в то время еще казались опаснее писателей. Диктаторы поняли лишь позже, что и поэзию следует «уважать», а поэтов ликвидировать. В наше время мировоззренческие высказывания выпали почти полностью на долю писателей, художников. Их и высылают.

Что следует за этим? Тогда, после 1922 г., последовали одна за другой волны жуткого террора. Всякая живая мысль была или убита, или так глубоко затнана в подполье, что и докопаться до нее нельзя было. Многие уверены, что теперь это уже невозможно. В самом деле, теперь нет уже ни преклонения перед марксизмом, ни завороченности перед словом «революция», которой страдала большая часть интеллигенции и которая, как моральное давление, помогла создать давление физическое. «Лишь корыстью одних, ослеплением других и жаждой верить у третьих можно истолковать этот жуткий юмор XX века: каким образом столь опороченное, столь провалившееся учение имеет на Западе столько последователей! У нас то их меньше всего осталось! Мы-то, отдавшие, притворяемся только поневоле...»⁵).

Все это так, но во мне живет часть скептицизма Надежды Мандельштам, которая спрашивает, действительно ли «непуганые» (те, кто вырос после Сталина, т. е. под менее страшным террором) окажутся более стойкими, если нахлынет новая волна террора.

Спокойнее я за судьбу самого Солженицына. Я не думаю, что его талант может завянуть или что он не выполнит возложенного на него задания, оттого, что он больше не живет в своей родной стране. Как уже правильно указывалось в эмигрантской печати, Солженицын долго питался соками родной страны, он попал за границу не двадцатилетним юношей, который легко может «потерять» родной язык и живое чувство связи с народом и русской культурой. Напротив, здесь Солженицыну откроются многие архивы, которых он не имел там и которые помогут ему в его работе над историческими романами. Хотя ему и в Советском Союзе были, видимо, знакомы многие произведения, вышедшие за границу, но здесь для него гораздо шире откроется возможность ознакомиться с крупными, большей частью уже покойными, русскими мыслителями, а также и с иностранной литературой. Солженицын пишет в «Архипелаге», что оба течения русской культуры, оставшееся на родине и расцветшее в эмиграции, должны слиться в одно. Возможно, эти два тока русской культуры сольются прежде всего в самом Солженицыне, и он и в этом смысле станет символом нового русского духовного движения.

В своей чудесной молитве Солженицын полностью поставил себя самого и свое творчество под руководство Божие. В том, что КГБ овладело рукописью «Архипелаг» и тем самым вынудило его опубликовать эту книгу уже теперь, Солженицын тоже видит перст Божий. Нет сомнения, что и свою депортацию он будет рассматривать в этом свете, что не мешает ему ощущать ее как большое несчастье в субъективном смысле. Но если человек передал свою судьбу и все свое творчество Божьему руководству, то Бог ведет этого человека путями, которых человек сам часто понять не может: только в Царствии Божьем откроется, какой смысл имел тот или иной поворот в судьбе. В этом смысле я верю, что и высылка Солженицына имела свой глубокий смысл, о котором мы можем только догадываться, но которого полностью мы пока понять не можем.

⁴) А. Солженицын, Архипелаг ГУЛаг, Париж, 1973, стр. 139.

⁵) А. Солженицын, Письмо вождам Советского Союза, Париж, 1974, стр. 37.

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ

Еще раз о свободе выбора*

Прежде всего мне хотелось бы поблагодарить вас за ту высокую честь, какую вы оказали мне, пригласив меня выступить здесь, в этом зале, в городе, где сегодня пересеклись судьбоносные пути современности, в городе, который по праву можно назвать сейчас форпостом свободы среди удручающей тьмы тоталитаризма, в городе, с чьим именем связаны теперь надежды и чаяния миллионов людей свободного мира.

Здесь, в этом городе, не надо быть большим политиком или провидцем, чтобы определить, кто есть кто, и воочию убедиться, откуда исходит угроза всеобщему миру и безопасности. Взгляните в окно и вы увидите: с одной стороны спокойные, полные трудового достоинства кварталы, где человек в военной форме — лишь редкое исключение, с другой — кирпичная стена, колочая проволока, минные поля, сторожевые вышки и солдаты, солдаты, солдаты. Те самые солдаты, от руки которых уже погибли сотни и сотни ваших соотечественников, не пожелавших смириться с тоталитаризмом.

Казалось бы, какие еще доказательства нужны современным западным псевдомиротворцам, чтобы протрезветь и одуматься? Требуется ли еще доводы, чтобы убедить их в тщетности их благих намерений? Не достаточно ли им этого — визуального опыта, чтобы избавиться, наконец, от своих дипломатических иллюзий и политических заблуждений? Мне кажется, вполне достаточно, тем более, что тому имеется множество других свидетельств — от чехословадской трагедии до потрясающих своей достоверностью книг Александра Солженицына включительно.

Поэтому мы, современные русские интеллигенты, исходя из кровавого опыта своей многотрадной родины, больше не верим в эти «иллюзии» и «заблуждения». Мы считаем себя вправе говорить здесь о пособничестве тоталитарной агрессии. На этом мы стоим и будем стоять. Во всяком случае, большинство из нас.

Именно поэтому по нашему адресу, в особенности из левого лагеря, раздаются упреки, что мы, де, выступаем против прогресса и что нас поддерживает так называемая реакция.

От своего имени и от имени своих единомышленников на родине считаю необходимым раз и навсегда внести ясность в наше понимание «прогресса» и «реакции».

Если «прогресс» — это власть никем не избранного правительства над поработанным народом, то мы против такого «прогресса».

Если «прогресс» — это колочая проволока на границах и внутри страны, то мы отвергаем этот «прогресс».

Если «прогресс» — это право обстреливать из минометов мирные города Вьетнама и Камбоджи и закалывать живьем оппозицию в Гуэ, то мы не можем смотреть на такой «прогресс» без отвращения и гнева.

Если «прогресс» — это коллаборанство с диктаторскими и подвластными им режимами, то мы будем постоянно и повседневно разоблачать лживую сущность такого «прогресса».

Если, наконец, «прогресс» — это свобода безнаказанно помогать тоталитарным мафиям Азии силой чужого оружия поработать свои народы, смертельно боясь при этом вручить большому писателю России Нобелевскую премию в собственном помещении, то этот лакейский «прогресс» вызывает у нас, современных русских интеллигентов, только презрение.

То же самое и с понятием «реакция».

Если под «реакцией» подразумеваются антитоталитаристские силы всего мира, то мы считаем их поддержку большой для себя честью, ибо мы отвергаем тоталитаризм,

какую бы окраску он ни носил — коричневую или красную.

В связи с этим мне хотелось бы напомнить людям, упрекающим меня и моих друзей в смертном грехе оппортунизма, горестное восклицание их старшего единомышленника Августа Бебеля: «Август, Август, что-то ты сделал не так, тебя хвалят враги!» Напомнить и в свою очередь спросить у них:

— За что вас хвалят правящие круги государств, где социал-демократия или изгнана, или поголовно физически истреблена, а социал-демократическая деятельность преследуется как уголовное преступление?

— За что, за какие заслуги вам аплодируют в странах, где левое движение приравнивается к сумасшествию или гражданской проказе?

— За что, из каких соображений вас сердечно благодарят за политические самозванцы всех континентов, объявляющие себя то «народными», то «временными», то «революционными» правительствами и уже потопившие в крови всякую оппозицию на пиратски захваченных ими территориях?

— За что, во имя чего вас громогласно приветствуют в закрытых обществах, где понятие «интеллектуал» является синонимом пражданской неполноценности и где их развозят по улицам в шуговских колпаках на потеху черни, а затем публично расстреливают на стадионах?

Если наши оппоненты прямо и непредубежденно ответят на все эти вопросы, то, я уверен, убедятся, что в безответственных играх с дьяволом их завело так далеко, что о возврате им остается только мечтать.

К сожалению, в отличие от недавних форм, современный тоталитаризм опасен своим лицемерием. Он нагло рядится в гуманистические одежды, он ширококестельно оперирует понятиями «свободы», «равенства», «братства». Собственные органические пороки и преступления он беззастенчиво приписывает противникам, обвиняя классическую демократию в фашизме, представительное правосудие в терроре, объективную печать в продажности. Но при сколько-нибудь внимательном рассмотрении любой непредубежденный человек сразу же разглядит под розово-красным глянцем поверхности махрово-черную сущность его содержания.

Но еще прискорбнее в наше время, в трудную годину испытания души и сердца человеческих, циничное отступничество целого сонма христианских пастырей. Лукаво подменив евангельские заветы бесовскими соблазнами легкого хлеба, доступной власти над ближними и отказа от свободного выбора, иные служители, а то и высокие иерархи западных церквей, в угоду низменным инстинктам слабой паствы тускаются в уличную демагогию, разнужданные политические спекуляции, социальный экстремизм.

Почти шестьдесят лет назад русский народ, не устояв перед этими соблазнами, погубил в гражданской междоусобице миллионы лучших своих соотечественников, а в результате хлеба у него стало еще меньше, власти никакой, а о духовной свободе ему теперь даже страшно подумать. То же самое случилось и с теми, кто впоследствии своей или чужой волей пошел по этому пути. Поэтому именно мы, русские, именем безвинно погибших и сгинувших вправе сказать этим лжепастырям: снимите ваши ряссы, отцы, и наденьте коричневые рубашки, они вам больше к лицу!

Подобное состояние современного общества явилось следствием разрыва его природы с религиозной сущностью своего происхождения. Еще столетие назад, в «Легенде о великом инквизиторе» гениальный Достоевский предупреждал, что придет время, когда «человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что

*) Речь, произнесенная 12 мая с. г. в Берлине в зале конгресса.

преступления нет, а стало быть нет и греха, а есть лишь только голодные. «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!» — вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против Тебя и которым разрушится храм Твой».

Выломившийся из своей естественной религиозной гармонии и предоставленный собственной слабости человек на наших глазах начинает тяготиться Божественным даром Свободы и инстинктивно тянется к материальной силе в поисках покровительства и защиты. Ему одиноко и страшно наедине с собой, он ищет общественного слияния с себе подобными, чтобы в этом иллюзорном монолите хоть как-то самоутвердиться и почувствовать себя в безопасности. Так зарождается психология всеобщего рабства, радиоактивно проникающая во все поры общественного организма. Рабство становится модой. У рабства появляются свои мыслители и пророки, апологеты и проводники, герои и мученики. Рабством любят, с рабством заигрывают, перед рабством преклоняются интеллектуальные мазохисты всех цветов и оттенков. Мало того, рабство получает, наконец, идейное оформление и, уже не стыдясь своего скотоподобного облика, кичливо провозглашает: «Лучше быть красным, чем мертвым!». Или предлагает вместо орудия защиты выпустить пластинки: «Мы — сдаемся!». До какого же жуткого животного падения должен дойти человек, чтобы заявить о своем рабстве с такой гордостью! Рабы древности хотя бы тяготились своим позором.

Думается, наступило время, когда каждый христианин обязан сделать выбор между греховной «теплотой» обреченности и «жаром» активного действия. Недаром сказано: «Царствие Божие усилием берется». Долг современного христианина защитить сложившийся Всевышней волей правопорядок от рабской тьмы и духовного распада. Наши молчание и пассивность только потворствуют злу. Рабство отступит, если мы противопоставим ему не только силу нашего духа, но и мощь нашего действия.

Если же роковая черта перейдена, если нам уже нет возврата к Божественному источнику Свободы, то я беру на себя великий грех сказать, что Бог оставил эту скорбную землю и человек больше недостоин жить!

Но к великому нашему счастью и во славу Господа свободный человек не умер. На всех континентах планеты свободный человек властно заявляет грозящему рабству свое непреклонное: нет! Актом свободной воли он рабству предпочитает смерть. Умирая в концентрационных лагерях Потьмы и Хуанхэ, у Берлинской стены и в водах Гонконга, в застенках Гаити и Праги, он передает нам всем, как сокровенный завет, как благу весть, как молитву, драгоценный дар Свободы, завещанный нам Создателем. И пока жив хоть один из таких людей, можно со спокойной совестью утверждать: мы достойны Твоего великого дара, Господи, и мы обережем этот дар для потомков!

Мы выбрали! И мы победим!

С. Л. ФРАНК

Проблема „христианского социализма“*)

I

С тех пор, как существует так называемый «социальный вопрос», — с тех пор, как примерно 100 лет тому назад у европейского человечества открылись глаза и пробудилась совесть в отношении нищеты, материальной нужды широких слоев трудящегося народа, — существуют и многообразные попытки занять христианскую позицию в этом вопросе, разрешить его с точки зрения христианской веры; в многообразных формах, которые мы не можем здесь перечислять и оценивать, существует так называемый «христианский социализм». По меньшей мере отдельные люди или группы людей сознают, что равнодушие, пассивное отношение христиан к горькой нужде множества ближних есть великий грех христианского мира; в католической церкви это сознание было официально возведено и церковно санкционировано в известных энцикликах пап Льва XIII и Пия XI. Люди, желающие быть христианами, начинают чаще и острее ощущать, что было бы невыносимым фарисейством предаваться молитве или богословскому умозрению, упражняться в христианских добродетелях — и не испытывать при этом беспокойства о том, что за стенами церкви или нашего дома миллионы людей — в том числе старики, женщины, дети — голодают и гибнут от хозяйственной нужды. Если, по завету Христову, прежде чем приблизиться к алтарю, нужно примириться с ближним, который чувствует себя обиженным нами — то можно ли оставаться равнодушным к тому, что миллионы нуждающихся живут с чувством горького озлобления против материально привилегированных членов общества, спокойно обрекающих их на голод? Правда, в церкви всегда проповедают милосердие, заботу о бедных, раздачу милостыни. Но ни для кого не секрет, что христианское благотворение в его обычной распространенной форме есть дело весьма дешевое, подача прощей, нечувствительная для дающего и не стоящая

ни в каком отношении к нужде ближнего; такое «благотворение» совершается по общему правилу без истинной любви к ближнему, без малейшей воли к жертвенности; оно легко совмещается с холодностью, равнодушием и даже жестокостью к бедным во всей остальной, «внецерковной» нашей жизни и в особенности в наших «деловых» отношениях к ним; чаще всего такое дешевое благотворение есть само вид фарисейства. Но даже в самом лучшем случае такого рода благотворительность касается немногих отдельных людей, почему-либо нам близких или случайно нам встретившихся; то, что за этими пределами есть еще бесконечное количество нужды и нищеты, обычно мало беспокоит христианина; от укоров совести он обычно отделяется легкой бессердечной мыслью, что «нельзя же помочь всем». Может по праву почитаться истинным скандалом для христианского мира, что, в противоположность этому распространенному в нем равнодушию к судьбе обездоленных, подлинная, горячая забота о ней становится часто привилегией людей неверующих и противников христианства. Как совершенно справедливо заметил Н. А. Бердяев, успех и притягательная сила идей атеистического социализма и его самой крайней формы — материалистического коммунизма — в первую очередь определен историческими грехами христианского мира, его равнодушием к социальной нужде. И социалист, и коммунист пользуются этим положением, чтобы доказывать, что христианская проповедь смирения, терпения и равнодушия к земным благам служит только целью удержать бедных от их стремления к достойному человеческому существованию и охранять бесстыдный эгоизм имущих классов. И к стыду христианского мира приходится признать, что это утверждение содержит долю бесспорной истины: люди, именующие себя христианами, — служители церкви и миряне, — действительно часто пользовались священными заветами христианской веры, чтобы охранять привилегии имущих и препятствовать улучшению быта нуждающихся.

Исходя из этих простых и общих положений, могло бы показаться, что «христианский социализм» в принципе

*) С. Л. Франк, По ту сторону правого и левого. Сборник статей, Париж, 1972. Статья напечатана первый раз в журнале «Путь», Париж, 1939.

вообще не есть проблема. И действительно, поскольку под социализмом мы будем понимать не что иное, как настроенные действенной любви к ближним, серьезного чувства ответственности за их материальную судьбу, всякий христианин, поскольку он хочет быть истинным христианином, должен в этом смысле быть «социалистом». Христианин будет, конечно, воздерживаться от ненависти к богатым — в своем обличении их греха эгоизма, он будет руководиться любовью к обличаемым грешникам; и он будет остерегаться пытаться достигнуть социальной справедливости через демагогическое разнуздывание эгоистических страстей бедняков. Но он не останется равнодушным к самому факту социальной несправедливости и он открыто признает грехом равнодушие и холодность имущих в отношении нужды их обездоленных ближних. Он прежде всего будет сам в своей личной жизни стремиться к добродетели подлинной, действенной любви — будет, в меру своих сил, пытаться осуществлять завет Христа — делиться последним, что имеешь, с нуждающимся братом. И он будет призывать имущих к покаянию, к действенной любви, к заботе о бедных. Смирение, скромность, воздержание от корыстолюбия он будет в первую очередь проповедывать богатым, а не бедным; он будет сознавать, что проповедывать эти добродетели бедным, не впадая в фарисейство, можно лишь после того, как обнаружишь действительное участие в их нужде и разделишь с ними то, что имеешь. Повторяем: в этом смысле совершенно очевидно, что всякий, кто подлинно обладает христианской совестью и хочет быть христианином, должен быть и «христианским социалистом».

Однако подлинная проблематика того, что в специфическом смысле называется «христианским социализмом», вышесказанным еще несколько не затронута и только здесь и начинается. Эта проблематика содержит два существенных момента.

1. Опыт жизни, «мудрость века сего», свидетельствует с бесспорной очевидностью, что личная благотворительность, индивидуальные усилия любви недостаточны, чтобы не только устранить, но и сколько-нибудь существенно смягчить социальную нужду широких масс. Люди самоотверженны, исполненные подлинной христианской любви, всегда составляют ничтожное меньшинство; приходится считать с фактом, что огромное большинство людей корыстны, эгоистичны, равнодушны к нуждам ближних. При этих условиях устранения или сколько-нибудь существенного смягчения социальной нужды можно ожидать только от социальных реформ, т. е. от принудительного регулирования социальных отношений государственной властью (ограничение рабочего времени, устанавливаемый законом минимум заработной платы, принудительное страхование, законодательное нормирование жилищных условий, аграрное законодательство и т. п.). Спрашивается, как должен относиться христианин — именно в качестве христианина, т. е. из глубины своей специфически христианской жизненной установки — к идее социальных реформ? Этот вопрос сводится в конечном счете к вопросу: как должен христианин оценивать меры внешне его, организационного порядка, направленные на удовлетворение материальных нужд людей?

2. Тот же вопрос выступает с особенной резкостью и приобретает особую остроту, поскольку речь идет о христианском отношении к «социализму» в специфическом смысле этого слова. Как известно, социалистическое учение утверждает, что так называемый «буржуазный строй», т. е. строй, основанный на частной собственности и принципиальной свободе труда и экономической жизни, неизбежно приводит к обогащению немногих за счет нужды и нищеты большинства; поэтому он должен быть заменен строем «социалистическим», при котором экономическая жизнь и распределение народного дохода регулировались бы, в интересах справедливости, государственной властью или вообще каким-либо планомерно действующим органом коллективной народной воли. (Мы сознательно даем наиболее широкое определение социа-

лизма, под которое могут подойти разные типы его конкретного осуществления). Оставляя здесь в стороне чисто экономическую или социологическую, т. е. вообще эмпирическую проблематику — иначе говоря, допуская без спора — для упрощения вопроса и уяснения его принципиальной стороны, — что в отношении справедливого распределения дохода и вообще материального благополучия народных масс социалистический строй имеет преимущество перед так называемым буржуазным, т. е. строем, основанным на частной собственности, и экономической свободе*, — поставим вопрос: должен ли христианин в силу этого быть (по мотивам своего христианского сознания) сторонником социалистического строя, или же он имеет свои, христианские, возражения против него — или, наконец, он может или даже должен оставаться индифферентным в этом споре, не занимая в нем никакой позиции (что есть, кажется, наиболее распространенная установка)?

Несмотря на несомненную связь двух указанных вопросов, мы для ясности должны их расчленить и рассмотреть каждый из них в отдельности.

II

Итак, спросим себя прежде всего: каково должно быть христианское отношение к «социальному вопросу», поскольку этот вопрос практически разрешается не в порядке христианской любви и индивидуального благотворения, а в порядке осуществляемых государственной властью принудительных социальных реформ? Должен ли христианин, именно в качестве христианина, быть социальным реформатором и в этом смысле «социалистом»? Или задача принудительного государственного осуществления социальной справедливости вообще выходит, в качестве проблемы чисто земного, материального устройства жизни, за пределы специфически христианского интереса? Или здесь возможна еще какая-нибудь иная, третья, установка?

Одно кажется нам, прежде всего, совершенно бесспорным. Если христианская вера есть обладание полнотой правды, то христианская религиозная жизнь и религиозная установка не есть какая-нибудь частная ограниченная сфера жизни, чуждая всем остальным областям жизни и равнодушная к ним; напротив, она должна охватывать всю нравственную и, тем самым, социальную жизнь и иметь в отношении ее свою, специфически христианскую, установку. Этим сразу отвергается, с одной стороны, индифферентизм в отношении социального вопроса и, с другой стороны, все попытки просто механически сочетать с христианством какие-либо господствующие в нехристианской среде типические воззрения по этому вопросу. Что касается последнего момента, то христианин должен, конечно, смиренно учиться правде, даже если ее высказывает неверующий; и в этом смысле нужно считаться с фактом, что инициатива забот о социальной справедливости и о разрешении социального вопроса принадлежала — и, пожалуй, и доселе принадлежит — неверующим. Христианский мир должен честно признать этот устыжающий его факт, должен смиренно учиться у неверующих самой их заботе о социальной правде. Но, с другой стороны, не может быть и речи о том, чтобы механически покорно признавать правильными и усваивать сами от верующих на этот вопрос. Ложная религиозная установка может, правда, сочетаться с высоким уровнем нравственных стремлений, но никак не может лежать в основе истинного жизнепонимания. Поэтому христианское отношение к социальному вопросу, христианское понимание путей его разрешения не может быть простой копией понимания нехристианского, а должно носить на себе явственный отпечаток основоположной религиозной сущности общей христианской установки.

* По существу мы думаем, что опыт социалистического хозяйства (и в России и в Германии) опровергает это утверждение и свидетельствует о прямо противоположном.

В чем заключается существо этой христианской установки, ее принципиальное отличие от установки нехристианской? Нельзя, конечно, уложить смысл христианского сознания в какую-либо одну отвлеченную формулу; однако можно все же отвлеченно выразить наиболее существенный его признак. Он состоит в том, что христианскому жизненчеству и жизнепониманию присуще сознание коренной, «нераздельной и неслиянной» до конца мира и его чаемого последнего преображения неустранимой двойственности сфер бытия, в которой живет и к которой причастен христианин. В каких бы словах мы ни формулировали эту двойственность — как царство «небесное» и царство «земное», как внутреннюю жизнь с Богом или «во Христе» — и жизнь в «мире», как сферу «Церкви» (в основном, мистическом смысле этого понятия) и сферу «мира», или как сферу «благодати» и сферу «закона», — самый факт этой двойственности и его существенный смысл непосредственно понятен и очевиден всякому сознанию, внутренне причастному христианскому откровению. Из этой двойственности совсем не вытекает, как это часто думают, совершенное равнодушие к «миру», полная замкнутость в одном лишь «небесном»: такая позиция означала бы, наоборот, отсутствие указанной основоположной для христианского сознания двойственности. Если христианин обязан стремиться к подавлению и угашению своих собственных эгоистических «мирских» интересов, то в своей христианской любви к ближним, он, напротив, не имеет права не считаться и с их «мирской», «земной» нуждой. Но одно все же следует из этой своеобразной христианской установки — именно сознание, что земными нуждами во всяком случае не исчерпывается нужда человека, более того — что духовная жизнь и ее нужда обладают неким онтологическим приматом над жизнью земной и ее интересами.

Отсюда для нашей темы следуют некоторые, весьма существенные выводы. Поскольку действенная любовь к ближнему требует — для своего подлинно плодотворного осуществления — своего выражения в «социальных реформах», т. е. в форме установления некоего нового организационного порядка, — нет никакого основания, чтобы христианин относился принципиально отрицательно или даже только равнодушно к такого рода мероприятиям; напротив, в принципе он должен будет сочувствовать всем мерам, содействующим установлению социальной справедливости. Однако при всем своем принципиальном сочувствии социальным реформам, поскольку последние выражают в сфере организованной коллективной воли заботу о судьбе ближних, христианин никогда не сможет считать такое организационное преобразование человеческих отношений единственным и даже только наиболее существенным путем к преодолению человеческих бедствий. Ибо он знает, что эти бедствия и общий трагизм человеческой жизни имеют более глубокий, внутренний духовный источник, недоступный никаким политическим мерам. С одной стороны, человеческая душа имеет, кроме материальных нужд, и нужды духовные, которые, конечно, никакими «социальными реформами» удовлетворить нельзя. Если бы было непростительным лицемерием и ханжеством отводить ссылкой на это заботу о материальной нужде ближнего — если первый долг христианина в отношении голодного — накормить его, а не читать ему проповеди, то этим все же не устраняется истина «не о едином хлебе жив человек». И, с другой стороны, сами «земные» материальные нужды человека определены не только тем или иным социально-политическим строем, а общей греховной, несовершенной природой человека. Христианин не может разделять мысль Руссо, что зло человеческой жизни определено неправильными общественными отношениями. Поэтому христианин никогда не может быть социальным утопистом. Он никогда не будет разделять веры, что какие-либо социальные реформы или перевороты смогут устранить все несправедливости, все зло, все бедствия человеческой жизни; он не может верить в осуществление какими бы то ни было внешними организационными ме-

рами царства правды, мира и блаженства — «царства Божия на земле». Он знает, что и социальное зло, как всякое зло, в конечном счете определено греховной природой человека, поэтому не может быть окончательно устранено никакими внешними человеческими средствами. Он знает, что страдать от неправды, царящей в мире, есть — впредь до чаемого преображения и окончательного обожения мира — роковая, ничем не преодолимая судьба человека. Правда, это убеждение не должно служить — как это, к несчастью, часто бывало в истории христианства — поводом к равнодушию или пассивности в отношении социальной нужды людей и попыток смягчить ее социальными реформами. Но при всей своей воле действительно участвовать в попытках организационного улучшения положения людей христианин, по самому существу своей жизненной установки, не сможет видеть в социальных реформах ни панацею от всех бедствий, ни единственной задачи своей жизни.

Сказанное выше может на первый взгляд показаться «общим местом», или соображением формального порядка, из которого нельзя сделать никаких конкретных выводов по существу интересующего нас вопроса. Однако это не так. Из сказанного следуют, напротив, весьма существенные конкретные выводы в отношении христианской установки в социальном вопросе. Христианин не только не будет сочувствовать учению материалистического социализма, основанному на вере в одни земные блага, на возбуждении классовой ненависти и разнуздывании инстинктов корысти и зависти в народных массах — что понятно само собой, — но он и не сможет быть ни революционером (в социальном и политическом смысле), ни вообще политическим или социальным фанатиком. С одной стороны, он отклонит, как губительное заблуждение, великий радикальный переворот в социальных отношениях, который всегда опирается на надежду сразу, единым взмахом избавить человечество от всех или хотя бы от наиболее существенных его бедствий. Так как он заранее знает, что все человеческие реформы суть паллиативы, что с устранением одних бедствий, особенно чувствительных в данный момент, обнаружатся другие бедствия, о которых люди сейчас не думают, — то он будет склонен отдавать предпочтение постепенным и частичным реформам перед всякого рода мнимо-спасительными переворотами, связанными с великими потрясениями. Именно в силу своего религиозного радикализма, именно в силу своей надмирной позиции, христианин будет в сфере социально-политических реформ умеренным и реалистом; в отношении всех мирских забот и планов он отдаст предпочтение «здравому смыслу», основанной на жизненном опыте холодной мудрости перед всяким страстным энтузиазмом, рождающимся из слепой и ложной веры. И с другой стороны, имея опыт духовной основы всей человеческой жизни, он всегда будет сознавать, что даже самая разумная и целесообразная социальная реформа, т. е. организационная перемена внешних условий жизни, может быть подлинно плодотворной лишь в связи с внутренним, нравственным и духовным улучшением самих людей. Он никогда не забудет, что единственное, чему можно приписать универсальное значение в человеческой жизни, есть забота о внутреннем духовном строе человеческой души. И в этом отношении он поэтому также отдаст предпочтение постепенным реформам, связанным с перевоспитанием человека, с улучшением внутренних навыков его жизни, перед всякими поспешными, внезапными и радикальными переменами.

III

Эти предварительные соображения готовят нас к ответу на второй из поставленных выше вопросов: какова должна быть позиция христианина при выборе между господствующим «буржуазным» порядком, основанным на частной собственности и хозяйственной свободе, т. е. на хозяйственном индивидуализме, и социалистиче-

ским порядком, в котором государство или общество с помощью правовых норм, принудительно противодействующих хозяйственному эгоизму, заботится о материальном благосостоянии трудящихся масс? Как уже указано выше, для упрощения вопроса мы оставляем в стороне всю чисто экономическую или социально-политическую проблематику и сосредоточиваемся исключительно на религиозно-нравственной стороне вопроса.

Социализм в своей критике существующего буржуазного порядка утверждает, что частная собственность и неограниченная хозяйственная свобода личности не только приводят к хозяйственному неравенству, к разделению общества на богатых и бедных, но вместе с тем представляют богатым, как хозяйственно наиболее сильным, свободу эксплуатировать бедных; таким образом, при буржуазном строе социальная несправедливость узаконяется самым правом, которое по существу должно было бы быть выражением начала справедливости. Если право цивилизованных народов не терпит того, чтобы физически сильный истязал, угнетал, поработал физически слабого, то не должен ли этот же принцип — ограничение свободы сильнейшего, где она ведет к злоупотреблениям — применяться и в отношении хозяйственной и социальной жизни? Формально свободный (в демократиях) бедняк в силу своей хозяйственной зависимости от богатого становится фактически рабом последнего. Не требует ли долг элементарной справедливости, чтобы государство, отменив или по крайней мере существенно стеснив индивидуальную хозяйственную свободу, принудило богатых считаться с правомерными интересами бедных?

На первый взгляд могло бы показаться, что именно при полной искренности и последовательности христианского умонастроения здесь вообще нет места для сомнений. Порядок, основанный на правовом санкционировании корысти и эгоизма и приводящий к эксплуатации бедных богатыми, сам по себе не может вызывать сочувствия христианина. Это непосредственное нравственное чувство есть психологическое основание распространенного убеждения, что искренний и добросовестный христианин должен тем самым быть социалистом, принципиально сочувствовать социалистическим требованиям. И все же вопрос не так прост, как это кажется с первого взгляда; и именно здесь нас подстерегает тяжелое и роковое искушение, и притом порядка чисто религиозно-нравственного.

А именно, основная проблематика заключена здесь в вопросе: можно ли и дозволительно ли, с точки зрения христианского сознания, добиваться справедливого, братского отношения к ближним с помощью принуждения? Может ли христианская заповедь любви к ближнему быть превращена в принудительную норму права? Ответ на этот вопрос, думается, совершенно очевиден: он состоит в том, что это и фактически невозможно, и морально и религиозно недопустимо. Это невозможно, потому что любовь к ближнему, как, впрочем, и всякое моральное умонастроение, не может быть вынуждена, а может только свободно истекать из глубин человеческого духа и его свободного богообщения. Но именно поэтому это и недопустимо, ибо, не достигая своей подлинной цели, всякая попытка такого рода приводила бы лишь к лицемерию, к невыносимой фальсификации подлинного христианско-этического умонастроения. Всякая попытка вынудить какую-нибудь христианскую добродетель (идет ли речь о физическом принуждении, как в норме права, или даже только о моральном принуждении) означала бы сама измену христианскому умонастроению — измену религии благодати и свободы — и впадение в фарисейство, в религию законничества и внешних дел. «Господь есть Дух; и где Дух Господен, там и свобода». Как бы часто, в самых многообразных направлениях, христианский мир ни погрешал против этой истины — она остается все же основоположной аксиомой христианского сознания.

С этой точки зрения столь, казалось бы, естественный, почти незаметный переход от истинного христианского

умонастроения к этически-политической позиции «христианского социализма» (в специфическом смысле этого понятия, с которым мы имеем здесь дело) оказывается схождением с истинного пути — заблуждением, по существу совпадающим с искушением «Великого Инквизитора» у Достоевского. К самому существованию христианской веры принадлежит, что христианин стоит перед тяжелой альтернативой: либо он остается со Христом, т. е. с христианским идеалом жизни, основанным на свободной любви, — идя при этом на риск внешнего неуспеха своего дела, — либо же он поддается стремлению облегчить человеческие нужды с помощью земной, внешней силы принуждения — и, тем самым, фактически отрекается от истинного существа христианской жизненной установки, осуществимой лишь при полной внутренней свободе и отрешенности от мысли о внешнем успехе. Последний член этой альтернативы не перестает быть искушением, впадением в ересь оттого, что побуждением к нему служит благородный, морально правомерный мотив любви к людям. И положение тут таково, что чем отзывчивее человек на чужие страдания, чем более страстно он ищет правды в человеческих отношениях, тем легче ему впасть в это заблуждение. Ведь, исходя именно из такого подлинного осуществления правды на земле, противники христианства вообще рассматривают христианскую веру как «религию постоянной неудачи»; они ссылаются при этом на исторический опыт, показывающий невозможность христианизировать мир, обратить его к правде на пути свободного следования заповеди Христа. Но именно поэтому мы стоим здесь на роковом распутье и должны сделать выбор между путем христианским и путем социалистическим.

Но что же это значит? Значит ли это, что христианин, признав ложным путь «социалистический», тем самым должен солидаризироваться с духом «буржуазного» строя, основанным, как мы видели, на корысти и эгоизме? И как согласовать вывод, к которому мы сейчас пришли, с высказанным выше утверждением, что христианин может и даже должен быть сторонником социальных реформ, которые ведь тоже суть принудительные меры к осуществлению социальной справедливости и к облегчению человеческой нужды? Не приводит ли конкретно намеченная нами мысль — вопреки всему признанному нами выше — к оправданию равнодушия христианина к социальной нужде, т. е. к некоему очевидному, с христианской точки зрения, *reductio ad absurdum*?

Разрешение этого сомнения подводит нас, наконец, к усмотрению подлинного, «царственного» пути христианского сознания в проблематике социального вопроса.

Основоположная, сущностная установка христианского сознания, вытекающая из самого существа христианства, как религии благодати, как жизни в Боге — есть установка свободы, свободной любви. Но из этого совсем не следует топорное, рационалистическое, «толстовское» утверждение, что всякое вообще принуждение и всякое вообще мероприятие внешнего, организационного порядка противоречит христианскому сознанию и недопустимо для христианина. Выше было указано, что из существа христианской жизненной установки вытекает двойственность между «жизнью в Боге» и принадлежностью к «миру». Именно эта двойственность определяет неизбежную двойственность путей христианского овладения жизнью. Признавая единственным путем спасения мира и человечества таинственную, незримую богочеловеческую активность, совершающуюся в глубинах человеческого духа и в стихии свободы и любви, — христианин одновременно сознает свою задачу — в пределах мира оправдать жизнь от сил зла и содействовать торжеству правды и добра. Эта последняя задача именно и есть внешняя, организационная задача, для которой неизбежно внешнее принуждение. С христианской точки зрения недопустимо не просто всякое принуждение как таковое (которое, напротив, при известных условиях, обязательно) — недопустимо только смешение организационной задачи — общее говоря, задачи внешнего

противодействия злу и содействия добру — с существенным преобразованием жизни, осуществимым лишь через свободную любовь. Одно дело — спасение и внутреннее возрождение или просветление человеческой жизни, и совсем другое дело — принятие внешних мер к ее охране и к содействию росту ее внутренних сил. Сознание этого существенного различия дает нам возможность точного определения отношения христианина к «социализму», к «буржуазному строю» и к «социальной реформе».

Прежде всего, само понятие «христианский социализм» — поскольку под социализмом разуметь не умонастроение, а некий общественный «строй» или «порядок» — содержит опасное смещение понятий и есть *contradictio in adjecto* уже в том общем смысле, в котором противоречиво понятие «христианского общественного строя». Сферой христианской жизни в непосредственном и подлинном смысле слова может быть только церковь в смысле свободного любовного единства людей во Христе, а не какой-либо государственный или общественный порядок. Если теперь, за пределами этого общего соображения, мы спросим, какой строй или порядок более соответствует — в плане правового порядка — христианскому идеалу, то ответ на это не представляет затруднения. С точки зрения христианской веры и христианского жизнепонимания предпочтение имеет тот общественный строй или порядок, который в максимальной мере благоприятен развитию и укреплению свободного братско-любовного единства между людьми. Сколь бы это ни казалось парадоксальным, но таким строем оказывается не «социализм», а именно строй, основанный на хозяйственной свободе личности, на свободе индивидуального распоряжения имуществом. Ибо социалистический строй, лишаящий личность свободного распоряжения имуществом и принудительно осуществляющий социальную справедливость, тем самым лишает христианина возможности свободно осуществлять завет христианской любви (конечно, в той мере, в какой осуществление христианского завета вообще зависит от внешних условий). Социализм — не в какой-либо случайной, отдельной форме своего осуществления, а в самом своем существе и общем замысле — есть система жизни, отвергающая христианский идеал свободной братской любви (с ссылкой на его неосуществимость ввиду эгоистической природы человека) и заменяющая его государственно-правовым, т. е. принудительным осуществлением социальной справедливости. Напротив, правовой строй, признающий свободу личного распоряжения в хозяйственной жизни, есть необходимое или, по меньшей мере, наиболее благоприятное условие для осуществления христианской любви вплоть до пожертвования всем своим имуществом и свободно-любовной общности имущества. (На этом основана имущественная общность первохристианской общины, как это особенно отчетливо показано в Деяна. Апостол., в истории Анания и Сапфиры, и на этом же по существу основан монастырский уклад совместной жизни; совершенно очевидно, что здесь дело идет не о принудительном осуществлении социальной справедливости, а о добровольном решении людей, свободных распоряжаться своей собственностью, составить единую христианскую семью). И можно сказать, что т. наз. «буржуазный» строй таких стран, как, напр., Франция и Англия, есть необходимое условие для существования «христианских социалистов», т. е. людей, одушевленных любовью к нуждающимся ближним и жертвенно отдающих им свое имущество; тогда как в таких странах, как коммунистическая Россия или национал-социалистическая Германия, где социальная солидарность (в разных формах) предписана начальством и осуществляется принудительно, «христианский социализм» есть явление почти немислимое.

В этой связи нам отчетливо уясняется принципиальное различие между социализмом (как правовым строем)

и социальными реформами. Социализм есть, как указано, замысел принудительного осуществления правды и братства между людьми; в качестве такового, он прямо противоречит христианскому сознанию свободного братства во Христе. Идея же социальных реформ или социального законодательства состоит в том, что государство ограничивает хозяйственную свободу там, где она приводит к недопустимой эксплуатации слабых сильными; государство с помощью принудительных мер защищает бедных, имуществом слабых, налагает запрет на известные действия или отношения, которые оно считает недопустимыми с точки зрения социальной справедливости; в остальном же оно не стесняет хозяйственной свободы граждан. Последняя установка, конечно, и с христианской точки зрения есть единственно правильная. Поясним это соотношение простой аналогией. Существование полиции и суда, ограждающих членов общества от преступных и неправомерных действий отдельных людей, конечно, необходимо и вполне правомерно — суждение христианина в этом отношении не будет отличаться от суждения всякого здравомыслящего человека («начальник, носящий меч, есть Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое», Римл. 13, 4). Но совсем другое дело — заранее признать всех людей преступными и злыми, запереть их всех в тюрьму или сделать рабами, чтобы иметь возможность принудительно опекать их и заставлять их вести себя справедливо.

Рискуя тем, что христианскому умонастроению будет сделан упрек в лицемерии и в равнодушии к материальной нужде людей, нужно решительно настаивать на том, что с христианской точки зрения свобода, как условие духовной жизни, — а тем самым и хозяйственная свобода — ценнее всякого материального благополучия. Джон Ст. Милль, когда-то — вопреки утилитаризму — формулировал положение: «Недовольный Сократ лучше довольной свиньи». Это есть единственно правильная христианская точка зрения. Сытым рабам (повторяем: даже если бы таковые были возможны, то есть, если бы порабощение не приводило, как показывает опыт, и к обнищанию) надо безусловно предпочесть свободных людей, даже сознавая, что свобода связана с материальной небеспечечностью, с опасностью хозяйственной нужды. Только поскольку хозяйственная свобода сама вырождается в порабощение человека и тем затрудняет и его духовную жизнь, право должно принудительно полагать ей, в социальном законодательстве, предел.

Но в этом принципиальном предпочтении добровольности принуждению, не возвращаемся ли мы к позиции, уже опровергнутой опытом экономической истории? Не противоречим ли мы нашему собственному признанию, что ввиду корыстности и эгоистичности большинства людей свобода приводит к эксплуатации экономически слабых экономически сильными? Для христианского сознания есть только один выход из этой трудности, но выход совершенно очевидный и возвращающий нас — после всего этого ориентирования в производном слое христианской жизни — к центральной христианской жизненной установке. Христианская вера есть, ведь, по самому существу нечто парадоксальное, т. е. противоречащее жизненному «опыту», «мудрости века сего». Так и в рассматриваемом вопросе. Перед лицом трагической социальной судьбы человечества, сознавая свою христианскую ответственность за нее, надо, вопреки всякому опыту, верить во всепобеждающую силу жертвенной братской любви к людям и проповедей этой любви. Если вере дано двигать горами, то она во всяком случае способна побеждать зло и неправду в жизни людей. Основная христианская позиция в социальном вопросе есть крестовый поход любви для овладения миром. Никто не в состоянии установить заранее незыблемые границы для плодотворного действия одушевленных верой и любовью подвигов братолюбия — индивидуальных и коллективных (вспом-

историей», иначе говоря, после перехода к коммунизму) все индивидуумы станут неконформистскими и творческими, и, видимо, хотя Маркс прямо этого и не утверждает, приобретут внутреннюю, неутилитарную ценность. В противоположность этому, согласно Ницше, даже в отдаленном будущем только некоторые индивидуумы — небольшое число *freie Geister* и в конечном итоге *Übermenschen* — будут неконформистскими и творческими, в то время как большинство останется, как и ранее, конформистскими и нетворческими. Во-вторых, согласно моему пониманию Ницше, даже его конечные *Übermenschen* не будут самодовлеющими индивидуальностями, а будут служить главным образом средством для обогащения высокой исторической культуры.

В этом вопросе Кьеркегор отличается и от Маркса, и от Ницше. Он не рассматривает живущих индивидуумов в качестве орудия для создания будущей культуры или в качестве освободителей будущего человечества. Точнее говоря, он рассматривает живущих индивидуумов в известном смысле подчиненными Богу и зависящими от Бога, однако на уровне человеческой истории внутреннюю ценность он видит пребывающей исключительно в живущих индивидуумах. Кьеркегор, которого можно назвать «христианским этическим гуманистом» или «христианским персоналистом», воспринял гуманизм принципов и категорически отказывался рассматривать живущих индивидуумов как орудия для построения чаемого будущего «человечества»⁵).

В противоположность этому гуманизм Маркса определенно обращен в будущее. Маркс говорит о построении будущего общества, в котором полное и свободное развитие каждого индивидуума является (в смысле «явиться») ведущим принципом⁶). В «Философских тетрадях» (1844) он считает практику ориентированной в будущее, или, в терминологии современных марксистов, как «существование через будущее»⁷). В посмертном третьем томе «Капитала» Маркс добавляет, что «социализованные люди» или «ассоциированные производители» будущего будут выполнять свою работу в условиях, «максимально адекватных их человеческой природе и максимально ее достойных»⁸).

Однако следует задаться вопросом — как должно быть построено это коммунистическое будущее, как перешагнуть через существующие в настоящее время «эксплуатацию» и «разобщение»? Югославский философ Гайо Петрович признает, что когда Маркс при описании переходного периода от капитализма к социализму нашаманил «диктатуру пролетариата» (в «Критике Готской программы»), он возвестил «крайне опасную теорию, ... которая... была использована для антисоциалистических целей», то есть для оправдания (ленинско)-сталинского пути к социализму через «бесчеловечность, несвободу и насилие»⁹).

Однако ни Петрович, ни какой-либо другой современный марксист не готовы признать того, что ленинизм и сталинизм заложены в ориентированности в будущее даже самого раннего Маркса. Современные марксисты признают, что при сталинизме «настоящее приносится в жертву во имя светлого будущего; живущие люди являются жертвами счастья потомков», и что «отдельный человек во все возрастающей степени лишается своей индивиду-

альности, в то время как все более подчеркивается человечество, как «ведущая» цель истории»¹⁰). Очевидно, имея в виду не только сталинизм, но и хрущевский «гуляшный коммунизм», Маркович пишет, что в некоторых «социалистических странах» идеал общества изобилия был выдвинут в качестве «цели в будущем, требующей весьма серьезного самопожертвования в настоящем»¹¹).

Однако современные марксисты не в состоянии привести ни одной цитаты в подтверждение своих упорных притязаний на то, говоря словами Корача, что «при социализме, носящем имя Маркса, человек как таковой никогда не может быть принесен в жертву предполагаемым «высшим» интересам будущего»¹²).

И, наконец, необходимо разрешить вопрос: какой смысл вкладывается в слово «человек»? Что это — «человеческий индивидуум», «общество» или «вид»? Это различие необходимо учитывать при рассмотрении как обращенного в настоящее, так и обращенного в будущее человекоцентризма. Можно рассматривать живущих в настоящее время индивидуумов и индивидуумов будущего, современное общество или вид и общество или вид будущего. Кьеркегор был озабочен живущими индивидуумами и отвергал притязания будущих коллективов. Ницше интересовался будущей культурой, скорее «коллективным», нежели «индивидуальным» феноменом, хотя, конечно, феномен этот должны были создавать индивидуумы. Маркс предпочитал говорить о настоящем и будущем в терминах «социального индивидуума» или человека как «общественного существа». Как отмечает один чешский философ, мысль Маркса (как и Гегеля) «перешагнула через концепцию человека как изолированного индивидуума»¹³).

Уже в самых ранних работах Маркс подчеркивал, что понятие «человек» следует рассматривать в социальном плане, как «мир людей, государство, общество». В своем раннем эссе «К еврейскому вопросу» (1843) Маркс постулировал, что «эмансипация человека» произойдет только тогда, когда человек «станет видовым существом (*Gattungswesen*), только тогда, когда он распознает и организует свои силы как социальные силы». В своем знаменитом «Шестом тезисе к Фейербаху» он утверждает, что «сущность (*Wesen*) человека» представляет собой «весь комплекс (*das Ensemble*) общественных отношений». Он ссылается на «человеческую, то есть общественную жизнь»¹⁴). Петрович идет еще дальше, считая «несущественным» то содержание слова «человек», которое мы в это слово вкладываем. Согласно Петровичу, несущественно, подразумеваем ли мы под словом «человек» ассоциацию, группу или индивидуума»¹⁵).

Однако очевидно, что такое определение, как и различие между «человеком» настоящего и будущего, весьма существенно. Неясность в этом отношении, простительная для молодого Маркса, увлеченного гегелевской терминологией и фейербаховской риторикой, менее простительна для современных марксистов. Эта явная неопределенность существенно ослабляет позиции философов, утверждающих, что Маркс был «этическим гуманистом».

В заключение я хочу повторить, что у Маркса был только гуманистический идеал для будущего, и не было гуманистических принципов для настоящего, и в политическом смысле он был «меньшим защитником „принципов 1789 года“ чем Гегель, и подтекст его идей ближе к тоталитаризму, нежели к упору на индивидуальную личность, ... характерному для либеральной демократии»¹⁶).

⁵) Более подробное сопоставление взглядов Маркса, Кьеркегора и Ницше содержится в моей статье „Some Critical Comments on Marx's Philosophy“ в сборнике „Marx and the Western World“, ed. N. Lobkowitz, Notre Dame, Ind., 1967, esp. pp. 420 ff.

⁶) Capital, I, 649.

⁷) Gayo Petrović, Marx in the mid-Twentieth Century, New York, 1967, pp. 118, 172. Петрович добавляет, что человек «своим настоящим» реализует «свое будущее» и что человек представляет собою «общество, свободу, историю и будущее» (*Ibid.*, pp. 80, 23).

⁸) Capital, III, 954.

⁹) Petrović, op. cit., p. 156.

¹⁰) Veljko Korać, Fromm, ed., op. cit., p. 12.

¹¹) Mihailo Marković, Fromm, ed., op. cit., p. 94.

¹²) Veljko Korać, Fromm, ed., op. cit., p. 14.

¹³) Ivan Sviták, Fromm, ed., op. cit., p. 21.

¹⁴) Cp. Marx-Engels, Historisch-Kritische Gesamtausgabe, I, 3, 114.

¹⁵) Petrović, op. cit., p. 128.

¹⁶) Loyd D. Easton and Kurt H. Guddat, Introduction to Writings of the Young Marx on Philosophy and Society, New York, 1967, p. 32.

В. ПИРОЖКОВА

Архипелаг ГУЛаг

(Часть I и II)

«Тут многого в Фастенко я еще не мог понять. Для меня в нем едва ли не главное и самое удивительное было то, что он лично знал Ленина, сам же он вспоминал об этом весьма прохладно. (Мое настроение было тогда такое: кто-то в камере назвал Фастенко по одному отчеству, без имени, т. е. просто: «Ильич, сегодня парашу ты выносишь?» Я вскипел, обиделся, это показалось мне кощунством, и не только в таком сочетании слов, но вообще кощунством называть кого бы то ни было Ильичом, кроме единственного человека на земле!). От этого и Фастенко еще не мог много мне объяснить, как бы хотел.

Он говорил мне ясно по-русски: «Не сотвори себе кумира!» А я не понимал!

Видя мою восторженность, он настойчиво и не один раз повторял мне: «Вы — математик, вам грешно забывать Декарта: все подвергай сомнению: все подвергай сомнению!» Как это — «все»? Ну, не все же: мне казалось, я и так уж достаточно подверг сомнению, довольно!

Или говорил: «Старых политкаторжан почти не осталось, я — из самых последних. Старых каторжан всех уничтожили, а общество наше разогнали еще в тридцатые годы». — «А почему?» — «Чтобы мы не собирались, не обсуждали». И хотя эти простые слова, сказанные спокойным тоном, должны были возопить к небу, выбить стекла — я воспринимал их только как еще одно злодеяние Сталина. Трудный факт, но — без корней¹⁾.

Критика Сталина без учета Ленина остается без корней. Собственно говоря, и критика Ленина без Маркса остается без корней. Но Маркс был только теоретиком, ему не удалось испробовать на практике свою идеологию. Ленину же судьба дала эту возможность, и он своей практической деятельностью, совершенными им актами насилия заложил тот фундамент, на котором Сталин потом воздвиг свое страшное здание. Однако корни нисходят к самому Марксу.

«Архипелаг ГУЛаг» вскрывает полностью ленинские корни Сталина. Его великое значение по сравнению со многими весьма ценными воспоминаниями бывших заключенных именно в том, что он не только описывает факты, но и вскрывает корни.

Однако в начале нашего анализа «Архипелага» мне бы хотелось проследить внутреннее развитие самого автора. Хотя я после чтения прежних романов Солженицына, особенно «В круге первом» было известно, что у него была склонность высоко оценивать Ленина, но я не ожидала, что он был убежденным марксистом и ленинцем. Я признаюсь, что для меня это было неожиданностью. Из того же романа «В круге первом» было известно, что Нержкин-Солженицын уже подростком задумывался о тайне, хранящейся за тюремными стенами, и горел тайным желанием раскрыть эту тайну. «Архипелаг» подтверждает, что Солженицын 12-летним мальчиком уже читал протоколы процессов и сомневался в том, что происходило. Но вот о двадцатилетнем юноше мы читаем: «Я вспоминаю третий курс университета, осень 1938 г. Нас, мальчиков-комсомольцев, вызывают в райком комсомола раз и второй раз и, почти не спрашивая о согласии, суют нам заполнять анкеты: дескать, довольно с вас физматов, химфактов. Родине нужней, чтобы шли вы в училища НКВД. (Ведь это всегда так, что не кому-то там нужно, а самой Родине, за нее же все знает и говорит какой-нибудь чин).

Годом раньше тот же райком вербовал нас в авиационные училища. И мы тоже отбивались (жалко было университет бросить), но не так стойко, как сейчас.

Через четверть столетия можно подумать: ну да, мы понимали, какие вокруг кипят аресты, как мучают в тюрьмах и в какую грязь вас втягивают. Нет!! Ведь воронки ходили ночью, а мы были — эти, дневные, со знаменами. Откуда нам знать и почему думать об арестах? Что сменили всех областных вождей — так для нас это было решительно все равно. Посадили двух-трех профессоров, так мы ж с ними на танцы не ходили, а экзамены еще легче будет сдавать. Мы, двадцатилетние, шагали в колонне ровесников Октября, и, как ровесников, нас ожидало самое светлое будущее²⁾.

В 1938 г. не обращать внимания на повальные аресты? И это такой наблюдательный, чуткий человек, как Александр Солженицын, который уже мальчиком задумывался над тем, что происходило, а затем развился в такого непоколебимого борца против лжи, идеологии, режима? Невольно вспоминаются собственное детство и юность. Я была в упоминаемый год еще в школе, я на несколько лет младше Солженицына, и помню ту депрессию, тот траурный флаг, под которым мы тогда жили. Мы тогда все очень хорошо замечали и знали. А затем Ленинградский университет, механико-математический факультет (из-за нейтральности предмета), половина первого курса этого факультета находилась вне комсомола (как и я сама), настроение глухо оппозиционное, но полное страха, отчаяния, ненависти к режиму и подымающегося презрения к идеологии марксизма-ленинизма. Может быть, к этому настроению прибавила позже и война с Финляндией 1939—1940 гг., разыгравшаяся перед самым носом Ленинграда, когда в длинных очередях за продуктами, которые вдруг почти исчезли из магазинов, женщины почти открыто восхищались мужеством финнов, когда чуть ли не на наших глазах создавали «народную финскую армию», переодевая советских траждан карело-финского происхождения в фантастическую, выдуманную форму «народной армии», когда поползли слухи, что рабочие Путиловских заводов, «колыбели революции», будут бастовать, когда возвращавшиеся с фронта бывшие товарищи по школе говорили потихоньку в беседах с глазу на глаз: «Ты не представляешь себе, как это угнетает, нам говорят, что мы идем освобождать финских рабочих и крестьян, а освобождать-то некого, с оккупированных территорий бегут все, все, ни одной живой души не остается, как ипритом полито». Или то, что мы уже тогда знали, что все военнопленные, вернувшиеся из Финляндии, пошли в концлагеря.

Но Солженицын прошел иной путь: то, что уже начинало в мальчике, оказалось загнанным вглубь в юноше: «С детства я откуда-то знал, что моя цель — это история русской революции, а остальное меня несколько не касается. Для понимания же революции мне давно ничего не нужно, кроме марксизма; все прочее, что липло, я отрубал и отворачивался³⁾».

В первый момент невольно ужасаешься: как можно исследовать революцию при такой узости взгляда? Но в мальчике и юноше, видимо, жило глубинное, искреннее желание написать правду, желание, определившее весь ход его жизни. Оно было сильнее, было гораздо более определяющим, чем внешнее, поверхностное сужение взгляда. И все же понадобился трудный путь, чтобы этот суженный взгляд расширился до таких огромных пределов, захватил такие горизонты, проник в такую глубину, как это произошло с автором «Архипелага». Солженицын откровенным самоанализом прослеживает свой собственный путь от марксиста-ленинца к человеку с

²⁾ Там же, стр. 168—169.³⁾ Там же, стр. 219.¹⁾ А. Солженицын, Архипелаг ГУЛаг, Париж, 1973, стр. 201.

широким и глубоким взглядом. Вот Фастанко, старый каторжанин; вот эстонец Сузи: «С ним я учусь новому для меня свойству: терпеливо и последовательно воспринимать то, что никогда не стояло в моем плане, и, как будто, никакое отношения не имеет к ясно прочерченной линии моей жизни... А вот свела судьба с Сузи, у него совсем другая область дыхания, теперь он увлеченно рассказывает мне все о своем, а свое у него это — Эстония и демократия. И хотя никогда прежде не приходило мне в голову поинтересоваться Эстонией, уж тем более — буржуазной демократией, но я слушаю и слушаю его влюбленные рассказы о двадцати свободных годах этого некрикливого трудолюбивого маленького народа из крупных мужчин с их медленным основательным обычаем; выслушиваю принципы эстонской конституции, извлеченные из лучшего европейского опыта, и как работал на них однопалатный парламент из ста человек; и неизвестно зачем, но все это начинает мне нравиться, все это в моем опыте начинает откладываться»⁴). За чем это начало откладываться, ясно из дальнейшего развития писателя и его судьбы. А потом потянулся длинный ряд пленных, эмигрантов гражданской войны, остовцев, властителей... У каждого своя судьба, свои мысли, своя область дыхания. Нужно было быть очень большим человеком, чтобы ими всеми интересоваться, всех выслушать и как-то принять в свой собственный план, который хоть и остался с самого начала прежним, но расширялся, рос и креп. «Принять в свой план» вовсе не значит с каждым согласиться, это и невозможно, но значит понять каждую судьбу из ее собственного особого становления, значит очень расширить свой горизонт. То, что Солженицын оказался на это способным, является одной из тайн его значимости...

Сначала для меня было удивительно, что студент Солженицын был еще верующим марксистом-ленинцем, что он так мало заметил даже в конце 30-х годов. Но если задуматься глубже, то кажется, что и этот период его жизни был провиденциален: не пройди он сам увлечения идеологией, мог ли бы он достаточно глубоко понять судьбы всех тех, кто жил и действовал в ее чужду? Чтобы выполнить ту миссию, которая возложена на Солженицына и которую он сам добровольно берет на себя, нужно было, видимо, пройти не только внешне, но внутренне, духовно весь путь нашего народа в эти столетия, от самого низа и до самой вершины. Надо было даже постоять у прани вступления в армию «голубых кантов», надо было пройти искушение «начальственного восторга» (если разрешается так перефразировать термин Достоевского «административный восторг») после получения офицерских погонов.

И уже после начала расширения плана, после многих разговоров и многих встреч, новая неожиданная встреча в пересыльной тюрьме с совсем молодым студентом Борисом Гаммеровым и такой разговор с ним: «Я, не помню почему, упомянул об одной из молитв уже тогда покойного президента Рузвельта, напечатанной в наших газетах, и оценил как само собой ясное:

— Ну, это конечно ханжество.

И вдруг желтоватые брови молодого человека вздрогнули, бледные губы насторожились, он как будто приподнялся и спросил:

— По-че-му? Почему вы не допускаете, что государственный деятель может искренне верить в Бога?

Только всего и было сказано! Но — с какой стороны нападение? Услышать такие слова от рожденного в 1923 году?.. Я мог ему ответить очень уверенными фразами, но уверенность моя в тюрьмах уже шатнулась, а главное живет в нас отдельно от убеждений какое-то чистое чувство, и оно мне осветило, что это я сейчас не убеждение свое проговорил, а это в меня со стороны вложено. И — я не сумел ему возразить. Я только спросил:

— А вы верите в Бога?

— Конечно, — спокойно ответил он.

⁴) Там же, стр. 219—220.

Конечно? Конечно... Да, да. Комсомольская молодость уже облетает, облетает везде. И НКГБ среди первых заметило это»⁵).

Пять лет разницы в возрасте и уже такая разница во взглядах!

«Давно ли мы попирали паркет университетских коридоров, считая себя самыми молодыми и самыми умными в стране и на земле?! — и вдруг кто плитам тюремных камер подходит к нам бледные надменные юноши, и мы пораженно узнаем, что самые молодые и умные уже не мы, — а они!»⁶).

Дальнейшее духовное развитие самого автора будет, видимо, прослеживаться в следующих частях Архипелага.

Террор был основан Лениным. «Товарищ Курский! Помоему надо расширить применение расстрела... (с замечной высылкой за границу) ко всем видам деятельности меньшевиков, эсеров и т. п.; найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с международной буржуазией»⁷).

Здесь уже не только становление террора, но по- существу и формула: был бы человек, а параграф найдется. Ленин ведь требует найти «параграф» (формулировку), тогда как люди, в данном случае эсеры и меньшевики, у него уже есть. И дальше:

«Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черныка: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы.

Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого.

С коммунистическим приветом

Ленин».

«Комментировать этот важный документ мы не берем. Над ним уместны тишина и размышление.

Документ тем особенно важен, что он — из последних земных распоряжений еще не охваченного болезнью Ленина, важная часть его политического завещания»⁸).

Это завещание было, безусловно, понято. Оно нашло весьма широкое применение в Сов. Союзе. Но оно понято и готовится к применению всеми учениками и последователями Ленина.

В качестве примера такого мышления можно привести статью «Солженицын и другие: проблемы советского гражданина» в мюнхенской студенческой газете, издаваемой красными ячейками (им полностью подчинено студенческое представительство в Мюнхене). В этой статье газета обвиняет советское руководство не в том, что советское правительство применяет террор, а в том, что оно не признает этого террора открыто, отрицает многое и тем самым как бы становится на позиции Солженицына, на позиции «какого-то общечеловеческого права, человечности и свободы». Газета приводит вышешошенную цитату из Ленина, но в положительном смысле, ведь коммунистическая партия должна преодолеть понятия «буржуазного права», а не культивировать его. Все дело в том, доказан ли научно тот социализм, который она собирается спростить, или нет. Если он доказан, то все позволено. «Критика, стало быть, по отношению к таким действиям может затрагивать только их обоснованность, а не апеллировать к буржуазным правовым нормам, которые следует преодолеть, которые направлены против того, что является научно доказанным». Упрекая Сов. Союз в ревизионизме, газета пишет дальше: «... таким образом по-

⁵) Там же, стр. 603.

⁶) Там же, стр. 602.

⁷) Там же, стр. 356.

⁸) Там же, стр. 357.

терялось всякое видение объективных данных, а потому неудивительно, что мероприятия партии больше не могут быть легитимированы ее представителями, так что каждое действие против оппозиционеров производится строго секретно и сопровождается тысячами опровержений. То, что характеризует социализм, его научная обоснованность и правильность, пропали, а тем самым и он сам.

Именно эта научная обоснованность, являющаяся основой построения социализма, может дать единственное обоснование для преследования оппозиции, а не произвольное различие между добром и злом. Только она может легитимировать действия партии до тех пор, пока коммунизм, вопреки любому сопротивлению, не будет построен. Это значит, что террор, бюрократизм и так называемые правонарушения являются только средством для достижения коммунизма и должны быть».

Я привела эту цитату, чтобы показать, как актуален и современен «Архипелаг» на Западе. Он описывает прошедшее и настоящее России и одновременно дает картину возможного будущего Западе. Представители «научного социализма» стоят наготове и намерены употребить те же самые средства. Этими средствами они смогут достигнуть лишь тех же результатов, каких достигла партия научного социализма в России, потому что не цель оправдывает средства, но средства определяют цель. Но представители научного социализма этого понять не могут. Опыт других, видимо, научить не может, даже такой страшный опыт.

«Архипелаг» рисует нам шаг за шагом, как всходило посеянное, как развивался террор, как он креп, как постепенно отбрасывал покрывала мнимой законности, которой сначала еще пытался прикрывать свою наготу. Особенность этой книги заключается в том, что она читается с захватывающим интересом от первой до последней страницы, она затягивает читателя так, что от нее очень трудно оторваться, причем безразлично, идет ли дело о личных воспоминаниях автора, о его психологических наблюдениях, или же о судебных протоколах, которые он цитирует. Книга написана с таким напряженным служением истине и человеку, что это напряжение передается и читателю. Кроме того, «Архипелаг», несмотря на тему, является совершенным литературным произведением, может быть, самым совершенным из всего, что написал Солженицын. Книга написана с огромным мастерством.

Шаг за шагом повествует Солженицын о том, как развиваются закономерности научного социализма, т. е. как применяются на деле тезисы, что достаточно «научно доказать», что то или иное нужно, чтобы уже более не иметь ни сомнений, ни угрызений совести при применении любых методов для достижения этого «нужного» (Спрашивается только, кому это еще будет нужно после применения таких методов?). О процессе эсеров (8 июня-7 августа 1922 г.) Солженицын пишет: «Если бы мы с читателем не были уже достаточно подкованы, что главное во всяком процессе не обвинение, не так называемая «вина», а — *целесообразность*, — может быть мы бы не сразу распахнувшейся душой приняли бы этот процесс. Но *целесообразность* срабатывает без осечки: в отличие от меньшевиков эсеры были сочтены еще опасными, еще нерассеянными, недобитыми — и для крепости новосозданной диктатуры (пролетариата) целесообразно было их добить»⁹).

Не следует думать, что такая целесообразность присуща только Ленину. А. А. Богданов (Малиновский), русский марксист, во многих теоретических пунктах расходившийся с Лениным, был тем не менее согласен с ним в вопросе целесообразности. Богданов требовал введения «норм целесообразности» вместо норм «устаревшей» морали¹⁰). Богданов все же задумывался над тем, что посоветуют нормы целесообразности, если человек поставит

себе целью убить другого, и он сам пишет, что тогда эти нормы дадут ему в руки наиболее целесообразные средства для достижения этой цели. С совершенно необоснованным оптимизмом Богданов, однако, утверждает, что в его «гармоническом обществе» людям не придется в голову ставить себе такие цели. Однако его утопический роман «Красная звезда» (СПб 1908) показывает, что оптимизм Богданова относится только к единичным убийствам, тогда как массовые убийства по его мнению совершенно правомочно решаются с точки зрения целесообразности. Я указываю на эти примеры, чтобы подчеркнуть, что не только «несчастный случай Сталин», как писала часть западной прессы, и даже не только «несчастный случай Ленин» виноваты в тех ужасах, которые произошли и происходят в России: такое мышление и такая практика заложены в самой вере в то, что человеческое общежитие можно устроить на основе «научных доктрин» и что все позволено для «великой цели» создания «научного коммунизма» или «гармонического общества» или какого-либо иного общества с пышным названием.

«Всего неделю назад принят уголовный кодекс — вот уже пятилетнюю прожитую послереволюционную историю трамбуют в него. И двадцать, и десять, и пять лет назад эсеры были — соседняя по свержению царизма революционная партия, взявшая на себя (благодаря особенностям своей тактики террора) главную тяжесть каторги, почти не доставшейся большевикам.

А теперь вот первое обвинение против них: эсеры — инициаторы празданской войны! Да, ее начали они, это — они начали! Они обвиняются, что в дни Октябрьского переворота вооруженно воспротивились ему. Когда Временное правительство, ими поддерживаемое и отчасти ими составленное, было законно сметено пулеметным огнем матросов, — эсеры совершенно незаконно пытались его отстоять и даже на выстрелы отвечали выстрелами»...¹¹)

Кто — близкая революционная партия, а кто — враг народа, и когда человек из «товарища» превращается во «врага народа», определяется согласно нормам целесообразности (для целей нашей власти), а «враг народа» уже больше не человек, а «насекомое», как сказал Ленин. Круг замкнулся.

«Отсюда уже совсем недалеко от обвинения шестого: эсеры в 1918 г. были *шпионами* Антанты! Вчера революционеры — сегодня шпионы! — тогда это, наверно, звучало взрывно. С тех-то пор за много процессов набило оскомину до мордоворота»¹²).

Так постепенно происходит полный переворот в юридической мысли, так нормальные понятия заменяются «революционными», вина целесообразностью, а если еще и остается понятие вины, то в вину вменяется то, чего ни один нормальный судебный орган никому в вину бы не вменил.

«Ну, а если все-таки в свержении не виновны, в терроре не виновны, экспроприаций почти нет, за все остальное давно прощены? Наш любимый прокурор вытягивает заветный запасец: «В крайнем случае *недонесение* есть состав преступления, который по отношению ко всем без исключения подсудимым имеет место и должен считаться установленным».

Партия эсеров уже в том виновата, что НЕ ДОНЕСЛА НА СЕБЯ! Вот это без промаха! Это — открытие юридической мысли в новом кодексе, это мощная дорога, по которой покаты и покаты в Сибирь благодарных потомков»¹³).

Постепенно меняется и тип обвиняемого. Эсеры еще не признавались в вымышленных винах. Больше того, некоторые даже смело заявляли, что жалеют только о том, что недостаточно боролись против большевиков.

Коммунисты, большевики вели себя в конце 30-х годов на следствии и процессах иначе. «Уж кстати об орто-

⁹) А. Солженицын, Архипелаг ГУЛаг, стр. 359.

¹²) Там же, стр. 361.

¹³) Там же, стр. 367.

⁸) Там же, стр. 358—359.

¹⁰) А. Богданов, Цели и нормы жизни, Ст.-Петербург, 1904.

доксах. Для такой ЧИСТКИ нужен был Сталин, да, но и партия же была нужна такая: большинство их, стоявших у власти, до самого момента собственной посадки безжалостно сажали других, послушно уничтожали себе подобных по тем же самым инструкциям, отдавали на расправу любого вчерашнего друга или соратника. И все крупные большевики, увенчанные теперь ореолом мучеников, успели побыть и палачами других большевиков (уж не считая, как прежде того, они все были палачами беспартийных). Может быть 37-й год и НУЖЕН был для того, чтобы показать, как мало стоит все их МИРОВОЗЗРЕНИЕ, которым они так бодро хохотились, расширяя Россию, громя ее твердыни, топчя ее святыни, — Россию, где им самим ТАКАЯ расправа не угрожала. Жертвы большевиков с 1918 по 1936 никогда не вели себя так ничтожно, как ведущие большевики, когда пришла проза на них. Если подробно рассматривать всю историю посадок и процессов 1936—38 годов, то главное отвлечение испытываешь не к Сталину с подручными, а к унизительно-гадким подсудимым — омерзение к душевной низости их после прежней гордости и непримиримости¹⁴).

Всем, кто читал воспоминания партийцев, прошедших через тюрьмы и лагеря, бросается в глаза, как они жалеют себя, каким невероятным, непостижимым, несправедливым несчастьем кажется им их арест и как безразлично они относятся к разгрому других, к страшному разгрому крестьян в период коллективизации, к арестам и мучкам беспартийных. Очень ясна эта психология у Роя Медведева в его книге «К суду истории!» (я должна отметить, что русского оригинала я не читала, а читала только сокращенный английский перевод). Медведев считает, что решение партии относительно коллективизации было правильным. Способы он, правда, не одобряет, но всей неисчерпаемой трагедии крестьянства он посвящает несколько строк, а арестам миллионов беспартийных в конце 30-х годов посвящена всего лишь одна фраза. Великий плач, растянутый на сотни страниц, относится к своим, верным коммунистам. Здесь печаль Медведева не знает границ.

Русская история знает образ «кающегося дворянина», но образа кающегося (не перед своими палачами, а перед народом!) партийца пока еще не возникло. Как раз в таких произведениях, как, например, «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург, где пишет женщина, способная, казалось бы, понимать ну хотя бы материнское горе, становится почти устрашающе ясно, насколько партийная каста была все время далека от народа: ведь и материнское горе она поняла только, когда дело коснулось ее детей и детей ее партийных товарищей, а когда разорялись массами крестьянские семьи, она была совершенно спокойна и невозмутима. Великий плач Роя Медведева о замученных партийцах невозможно читать без отвращения. Но, как известно, жестокость всегда сопровождается сентиментальностью и жалостью к себе и своей касте. За пределы этой касты взгляд не проникает.

Да, 1937 г. был нужен. Мироззрение коммунистов на самом деле ничего не стоит, и откуда им было взять стойкость? Ведь они ничего высшего над собой не знали и не знают. А это высшее не только смягчает ситуацию власти, но и дает поддержку в положении жертвы. Верующие держались иначе. «Ведь вот из бердяевского кружка сделали марионеток для суда, а из него самого не сделали. Его хотели втащить в процесс, арестовывали дважды, водили (1922 г.) на ночной допрос к Дзержинскому, там и Каменев сидел (значит тоже не чуждался идеологической борьбы посредством ЧК). Но Бердяев не унижался, не умолял, а изложил им твердо те религиозные и нравственные принципы, по которым не принимает установившейся в России власти — и не только признали его бесполезным для суда, но — освободили.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ есть у человека!

Н. Столярова вспоминает свою соседку по бытырским нарам в 1937 г., старушку. Ее допрашивали каждую ночь. Два года назад у нее в Москве проездом ночевал бежавший из ссылки бывший митрополит. — «Только не бегущий, а настоящий! Верно, я удостоилась его принять? — «Так, хорошо. А к кому он дальше поехал из Москвы?» — «Знаю, но не скажу!». (Митрополит через цепочку верующих бежал в Финляндию). Следовательно менялись и собирались группами, кулаками махали перед лицом старушонки, она же им: «Ничего вам со мной не сделать, хоть на куки режьте. Ведь вы начальства боитесь, друг друга боитесь, даже боитесь меня убить («Цепочку потеряют»). А я — не боюсь ничего! Я хоть сейчас к Господу на ответ!»¹⁵).

Многие повествовали о верующих, преимущественно верующих женщинах, отказывавшихся в лагере работать на антихристову власть. Их выставляли на часы на страшный мороз и вообще ставили их в такие условия, что самые сильные физически люди должны были или умереть, или по меньшей мере тяжело заболеть, но с ними ничего не происходило. Я сама первый раз выслушала устный рассказ об этих «монашках» (большинство из них не были настоящими монахинями) от племянницы теперь уже покойного лютеранского епископа Берлина Дибелиуса. Ее арестовали в Восточной Германии советские оккупанты, когда ей было 18 лет. Состав преступления состоял в том, что она немного знала русский язык, изучала в школе, интересуясь языками, и затем открыто поехала в Западный Берлин (до стены это было еще легко) и зашла в представительство английских оккупационных войск, так как семья хотела перебраться в зону оккупации западных держав. Когда она вернулась, ее арестовали как «шпионку». Она пробыла 7 лет на Воркуте, при Хрущеве ее выпустили. Об этом же повествуют Петров-Агапов, Д. Панин¹⁶) и многие другие.

Солженицын перечисляет разные потоки арестованных, но в каждый из них, пишет он, все время вливаются потоки верующих, потому что их нельзя было оставить в покое, они были и есть самые опасные. «Ни я, ни тем более Егор Николаевич не писали подпольных протестов, не демонстрировали на Красной площади, не пытались решать больных вопросов в легальных журналчиках на потребу интеллигентному нашему обывателю, а в Казань все-таки погонят нас. Нас, а не титулованных либеральных борцов, состоящих на жаловании у государства! А ведь мы лишь несем Свет и Слово Божие. Мы для них страшнее фрондирующих физиков и полуподпольных лириков. Потому что человека, воспринявшего этот Свет и Слово, уже невозможно купить или сломать. Только зря стараются! Мы ведь и в Казани останемся теми же. С нашим миром нас уже не разъять. И в Казани люди, а, значит, и благодать Создателя!»¹⁷).

Для идеологии есть и всегда останется самым страшным истинное, живое христианство. Вот отчего поток верующих никогда не прекращался, поток, ведущий на острова ГУЛага. Сломить людей, принявших по-настоящему свет, нельзя, отсюда все усиливающиеся попытки их разложить, разложить подачками, посулами, временными облегчениями, а за это они должны заплатить одним: л о жью. «И не каждый день, не на каждое плечо кладет насилие свою тяжелую лапу: оно требует от нас только покорности лжи, ежедневного участия во лжи — в этом вся верноподданность»¹⁸). А поддались верующие искушению лжи, и вот они уже потеряли святую опору, они уже отвернулись от Света и поклонились, заметили они это или нет, отцу лжи, дьяволу. Тогда они режиму уже не страшны. Таких «верующих» можно даже оста-

¹⁵ Там же, стр. 139—140.

¹⁶ Д. Папин, Записки Сологдина, Франкфурт-на-Майне.

¹⁷ В. Максимов, 7 дней творения, Франкфурт-на-Майне, 1971, стр. 319.

¹⁸ А. Солженицын, Жить не по лжи.

¹⁴ Там же, стр. 138—139.

вить в покое, дать им и в самом деле кое-какие поблажки. Конечно же, только до поры до времени, потому что ненароком может тот или иной из них вернуться к полной и неустрашимой вере и снова стать опасным.

Одни из глубоко верующих известных английских писателей, Честертон, перешедший в 1936 г. из протестантизма в католичество, создал образ любителя-детектива, патера Брауна. Священник, раскрывающий преступления, говорит, что его метод заключается в том, что он внутренне как бы перевоплощается в преступника и пробует полностью вжиться в его психологию и образ действия, тогда он видит, кто это мог сделать и как. Это внутреннее перевоплощение в преступника патер Браун называет «благочестивыми упражнениями». На удивленный вопрос своего собеседника, как это понять, патер отвечает, что это предохраняет его от гордости и самомнения, человек при таких упражнениях чувствует, что он и сам совсем не застрахован от греха, вины и преступления. Конечно, это не выдумка Честертонна, а старый метод святых.

Солженицын в «Архипелаге» задает себе вопрос, мог ли он сам попасть в число палачей, а не жертв? И он не исключает этой возможности, вспоминая вербовку в сотрудники НКВД среди студентов-комсомольцев, вспоминая свое поведение, когда он был офицером. Среди всех пока известных нам воспоминаний о советских концлагерях и тюрьмах эта беспощадная честность по отношению к самому себе и читателю — единственна. Не все авторы воспоминаний стараются представить себя непоколебимыми героями или совсем чистыми жертвами. Многие признаются в одичании, наступившем в лагере, и в неблагоприятных поступках, совершенных под давлением голода и стремления выжить. Но все это происходит уже после ареста и в обстановке, когда редко кто решится осудить за эти срывы, за то, что человек оступался и даже падал под почти непосильной тяжестью выпавших на его долю страданий. Наоборот, признание в этих слабостях делает воспоминания правдоподобными и даже человечными.

Но Солженицын говорит о другом. Он говорит о возможности великого соблазна и великого падения не под давлением голода или пытки, а до всего этого. И не из страха попасть в ад, а из сладостного предвкушения власти, власти, не опрачуженной ничем, ни земными, ни небесными законами. «Что там привлекательность! — *упоительность!* Ведь это же упоение — ты еще молод, ты, в скобках скажем, сопляк, совсем недавно горевали с тобой родители, не знали, куда тебя пристроить, такой дурак и учиться не хочешь, но прошел ты три годика того училища — как же ты взлетел! как изменилось твое положение в жизни! как движения твои изменились, и взгляд и поворот головы!

Заседает ученый совет института — тыходишь, и все замечают, все вздрагивают даже; ты не лезешь на председательское место, там пусть ректор распинается, ты сядешь сбоку, но все понимают, что главный тут — ты, спецчасть. Ты можешь пять минут посидеть и уйти, в этом твое преимущество перед профессорами, тебя могут звать более важные дела, — но потом над их решением ты поведешь бровями (или даже лучше губами) и скажешь ректору: «Нельзя. Есть *соображения*». И все! И не будет! — Или ты особист, смершевцев, всего лейтенант, но старый дородный полковник, командир части, при твоём входе встает, он старается льстить тебе, угождать, он с начальником штаба не выпьет, не пригласив тебя. Это ничего, что у тебя две малых звездочки, это даже забавно: ведь твои звездочки имеют совсем другой вес, измеряются совсем по другой шкале, чем у офицеров обыкновенных (и иногда, в спецпоручениях, вам разрешается нацепить, например, и майорские, это как псевдоним, как условность). Над всеми людьми этой воинской части, или этого завода, или этого района ты имеешь власть, идущую несравненно глубже, чем у командира, у директора, у секретаря райкома. Те распоряжаются их службой, работками, добрым именем, а ты — их свободой. И никто не посмеет сказать о тебе на собрании, никто не посмеет

написать о тебе в газете — да не только плохо! и *хорошо* — не посмеют!! Тебя, как сокровенное божество, и упомянуть даже нельзя! Ты — есть, все чувствуют тебя! — но тебя как бы и нет! И поэтому — ты выше открытой власти с тех пор, как прикрывался этой небесной фуражкой. Что Ты делаешь — никто не смеет проверить, но всякий человек подлежит твоей проверке. Оттого перед простыми так называемыми гражданами (а для тебя — просто чурками) достойнее всего иметь загадочное глубокомысленное выражение. Ведь один ты знаешь *спецсоображения*, больше никто. И поэтому ты всегда прав.

В одном только никогда не забывайся: и ты был бы такой чуркой, если б не посчастливилось тебе стать звеньишкой Органов — этого гибкого, цельного, живого существа, обитающего в государстве, как солитер в человеке — и все твое теперь! все для тебя! — но только будь верен Органам! За тебя всегда заступятся! И всякого обидчика тебе помогут проглотить! И всякую помеху упразднить с дороги! Но — будь верен Органам! Делай все, что велят!»¹⁹⁾.

Исследованием специфического искушения власти в виде органов политической полиции коммунистического государства Солженицын впервые настойчиво указал на еще одну страшную опасность коммунистического режима, более страшную, чем возможность стать жертвой: на возможность стать палачом. «...спросим себя каждый: а повернись моя жизнь иначе — палачом таким не стал бы и я?.. Сопротивлялась какая-то вовсе не половная, а грудная область. Тебе могут со всех сторон кричать: «Надо!», а прудь отталкивается: не хочу, ВОРОТИТ! Без меня как знаете, а я не участвую... Все же кое-кто из нас завербовался тогда. Думаю, что если б очень крепко нажали — сломали б нас всех»²⁰⁾.

Одной из больших заслуг «Архипелага» является попытка Солженицына правильно и объективно оценить Власовское движение. Для офицера, проповедовавшего почти всю войну в советской армии и тогда еще не только защищавшего родину от чужого и жестокого завоевателя, но и верившего в идеалы коммунизма, офицера, которому пришлось в бою столкнуться с русскими, воевавшими вместе с врагом, было не так легко оценить это движение объективно. Солженицын, тем не менее, подошел очень близко к объективной оценке, но полностью до нее не дошел. Это не означает, что Власовское движение должно быть вне критики. Совсем наоборот: оно и до сего дня остается предметом споров, и при том не только в Советском Союзе, где оно, конечно, лишь огульно осуждается, но в книге Солженицына просто не учтены или неправильно изложены некоторые неоспоримые факты. Укажу здесь только на одну фразу, которая совершенно искажает истинное положение вещей: «Жители оккупированных областей презирали их (власовцев) как немецких наемников...»²¹⁾. Но это совсем неверно. Конечно, среди жителей оккупированных областей были люди с разными мнениями, но большинство не только не презирало власовцев, но, наоборот, возлагало на них последнюю надежду. Власовцы казались возможным третьим путем: не остервеневший советский режим и не немецкое господство, а хотя и очень трудное, но все же строительство новой более свободной, более справедливой и более социальной России. Среди населения спонтанно возникали инициативные группы, стремившиеся помочь Власову и его начинанию. И только торможение со стороны немецкого гитлеровского правительства разбило постепенно все надежды. Немецких наймитов, однако, во власовцах никто не видел. Я очень хорошо помню выступление Власова в Пскове, помню разговоры после этого выступления. Если и слышались недоверчивые голоса, то они относились к высокому коммунистическому прошлому Власова, а не к тому, что он был готов пойти на сотрудничество с немцами. Ведь

¹⁹⁾ А. Солженицын, Архипелаг ГУЛаг, стр. 157—158.

²⁰⁾ Там же, стр. 168—169.

²¹⁾ Там же, стр. 262—263.

жители оккупированных областей хорошо знали, что ожидает их, если вернется «родная советская власть». Поэтому-то сотни тысяч и уходили вместе с отступавшими немецкими войсками, уходили часто в очень тяжелых условиях, зимой, почти без вещей, посадив детей на саночки, шли пешком, просились не только на немецкие прузовики, но и на танки. И многие немецкие солдаты брали, вопреки приказу свыше, русских беженцев даже на танки. Где и когда население бежало вместе с отступавшим неприятелем, да еще с неприятелем, во многом показавшим себя более, чем отвратительным? Уходили эти русские уж никак не из любви к Гитлеру, а из страха перед Сталиным, из ненависти к режиму. Уходили также и из любви к свободе, из желания жить, храня человеческое достоинство, так как видели, что война кончается и отход вместе с немецкой армией на Запад является единственной возможностью добраться до свободных демократических стран. Никто не думал, что демократы будут выдавать. Многие тогда понимали, что и власовцы ставят на карту западных союзников, создавая в 1944 г. Русский комитет. Кто тогда мог еще верить в победу Германии или в возможность принести России свободу в союзе с гитлеровской Германией? С другой стороны никто не верил в то, что западные демократии не поймут своего шанса, не поймут стремления русских к свободе, предлагали, что западные державы вступили в союз со Сталиным по необходимости, а не потому, что они поверили в Сталина. Упорно ходили слухи, что уже с 1943 г. по мере ослабления общего врага, начал все более ослабевать противоборственный союз между одной из самых ужасных диктатур и свободными демократиями.

Должна еще отметить, что хотя среди власовцев были очень разные люди и пошли они во власовское движение и воинские части по весьма различным причинам, но среди них было гораздо больше идейных людей, которые искренне хотели бороться за свободу России, чем думает Солженицын. Еще раз: он сделал очень большой шаг к объективному пониманию Власовского движения, но полностью он его еще не понял.

Кстати, части Каминского никогда не входили в

состав РОА. Здесь тоже налицо фактическая ошибка. Но подробнее пусть на все это ответят сами участники Власовского движения.

Солженицын вскрывает в своей книге гнояники системы идеологии смело и беспощадно. Он не останавливается на полпути. Он сам говорит в посвящении, что не все увидел, не все вспомнил, не обо всем догадался, но для одного человека было бы и невозможно все увидеть и обо всем догадаться. Он увидел, однако, невероятно много. И все, что он видел, он высказывает до конца. Вот это-то и делает его таким страшным для коммунистической диктатуры и таким неудобным для ее левых попутчиков на Западе. Генрих Белль в своей статье почти заклинающим тоном высказывал уверенность, что в последующих частях Солженицын напишет, что брежневский Советский Союз как небо от земли отличается от сталинского. Как будет реагировать Белль, если Солженицын его разочарует? Ален Боске высказал причину смущения и неудовольствия левых по поводу книги Солженицына: «Ваши книги мешают нам вести настоящий диалог с современной Россией»²²). Да, эти книги мешают. Они беспокоят. Левые, которые считают, что они воплощают совесть Запада, не могут уже с такой «чистой совестью» и таким ясным взором ездить в Советский Союз и принимать там чествования и гонорары за переводы своих книг. Они, правда, будут делать это и в будущем, но внутри их будет что-то царапать. Вот почему Белль так хочет, чтобы Солженицын избавил его от этого неприятного чувства похвалами брежневскому Сов. Союзу.

Но главное значение книг Солженицына заключается в том, что они пробивают дорогу к внутреннему обновлению в самой России. Не стоит обращать внимания на лай западных «мосек». Главная задача состоит в том, чтобы в России «жизнью не по лжи» был завершён процесс преодоления страшного кошмара, который начался в 1917 г.

²²) Alain Bosquet, „Pas d'accord, Soljenitzyn!“, ed. Filipacchi, Paris 1974.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВ

Заметки о „Несовершенном обществе“*)

Политически превосходно. Написано как раз вовремя. Это — декларация политической позиции. В ближайшие двадцать лет будущее пойдет в этом направлении. Необыкновенно важно: сопротивление «неомарксизму», поиски и указание путей победы над тоталитаризмом.

Книга оригинальна, хотя и не представляет собою полного синтеза личной судьбы, коммунизма, Югославии, истории и т. д. в настоящее время.

Превосходно сказано, что

*) Милован Джилас, Несовершенное общество (рукопись).

Заметки написаны после прочтения рукописи книги в марте 1970 года, полмесяца после моего выхода из тюрьмы после трех с половиной лет заключения со строгой изоляцией. Так как заметки не были написаны с целью печатания, а только для автора «Несовершенного общества», то рукопись заметок отличается сжатой формой, и иногда личным обращением. Ввиду того, что «Несовершенное общество» в настоящее время переведено на многие языки, а вскоре ожидается и русский перевод (в издательстве «Посев»), то я счел полезным передать в печать эти заметки, причем решил не перерабатывать их, а оставить как есть, во-первых — потому что считаю свои мысли по поводу книги Джиласа и теперь правильными, а во-вторых, опасаясь того, что при переработке исчезла бы непосредственность моей реакции, после первого знакомства с рукописью книги Джиласа.

- диалектика «вымудрена» человеческим разумом (стр. 34**), то есть как раз то, в чем Ленин упрекал махистов;
- марксизм — это последняя «наука наук», система, хотя сам он этого не признает (69);
- диалектический и исторический материализм — абсурд, ибо второй есть применение первого к истории, первый же исходит из предпосылки, что любое явление исторично (67);
- отмена частной собственности в действительности только перемена формы власти;
- так называемое «возрождение марксизма» — новая революция — бессмысленна, т. к. не предоставляет никакой гарантии, что в будущем не повторится то же самое (84);
- происходящие одновременно требования политических свобод на Востоке и стремление к социализации на Западе рождают новое планетарное сознание (106);
- основная помеха развитию — монополия партии, которая «идеологической промышленностью» тормозит все экономические силы, и из-за этого Югославия стала одним из ведущих экспортеров рабочей силы (117);
- власть в Югославии была принуждена провести реформу и сделала это вовсе не из идейных побуждений;

**) Нумерация страниц рукописи.

- сегодня важнее всего расширение политических свобод и экономическое раскрепощение как национализированной, так и частной промышленности (118);
- дрожжи гнева — именно в среде недовольных коммунистов (126);
- капитализм социализируется без больших потрясений (122);
- в обществе происходит расслоение по вертикали от верхов партии до крестьян, а не по горизонтали (137);
- создается, как называет автор, все еще пользуясь марксистской терминологией, «средний класс» (132); этому классу принадлежит будущее, и автор, естественно, на его стороне (133). Теоретически это немного неопределенно, но политически совершенно точно;
- очень полезно сообщение о том, что коммунистическая партия Югославии переименована в Союз по инициативе автора (140). То же самое касается и идеи «самоуправления» (141);
- правильно подчеркнуто, что «общество без власти» — утопия или «рай» и что те, кто полагает, что можно прожить без политики, в сущности уже находятся во власти определенной политики (148);
- ценно также и признание автора, что осуществление идей, которые он прежде разделял, привело бы, в сущности, к скорейшему обострению актуальных общественных проблем, а не к их разрешению (143);
- необыкновенно важна и мужественна (имея в виду положение автора) мысль, что «страдания людей свободного духа и угнетение представителей молодой мысли на Востоке лежат также и на совести «новой левой» на Западе» (151);
- лобное общество нуждается в радикальной оппозиции, которая бы его время от времени пробуждала (150);
- против коммунистической диктатуры можно успешно бороться только безнасиловым путем. То же самое думает и Бердяев (и Иисус Христос) (162);
- коммунистические диктатуры гибнут при нормальных условиях, — для укрепления им необходима борьба (166). Гитлер даже говорил: «Если бы не было евреев — мы должны были их выдумать», а Орвелл в «1984» — «вечно будет существовать ересь Гольдштейна». Тем же путем идет Мао Цзэ-дун;
- автор окончательно и бесповоротно отказывается от насильственных методов борьбы (166);
- свергнуть коммунистическую диктатуру не захотят и не смогут никакие заговорщики и конспиративные организации (167). Необыкновенно значительна и плодотворна по своим идейным выводам мысль на 170-й странице, что тот, кто при коммунизме борется за свободу, должен верить в свои идеи ничуть не меньше, чем в них верили коммунисты, борясь за власть.

ТО, ЧТО МНЕ МЕШАЕТ

Слишком частое упоминание «демонического» или «божественного» и т. п. — сладчайшего изо всех наслаждений — наслаждения властью (16, 79, 153, 157, 161, 164); по-человечески это понятно, но политически столь искреннее признание автором наличия у него «неизлечимой жажды власти и славы» — вредно (147). Недостаточно ясная и определенная терминология, например, «демоническое наслаждение» при раскаянии на пленуме в январе 1954 года (157) — «недоставало только кающегося, и я наслаждался тем, что смогу своим покаянием дополнить картину» (157). Это «наслаждение» немного мешает.

Частые объяснения, особенно в начале книги, основных исторических фактов или понятий (либидо, эсхатология) и т. п. Десять лет назад в Югославии это было нужно, сейчас — излишне.

ИДЕЙНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

На 131-й странице автор пишет: уничтожение мирового коммунистического центра доказывает, что коммунизм не религия, а политическое движение, потому что пока оно было идеологией (что автор почти совсем приравнивает к религии), «у него должен был быть мировой центр» (131). Достаточно вспомнить христианскую религию, которая вопреки существованию трех больших Церквей и нескольких сотен сект, по сущности своей остается именно религией, и утверждение автора становится спорным. Действительно, в другом месте сам автор сравнивает теперешний распад единого мирового коммунистического движения с протестантским движением в Европе, где «раскол вызвал усиление князей, а не только различные толкования догматов». Между тем, дальше мы узнаем, что «католицизм очистился в контрреформации как религия» (131) — это невольно наводит на мысль, что автор отождествляет религию с Церковью. Но христианская религия только одна, а Церквей множество. Между тем, в тексте мы находим утверждение, что «ослабление светской власти Ватикана в сущности увеличило его роль как мирового религиозного центра». Следовательно, с одной стороны автор утверждает, что ослабление светской власти усилило религиозное значение центра, а с другой стороны (напр. на стр. 10) мы читаем, что «мировые центры обязательно должны быть и мировыми могущественными державами».

Даже если допустить, что многие недоразумения в книге связаны с неточностью терминологии, чем страдает автор, тем не менее нельзя не заметить еще большего противоречия на той же стр. 131; из рассуждений автора на этой странице можно было бы сделать логический вывод, что с распадом мировой светской мощи единого коммунистического центра (Москва), должна была бы усиливаться идейная роль этого (или другого) центра. Между тем, вся книга говорит о противоположном, т. е. о распаде не только самого движения, но и идеологии.

О нациях. В нескольких местах автор пишет, что нации «вне времени», т. е. что они «существуют помимо коммунизма» (110). Это можно утверждать только если верить в бессмертие души — индивидуальной и национальной — во что автор, очевидно, не верит, так как эмпирического подтверждения «вневременности» наций не существует. Почти все существующие нации, вместе со своими языками, — недавнего (сравнительно) происхождения, если не считать несколько более древних евреев. Достаточно вспомнить вечную путаницу у филологов, вызванную тем, что германские народы многократно принимали язык, веру и обычаи завоеванного народа, и таким образом испортили не мало нервов историкам, пробовавшим при помощи филологии раскрыть тайну европейской (не столь уж древней) истории. Другой пример — американцы. Особенно американцы — живой пример того, что духовная свобода для человека важнее национальной принадлежности. Американцы — главным образом потомки различных религиозных сект Старого Света, подвергавшихся там преследованию. Истинная родина человека это свобода, и, возглажая автору книги, можно было бы сказать, что распад международного коммунистического движения на отдельные национальные, это только возврат к исходной точке с неверного пути, неверного потому, что интернационализм основывался на таких переходящих и фиктивных реальностях, как «класс» и т. п. Между тем, именно этот распад показывает, что без национальной духовной реальности невозможно решить мировые проблемы никакой технологией, социализацией и т. д. И все-таки этот распад полезен, так как все дело было в выборе ложного пути.

«Национальной свободы не может быть без собственной... вооруженной силы» (138). Если это не тактический шаг только, то это утверждение как раз доказывает весь абсурд создания государственных организмов на базе национальности. Возьмем хотя бы невероятную этническую смесь в Югославии, впрочем и во всем мире. Кроме того, это утверждение спорно. Вспомним Швейцарию.

«Лютер верил, что безгрешному человеку законы будут не нужны». Лютер только повторил основную идею Апостола Павла, первого идеолога (Христос не был идеологом) новой молодой религии. Эта идея — основа и сущность всего христианства, и приписывание ее Лютеру равносильно утверждению, что идея об уничтожении частной собственности принадлежит Тито. Думаю, что с цитатами надо обращаться осторожнее (73).

«Марксизм совершил преобразования, невиданные в истории человечества». И это утверждение слишком смелое, приняв во внимание, что марксизм, как движение, реально продолжался и жил только один век, а затем начал неудержимо распадаться. Вспомним хотя бы только христианство и ислам, которые существуют века, и сравним внесенные ими преобразования с марксистскими (72).

«Маркс первый понял, что общество, как и всякое другое явление, можно изучать»... А Кант? Первенство Маркса не в этом — оно в чем-то ином.

«Эйнштейн и Сталин! Сталинская картина законченного мироздания противопоставлена бесконечному Космосу Эйнштейна!». Зачем это было нужно? Ведь именно Эйнштейн своими теориями уничтожил представления XIX века о бесконечности вселенной. По Эйнштейну вселенная не бесконечна. Причины нетерпимости Сталина к теории относительности совершенно иные (если только корни конфликта не те же, что у автора книги, то есть непонимание теории относительности).

«Каждая личность естественно стремится к равноправию». — Когда пишут такую вещь, то необходимо уточнить смысл понятия «равноправие». Вспомним напомним Льва Толстого: «И я хочу быть равноправен с женщинами — хочу родить ребенка». Для Бетховена равноправие в том, чтобы сочинять музыку, для Перикла — властвовать (для автора, кажется, тоже), для Пенелопы — быть верной Одиссею. К сожалению, слишком часто равноправие считают равнозначным равенству (Шигалев в «Бесах»: «Все мы будем равны! Гению мы вырвем язык, музыканту отсечем уши») (131).

«Человеческая жизнь не имеет определенной конечной цели, кроме самого существования»^{*}). Я очень хотел бы знать, каким путем пришел автор книги к такому убеждению? Научным? Думаю, что это было бы интересно каждому читателю (128).

Прекрасно сказано, что у дочери Сталина проснулась заглушенная совесть ее отца. На той же странице говорится о людях, которые «вместо данной реальности избирали свои мечты». Но это уже до некоторой степени мистика. Как же наследуется совесть — через гены или дух? Но об этом после (115).

Не надо исправлять Гегеля. Автор пишет, что из истории все же можно научиться кое-чему, а именно тому, чего не следует делать. По сути дела ученье и сводится к тому, чего не надо делать, и это дополнение только бы опровергло, а не дополнило утверждение Гегеля (100).

Даются проценты роста производительности на Западе, а в СССР — только количество товаров, и читатель принужден сам высчитывать проценты. Однако, есть кое-что и похуже, а именно что автор, производя свои сравнения со старой Россией, опускает период 1880—1917, во время которого ее промышленное развитие не отстает от темпов развития в капиталистических странах, о которых приводятся данные. К сожалению, автор, все еще ослепленный вековой пропагандой, явно не знает основных фактов, особенно из периода промышленного подъема во время так называемой «стольпинской реакции». Все эти данные я могу ему предоставить. Если бы русская промышленность развивалась и далее тем же темпом, как между 1880 и 1917 годами, то уже в 1927 году производство стали и угля достигло бы уровня, которого СССР добился только перед самой войной — в 1941 году. Автор упускает из виду, насколько не рациональна и не экономична невольная работа во всех областях и, к сожалению, повторяет советскую пропаганду (110).

На стр. 167 утверждается, что коммунизм выполнили свою миссию в индустриализации, а на 166 странице, что при коммунизме общество переходит от неиндустриального облика к индустриальному. Но приведенные факты, да и самые сравнения с капиталистическими странами, которые автор дает, доказывают обратное. То же касается и утверждения на 110-й странице, что коммунизм ускорил индустриализацию. Вся, абсолютно вся, историческая практика до сих пор это опровергает, а все сравнения похожи на известный анекдот: «Скажите, а кто до войны мог приобрести телевизор?». Сейчас уже можно предвидеть время, когда Куба будет вынуждена ввозить сахар. Указ об ограничении его потребления уже издан. А Россия ввозит хлеб. Автор все еще наполовину во власти блефов.

На страницах 89, 92, 93 автор утверждает, что коммунистическая система служит доказательством, что не базис определяет надстройку, а наоборот. Между тем, на 121 странице автор в совершенно марксистском духе утверждает, что «партийная монополия превращается в оковы для производительных сил»; на странице 167, что коммунизм свергнет «бездеятельность идеологической промышленности», значит — снова базис; на стр. 75 мы читаем, что «только Маркс понял, что люди должны изменяться и приспосабливаться... к неудержимому усовершенствованию промышленности...» и, наконец, на стр. 90, что Маркс прав, «потому что коммунисты кроили мир „не по базису“ — экономические силы непобедимы». Из этого можно заключить, что именно гибель (грядущая) коммунизма доказывает правильность теории Маркса в том, что общество существует (структура, надстройки) только до тех пор, пока в нем могут развиваться производительные силы. Это автор, в сущности, и утверждает в большей части книги, — в несоответствии со многими вышеприведенными утверждениями, и в несоответствии с описанием собственного опыта относительно «бытия» и «сознания».

Что же, наконец, уничтожит коммунизм, — «непобедимые экономические силы», которым «люди должны покоряться», или тот фактор, который автор приводит на 127-й странице:

«Да простит мне Маркс это мое последнее смертное прегрешение, но кризис коммунизма не вызван экономическими, так называемыми объективными, а почти исключительно человеческими, — так называемыми субъективными факторами. И что всего удивительнее, эти факторы в большинстве случаев не идеи, которые охватили бы массы и превратились в материальную силу, а человеческая неподатливость насилию, в виде ли прубой силы, в виде ли духовного порабощения, или, как это чаще всего бывает, в виде и первого, и второго. Потому что несчастное человечество, потому что бедный род человеческий терпит любое зло, включая и насилие, но терпит пока это неизбежно и пока это возможно, никогда при этом не сдаваясь до конца» (127).

Эти мысли полностью противоречат всей социально-теоретической концепции автора о повержении коммунизма «развивающимся базисом» и подтверждают весь его жизненный опыт и испытания, сквозь которые он прошел. «Преображение» 7—8 июля 1953, когда «я не был в состоянии поступить иначе» (это произнес и Лютер на соборе в Вормсе). — Старцы в тюрьме, «чья вера не отражала реальности» (21), утверждение себя в своей правоте «не по рациональным, научным и иным причинам, а по личным, экзистенциальным» (21), слова автора, что его «вера сохранила» (в сущности повторяющиеся во всех посланиях Апостола Павла), утверждение, что Маркс сначала стал коммунистом, а только потом начал доказывать свои теории (62), и особенно (91) — что Маркс, работая над «Капиталом», доказывал то, во что он *поверил* в молодости, и, наконец, утверждение: «я не мог бы отказаться от истины, даже если бы этого хотел» (114) — все это доказывает, что сущность человека не зависит ни от какого базиса, или, вернее, от базиса в его марксистском материалистическом понимании. Да, конечно, не сознание определяет человека и его жизнь, но базис — это *именно*

^{*}) Эти слова — цитата из А. Герцена (Прим. Ред.).

та сила, которая сталкивает человека с общественной, природной, рациональной, умственной, научной, машинной, технической, технологической и кибернетической реальностью, а это и есть вневременная часть — человеческая душа. Когда автор говорит о себе, о своем отношении к миру, — это очень хорошо видно. Когда же он говорит о социально-теоретических реальностях — его сознание все еще раздвоено на марксистское и на личное. Но это никак нельзя назвать недостатком этой книги, так как она этим как раз отражает духовное состояние не только в социалистических странах, но и во всем мире. Поэтому книга очень важна, необходима и значительна именно в своем политическом аспекте.

Автор в связи со своим марксистским воспитанием отождествляет душу и сознание, между тем тут не две, а три сферы: 1) реальный внешний мир, 2) сознание, которое «отражает» в себе оба мира и, наконец, 3) духовный мир (не менее реальный чем внешний); и третий мир, это тот, о котором говорил библейский Иов: «Если бы положили на весы страдание мое... оно верно перетянуло бы песок морей».

Также в связи со своим воспитанием автор утверждает невероятные вещи, — что религия не имеет социально-революционного значения (его личный пример и следование своему внутреннему голосу доказывают противоположное); отождествляет Откровение и закономерности (23); говорит, что религии не занимались критикой коммунизма (24), так как это «не в их характере», — между тем, утверждая, что он не соприкасался с религией, на стр. 17 пишет, что «отдаляясь от марксизма, он приблизился к совести, неотделимости человеческой личности от Космоса и личности от всечеловеческого» (на религиозном языке это называется Церковью), и пишет, что нашел веру, способную «преодолеть препятствия, которые сознание не было в силах воспринять». Правда, автор утверждает, что верует в Ум, но, к сожалению, не сообщает, что он под этим подразумевает. Все это древние слова, еще прозвучавшие в Нагорной проповеди Иисуса Христа. И весь «гуманизм» автора происходит из «любви ближнего своего, как самого себя». Но внезапно автор вдруг отождествляет Откровение и науку (56). И только потому и борется против Бога, что предполагает, что Бог — это закон. Апостол Павел: «Вы куплены дорогою ценою, не делайтесь рабами человек»*) — знает ли автор эту суть религии? Оттого и понятно, почему автор предполагает, что Спиноза абсолютизировал Бога, а Маркс материю. Это верно, что Маркс происходит из Спинозы, но Спиноза отождествил Бога и природу (материю), чем в человеческом сознании нового века убил само понятие Бога как свободы, свободы даже и от законов природы. Когда автор восстает против Маркса, он, сам того не сознавая, только повторяет слова Иисуса Христа или апостола Павла. Конечно, он не углубляется в суть вырванной из контекста цитаты Лютера (ап. Павла), опять повторяю, из-за своего несчастного воспитания, как это, впрочем, имеет место и у 99% людей XX века. Или, скажем, когда он на 74-й стр. сравнивает Маркса с «библейскими пророками», так как Маркс, как и они, «вскрывает неизбежное», то и здесь он показывает, что не читал внимательно Библию, так как именно библейский Бог — живое существо, которое прощает, меняет решения (пр. Иона), на большую страстную веру отвечает изменением будущего (судьба Иова). И вообще пророки не открывают неизбежное, а предупреждают: «Если... то» (Иона).

Христос же говорит о власти дьявола над миром сям, в то время как Спиноза мир отождествляет с Богом. И Именно отсюда происходят и «пророчества» Маркса, основанные на вторичной реальности, а не на первоначальной, той, которая направляла жизнь автора «Несовершенного общества». Только из этого непонимания Бога и происходят слова автора: «Я наслаждался сатанинским помыслом восстать против Божьего распорядка» (22), и далее: «Мир полон догм, а люди жаждут жизни» (8) — где он Откровение снова смешивает с догмами. Ведь,

если бы автор знал Евангелие, он бы помнил, что на вопрос апостола о Его пути Христос ответил: «Я есмь путь и истина и жизнь»**), а не изложил какие-либо догмы. (Он сам порицал, — «горе вам, книжники и фарисеи...»). Религия не догма, не система, а живая связь с глубинным бытием, со всем Космосом. Только глубинное бытие не содержится в атомах или созвездиях, а содержится в той (иной) реальности, которая и побудила автора противостоять всему миру.

На стр. 164 автор пишет, что начал сомневаться в марксизме из-за его «ненаучности», а на стр. 162, что суть его столкновения с партией заключалась в сознании того, что «идеи сами по себе не делают людей возвышенными». Автор утверждает также (стр. 52), что «наука разрушает диалектические схемы». Все это, конечно, находится в большом противоречии с упомянутыми раньше местами, где автор говорит, что его «поддержала вера» именно вопреки собственному сознанию.

Из всего этого можно заключить лишь одно, а именно, что автор не уяснил себе до конца вопрос о том, что для него представляет наука.

Если науку взять в ее классическом рационально-марксистском значении, как познание того, что существует, то мы попадаем в замкнутый круг, из которого нет выхода. Познание существующего заключается в себе предпосылку, что сознание познающего находится вне существующего. Однако целые системы Хейдеггера и Ясперса базируются именно на мысли о неотделимости существующего от человеческого сознания. Яснее всего этот замкнутый круг обнаруживается у Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме», где Ленин, желая остаться последовательным материалистом, дословно утверждает, что материализм, т. е. научное понимание мира, состоит единственно в признании существования некой объективной реальности вне нашего сознания, первичной по отношению к этому сознанию. Так он пробует «остроумно» опровергнуть Маха и Беркли, не без успеха показывая, что реальный мир существовал еще до появления человеческого сознания. Он, естественно, даже и не замечает, что только повторяет этим предание, даже и библейское, о том, что мир был создан до человека, и снова желая оставаться последовательным материалистом, он утверждает, что человеческое сознание есть не что иное, как высоко развитая материя. Итак, в этих двух положениях Ленин в сущности утверждает следующее: материя, т. е. объективный мир, это все то, что находится вне сознания человека. А человеческое сознание есть только высшая ступень развития материи. Противоречие здесь очевидно, так как в первом утверждении материя — все, что не сознание, а в другом, — самое сознание, в сущности, материя.

В большей части книги автор все еще никак не может освободиться именно от тех ленинских (а на самом деле Марксовых) только доведенных до логического конца) положений, — несмотря на то, что вся его жизнь и опыт (о которых он свидетельствует: «меня поддержала вера»), говорят о существовании еще одного измерения, которое на языке религии называется верой. Апостол же Павел определяет веру как глубокое внутреннее знание того, что рациональным, научным путем познать мир невозможно. Значит, вера есть некоторым образом познание, но познание существования иной реальности, которую религиозным языком называют — духовная реальность. Это та реальность, о которой говорит библейский Иов, та самая реальная реальность, которая заставила и Лютера, и автора рассматриваемой книги, и каким-то образом Маркса и Спинозу — восстать против всей так называемой объективной реальности. Если бы автор лучше знал Лютера и ап. Павла, то он увидел бы, насколько он, говоря о своем собственном опыте, повторяет слова, которыми описывали такой же опыт Лютер и ап. Павел.

Значит, даже не рассматривая вопроса, в какой мере человеческое сознание сливается или не сливается с объективной реальностью, говоря о науке, мы должны преж-

*) 1 Кор., 7, 23.

**) Иоанн, 14, 6.

де всего разрешить вопрос о том, что мы конкретно считаем наукой. Если мы под наукой подразумеваем знание того, что реально существует вне людского сознания, тогда верно, что наука разрушает все диалектические схемы, как это автор заметил на 52-й странице. Между тем, автор, к сожалению, сам остается в плену тех же схем, так как из его книги можно заключить, что наука, в сущности, — «осознание закономерностей объективного мира». Здесь уже прибавлено одно априорное и догматическое утверждение, что эти закономерности существуют. Следовательно, наука как познание сущего может включать в себя и познание об иной духовной реальности (которая всю жизнь руководила поступками автора), но в этом случае надо признать еще один источник познания, кроме наших ощущений, а именно в религиозно-мистической терминологии «oculus spiritualis», духовное око, внутренний компас. Именно по этому внутреннему компасу, который автор называет верой, ориентировался он лично в жизни.

Словом, когда автор говорит, что «мир изменился, а человеческое сознание осталось неизменным», то эту мысль можно было бы применить и к самому автору. Ибо и сам автор не сознает того, какие реальности им руководили в жизни. Впрочем, этот недостаток присущ всему марксизму, как крайнему выражению духа, возникшего в эпоху Возрождения.

Подлинная наука, заключающая в себе знание и о существовании иных внэмпирических реальностей, не может делать заранее выводов о существовании либо природных, либо общественных законов, а приступая к исследованию жизни, может только поставить этот вопрос. Конечно, включая в исследование и мысль о том, что уже сам такой подход предопределяет и ответы. Собственно говоря, — какие вопросы, такие и ответы. Именно современная физика, и не Эйнштейн (как это, к сожалению, утверждает автор), а Гейзенберг, указывает нам на необычайно важный и революционный факт: наблюдатель, само наблюдение, исследование природы *изменяет объект наблюдения*. Это чрезвычайно значительное по далеко идущим последствиям и революционное положение, которое, к сожалению, все еще не принесло своих плодов в новейшей научной и философской мысли. Собственно говоря, от этого положения Гейзенберга идет прямой путь к религиозной позиции, — законы (даже и естественные законы) существуют *лишь постольку, поскольку человек в них верит*. Вспомним Иисуса Христа: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: перейди отсюда туда, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас».

Из этого далеко идущего положения Гейзенберга проистекает то же самое, что по-своему утверждает и Шрейдер в статье: «Наука — источник знания и суеверия» («Новый мир», 10, 1969), а именно, что расширение уже знакомых «закономерностей» в одной относительно ограниченной сфере внешних реальностей (так как иная и не подлежит научному исследованию — «Дух дышит, где хочет»), не может расширяться на всю реальность. Следовательно, когда мы подходим к реальности так, как к ней подходит автор книги, — «научно», *наперед соглашаясь, что в реальном мире существуют законы, либо естественные, либо общественные*, — то это означает не что иное, как догмат и «научное суеверие». Чтобы парадокс был еще разительнее, отец современной кибернетики Норберт Виннер сам написал в своем известном «Введении в кибернетику», изданном в 1948 г., что если бы этот мир повиновался только известным человеческому уму «закономерностям», — мы ежеминутно могли бы ожидать, что весь мир, как в сказке «Алиса в стране чудес», начнет превращаться перед нашими глазами во что-то совершенно иное, что, собственно, и происходило бы в сознании бабочки-однодневки, если бы она таковым обладала. Именно Рассел, которого автор читал, но по-другому, чем Гейзенберг, открывает человеческому разуму мысль о том, что наша уверенность в завтрашнем восходе солнца, есть вера (если не суеверие) и что законов, которые нам известны сегодня, завтра может уже и не быть. Уже завтра может

внезапно прекратиться земное притяжение. Поэтому неверно и все понимание науки автором книги, который хвалит Маркса за то, что именно он первый начал «научно исследовать» общественные явления (как мы уже отметили, первым был Кант). Оно основано на *заранее данной* и ничем не подкрепленной вере (если не суеверии), которой страдает весь человеческий род примерно со времен Возрождения и даже еще раньше, соответственно библейскому преданию, от сотворения мира. Утверждение, в первой главе Бытия, что «древо жизни» отличается от «древа познания» и что тот, кто вкусит от «древа познания», становится смертным и его изгоняют из рая, переведенное на современный язык, означает не что иное, как доведенное до конца утверждение Гейзенберга, что «наблюдение меняет наблюдаемое». Значит, «научное» отношение к миру, *основанное на вере* в то, что не во власти наблюдателя менять законы природы, им изучаемые, и есть, как это сказано библейским языком, «плод с древа познания». Или — опять вернемся к Библии — когда наука «овладевает» миром, покоряясь так называемым законам природы, она сама попадает в третье искушение, которым Сатана искушал Иисуса в пустыне: «Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочю, даю ее; итак, если Ты поклонишься мне, то все будет Твое». Наука, которая дает власть над миром, подчиняя одновременно живое человеческое существо так называемым законам, а в особенности технология, как использование всего существующего только как средства, — не освобождает человека, а только превращает его в раба. Языком Библии: вера в науку, разум, сознание и есть не что иное, как вера в Сатану, т. е. *несвободу*, в «вечные законы природы», в отличие от власти не над сотворенным миром с помощью *покорности* законам природы, — *а власти над законами природы*, каковая, судя по Библии, принадлежала человеку в Раю, прежде нежели он соблазнился «плодами познания». Такою властью над законами природы обладал Иисус Христос (и Иисус Навин — «Солнце, остановись!»).

Власть над законами природы и есть последняя окончательная свобода, а по Библии это не что иное, как то, что «человек сотворен по образу Божьему», человек — сын и часть живого Бога (Бог не есть Бог мертвых, но живых). Власть, которую дает наука над природой (которая также по-своему жива), над животным миром, впрочем, как это показывают Кант и Маркс, даже и над человеческим обществом — это крайнее рабство. *Для такой власти нужна сначала покорность* так называемым законам природы и истории. А разве погонщик рабов может быть свободным? Разве новому Адаму, Иисусу Христу, — нужна моторная лодка (а наука здесь необходима, чтобы ее сделать), если Он может владеть законами природы и идет по воде? Именно в Воскресении Христа и состоит Благая весть о том, что человек свободен даже и от законов природы, свободен даже и от смерти, что показало Воскресение, а вера в то, что Христос овладел законами природы (как я уже сказал, реальность веры и духа реальнее чувствует только «oculus spiritualis»), и была той силой, следуя за которой, — а не покоряясь внешнему реальному миру, его закономерностям, — уходило добровольно на мученическую смерть тысячи, миллионы христиан в первые века христианства. Это та же самая сила, следуя за которой спустя века — шли в тюрьмы, на казнь и на мученическую смерть русские революционеры, а позднее и югославские, включая и автора книги, — чего он, к сожалению, как и все революционеры нового времени, не сознавал*).

Что касается тезиса Лейбница, согласно которому, познание в сущности есть не что иное, как только возможность использования реального мира (Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» приводит пример, кажется, угля), то об абсурдности этого тезиса не стоит и спорить. Например

* На *коренную* разницу между христианами и революционерами указал С. Булгаков в своей статье «Героизм и подвигничество», «Вехи», Москва, 1909 г. К сожалению, М. Михайлов этой разницы не разглядел (Прим. Ред.).

человек издавна употребляет и с немалой пользой, скажем, кур, и даже умерщвляет для своих нужд живые существа (жареная курица). Однако смешно было бы утверждать, что этим человеку хоть в малой степени удалось приоткрыть тайну жизни и смерти.

Словом, автор обладает типичным раздвоенным сознанием и, по существу, и дальше остается в русле того потока, чей предпоследний представитель — марксизм, а последний — «чистая наука», за которую автор стоит горой.

Автор даже и не ставит вопроса о существовании Бога, т. е. той сознательной силы, которая властвует не над природой, а над ее законами, меняя их по своему усмотрению, и которая непосредственно влияет на судьбу не только человечества, а каждого отдельного человека. Автор наперед знает, что такой силы не существует, а существуют так называемые законы природы, равнодушные и к людям и к человечеству. Но эта сила существует, хотим ли мы этого или не хотим, как существует солнце, которое греет и светит также и слепым, не могущим его видеть своим эмпирическим органом зрения — глазами. Путь к такому познанию открывает именно современная физика, в частности Гейзенберг.

Автор, воспитанный на Марксе и Фейербахе, что характерно для западноевропейской культурной традиции, понимает Бога как вечный порядок и закон. Такое понимание до крайнего предела довел Спиноза, который увенчал усилия средневековых схоластиков. Между тем и схоластики и Фома Аквинат, который исходил из Аристотеля, и Спиноза и Маркс, и поклонники так называемой «чистой науки», как автор книги, — таким пониманием совершенно противопоставляются живому Богу Библии, Отцу, а не господину человека, а также и абсолютной свободе, — свободе от законов природы. Оттого автор книги и не понимает основного положения ап. Павла, что «закон пришел, чтобы убить человека», и что «где нет закона, нет и преступления» и, наконец, что Христос освободил человека именно от законов (вечных и неминуемых), т. е. от смерти.

Если нет Бога, т. е. силы, которая властвует над законами природы, то и свободы нет, потому что в эмпирическом мире, в котором царят законы природы, нет свободы. И если человек не часть Божьего Существа, то он раб так называемого объективного мира и его законов. Но вся жизнь автора книги и описанный им его личный опыт говорят о противоположном.

Из-за современного духовного климата, в котором и развивались и Маркс, и Энгельс, и Фейербах, автор книги постоянно отождествляет Бога с законом. Истина — обратное: Бог есть отрицание всякого закона, Бог есть абсолютная свобода, и человек постольку сын Божий, постольку он свободен. И наоборот, он подпадает под власть — библейским языком — Сатаны, когда покоряется закону. А первичная вера в законы (законы развития природы, материи, истории, человеческого общества и т. д.) и есть фундамент и база современной «чистой науки», которую автор книги защищает и которая, в сущности, не что иное, как крайняя степень и последняя ступень в развитии того же духа, из которого произошел марксизм, против которого автор как будто восстает. Поэтому я и подчеркиваю постоянный конфликт личного опыта автора и его сознания.

Автор также часто смешивает религию и Церковь, что не случайно. Под религией автор неверно подразумевает общественно-историческую организацию людей. Само слово «religio» означает «связь». Религиозный догмат это то, что можно назвать и на марксистском языке «отражением» этой связи между самой глубинной сущностью человека, той свободной от реального мира части человеческой личности, которую мы называем «душой», и всеохватывающей сущностью жизни — «Богом». «Утвердиться верой» означает не что иное, как без каких бы то ни было гарантий и познания, которые дает нам внешний мир, следовать за этим внутренним императивом, — на религиозном языке «гласом Божьим». Здесь Ленин (и Маркс) правы, что сознание не определяет бытие чело-

века, а наоборот. Но они, — как предпоследнее завершение традиции нового века, как базис берут так называемый объективный реальный мир, над которым при помощи познания и покорности закономерностям человек может властвовать. Однако глубинная сущность и основа человека — его часть, независимая от объективного мира, частица Бога в человеке — человеческая свобода.

В тот момент, когда мы подходим к миру по-«научному», т. е. хотим познать властвующие над ним законы, — в тот же самый момент мы наперед признаем не только существование таких законов, но и независимость этих законов от нашей воли, (т. к. зачем бы нам было их познавать, если бы мы их могли менять по своей воле), т. е. от воли живого, сознательного, всемогущего существа, чьи мы дети, и которое на языке религии называется — Бог. Именно Лютер, чьи слова автор все время приводит (и не предполагая, что это его слова), описывая тот внутренний душевный императив, который заставлял его — вопреки собственному сознанию и всей исторической реальности, — воспротивиться всему миру и силам, гораздо более мощным, чем он, и между гибелью и покорностью выбрать вызов, к ужасу всей католической Европы — он воскликнул: «Sic volo, sic jubeo, sit pro rationo voluntas» — «Так хочу, так приказываю, пусть моя воля будет выше разума». Конечно, разум — не что иное, как власть закона даже и в человеческой душе. И потому говорит ап. Павел, что мы, христиане — безумцы перед людьми и разумные перед Богом, а Христос, что мудрость у людей — безумие перед Богом.

На 79-й стр. автор с правом утверждает, что «Власть — это суть всех коммунистических сущностей». Не может быть власти над природой при помощи покорности так называемым законам природы, чтобы это одновременно не была бы и власть над человеком. Оттого и современный научный прогресс вызвал духовное порабощение человека и человечества, превратил их в рабов, и дело тут вовсе не в «отставании морального сознания». Движение же, к которому принадлежал автор книги, — крайнее выражение этого духа в общественно-исторической области.

На стр. 97-й автор пишет, что свобода в настоящее время — это «освобождение науки и техники от оков общественного строя и догматов». Маркузе все-таки немного ближе к истине, так как понимает, что сама техника — одна из главных причин современного рабства. Правда, он не идет до конца и потому не находит выхода. Автор в этом отношении даже несколько отстает от Маркузе, так как его «освобождение науки и техники» и есть крайнее рабство. Правда, оно уже соприкасается с новой эпохой, как крайности, которые сходятся; так об авторе книги «Несовершенное общество» и об авторе этих заметок можно было бы сказать, что они «братья — противники».

На странице 99-й автор насмехается над бывшим марксистом П. Б. Струве, который пишет, что октябрьская революция была «несчастьем и ошибкой». Наш же автор (на 100-й стр.) говорит, что все происшедшее — «бесповоротно и неизменно». И автор показывает этим, что ему никак не удастся избавиться от марксистских догматов непреложности и неизменности хода истории. Во-первых, тот факт, что что-то произошло и что происшедшее нельзя изменить, ни в коем случае не противоречит утверждению, что случившееся — «несчастье и ошибка». Это знает каждый человек, по опыту своей собственной жизни. Только если стоять на позиции непреложности происшедшего и абсолютной несвободы человека, можно написать, что поскольку происходящее — бесповоротно и неизменно, постольку оно не может быть ошибкой и несчастьем. Кстати, именно религиозное сознание говорит о том, что не только будущее может измениться в зависимости от воли Божьей и страсти человеческой, но и прошлое. Примером этого в Библии может служить судьба Иова, которому возвращены и жена, и дети, и стада. А из современных мыслителей это утверждают Кьеркегор и Шестов. Лев Шестов: «Истина, что Сократ отравлен — не вечная, и, может, однажды по воле Божьей судьба

Сократа будет изменена». Но не буду на этом останавливаться, так как эта сфера духа слишком далека от нашего автора.

Верный своим только что упомянутым убеждениям в непреложности исторических событий, автор (на 125-й стр.) пишет, что «никто не может упрекнуть коммунизм в том, что он не лучше других режимов». Во-первых, его в этом постоянно упрекает сам автор. Во-вторых, с этой точки зрения можно сказать, что ни фашизм, ни маоизм также нельзя ни в чем упрекнуть.

На 107-й стр. автор говорит, что капиталистическая общественная система в сущности родилась и продержалась только на Западе и что там только и возможна смена капитализма социализмом таким образом, как это задумал Маркс, а именно, что сами промышленные силы заставят перейти общественные структуры на обобществление средств производства. Это абсолютно верно, это уже и происходит, хотя не столько под влиянием базиса, сколько под влиянием духа свободы, который там все еще сильнее, чем на Востоке. По Марксу самое слабое звено капиталистической системы как раз там, где промышленные силы сильнее всего развиты. Между тем автор, к сожалению, все еще находится под влиянием Маркса и Ленина и критикует П. Струве. Дело в том, что ленинское утверждение относительно того, что самое слабое звено в капиталистической системе следует искать в отсталых странах, где производственные силы развиты менее всего, — находится в полной противоположности с утверждениями Маркса. В этом отношении Ленин, конечно, не был марксистом, но и самая его практика полностью опровергла Марксову теорию полной зависимости общественной надстройки от структуры базиса. Поэтому ленинский волюнтаризм ближе к Лютеру, ближе к экзистенциальному опыту автора книги, и даже ближе к Библии, чем Марксовы «исторические непреложности». И поэтому критика автором Струве нелогична и противоречива.

Я считаю, что автору не стоило бы касаться (причем весьма ошибочно) в нескольких словах некоторых главных вопросов бытия, так, будто речь идет о каком-то митинге. Например, на стр. 160 автор пишет, что «если бы в нас не было зла, могли ли бы мы быть людьми... и могли ли бы мы излучать творческие, божественные силы...» Прежде чем писать о таких вещах, автор должен был бы ознакомиться с известными историческими полемиками о проблеме зла в человеке, которые вели Пелагий и Августин, а позже Лютер и Эразм Роттердамский. А так создается плохое впечатление.

К сожалению, автор незнаком с великой христианской философской традицией, а также с прямыми наследниками этой традиции — русскими философами конца прошлого и первой половины этого столетия. В связи с историческими обстоятельствами и своим несчастным воспитанием автор знает только эпигонов западноевропейской мысли: Чернышевского, Плеханова, Бухарина и т. д. Поэтому он поневоле в своей книге приближается к неглубоким западноевропейским философам типа Гароди, Мак Лугана, Сервана Шрайбера и даже Марквзе. Дело в том, что как раз создание ординаторов свидетельствует о том, что человеческий разум не есть основная сущность человека, а только средство, как, например, рука; и как руку заменяет кран, так и другое орудие человека, — мозг, заменяют кибернетические машины. Это именно и показывает, что человеческий ум, гасю, мозг — не человек, а только его орудие. Это освобождает путь к пониманию глубочайшей сущности человека, по религиозной терминологии — «человеческой души».

На 147-й стр. автор излагает мысль, что сама идея есть уже зародыш власти. И снова автор затрагивает глубочайшие философские вопросы без глубокого знания философского наследия человечества. Из этого утвержде-

ния автора неизбежно следует, что все борющиеся за свободу, включая Христа, Ганди^{*)} и т. д. — в сущности властолюбцы. Если бы автор внимательно прочел Евангелие, он бы заметил, как еврейские старейшины испуганно говорят о Христе: «Кто это, что говорит как тот, который имеет власть?». Однако, как можно заключить из всего сказанного, власть Христа совершенно иного рода, чем власть законов природы, чем общественно-политическая власть, чем власть знания над живой и мертвой материей и т. д. Власть Христа, Нового Адама, т. е. человека как беспорочного Сына Божия, который еще не вкусил «плодов познания», т. е. не покорился дьяволу, признав непреложность законов природы — есть власть над самими законами природы. Соответственно с этим общественно-политическая власть, власть науки и т. д. есть прямое отрицание власти Христовой. Как парадокс можно было бы сказать, что любое насилие (а нет общественно-политической власти без насилия, в то время как научная технология есть в сущности насилие над природой), т. е. любая такая власть, есть в действительности *отсутствии власти*, данной человеку от Бога.

Вся наука, техника и наша могущественная технология являются лишь усовершенствованием коляски для парализованного человека. Здоровому, до грехопадения, человеку, коляска науки и техники не нужна. Но, конечно, самым отбрасыванием коляски — паралич не вылечить.

Повторяю, с политической точки зрения книга превосходна и очень нужна, так как отражает состояние духа современности не только в нашей стране. Часто повторяемое утверждение (особенно на 168-й стр.), что сегодня миру нужна не революция, а реформы — весьма правильно. Между тем, если вспомнить духовного наследника Великого французской революции, так наз. «обскуранта» Жозефа де Местра и его известную фразу «Контрреволюция — это не революция наоборот, а это *обратно* революция», — и факт, что автор следует именно за этой мыслью, дает возможность атаковать его критикам «с левой» и «с новой левой» стороны. К сожалению, автор все еще не отделяется достаточно от духа этих всевозможных «левых», несмотря на свою очень правильную политическую декларацию, — поэтому он не в состоянии правильно защищаться.

Еще раз повторяю, что все это не есть недостаток книги, — просто в книге до крайней меры отражена духовная ущербность нашей эпохи и ее неразрешенные противоречия.

Для автора, как и для всей его эпохи, противоречия будут разрешены и новый путь откроется в тот момент, когда, вместо того, чтобы видеть выход в изобретении электронных мозгов (между прочим, Сталин столкнулся с кибернетикой из-за недоразумения, так как именно электронные машины позволяют осуществлять абсолютный контроль над человеческим обществом), когда автор, как и все нынешнее человечество, *экзистенциально* *про-* *чувствуют* и своей самой глубокой сущностью поймут «мысль» одного из ведущих «идеологов» нового христианства, Тертуллиана: «Мы распяли Сына Божьего; и не стыдимся этого — потому что это постыдно; и мертвый Он воскрес — без сомнения, потому что это невозможно; и я верю в это, потому что это бессмысленно». (Credo qui absurdum).

Новый Сад
Март 1970.

Михаил Михайлов

^{*)} Очень странно, что М. Михайлов Христа ставит в один ряд с Ганди и многими другими. Или Христос для него только человек? (Прим. Ред.).

ОТ РЕДАКЦИИ

Ниже мы помещаем статью Петра Николаевича Кружина о трагедии 2-й ударной армии, брошенной в 1942 г. на прорыв блокады Ленинграда. Как известно, этой армией командовал генерал А. А. Власов. Ему же был поставлен в вину и разгром этой армии. Даже более того — этот разгром явился как бы доказательством предательской

роли Власова, его аморальной продажности и т. д. Автор приводимой статьи неопровержимо доказывает, на основании советских же источников, что в гибели 2-й ударной был повинен не Власов, а «гениальный» полководец Иосиф Сталин. Интересно, что этот тезис всецело подтвердился мнением А. И. Солженицына в его недавно опубликованной книге «Архипелаг ГУЛаг». С. О.

П. Н. КРУЖИН

Трагедия 2-й ударной армии

В одной из глав своей книги «Архипелаг ГУЛаг» Солженицын остановился на трагической судьбе 2-й ударной армии, брошенной в январе 1942 г. на прорыв ленинградской блокады. В ней читаем:

«Операция была задумана комбинированной, с нескольких сторон, от Ленинграда тоже, в ней должны были в согласованные сроки принять участие так же 54-я, 4-я и 52-я армии. Но те три армии либо не тронулись вовремя по неготовности, либо быстро остановились (у нас еще не умели таких сложных операций планировать, а главное — снабжать). Вторая же Ударная пошла успешно и к февралю 1942 г. оказалась углубленной в немецкое расположение на 75 километров! И с этого момента даже для нее у сталинского верховного авантюрного командования не оказалось — ни людских подкреплений, ни боеприпасов. (И с такими-то резервами начали наступление!) ... В марте еще держались зимние пути, с апреля же развезло всю болотистую местность, по которой продвинулась 2-я ударная, и не стало никаких путей снабжения, и не было помощи с воздуха. Армия оказалась без продовольствия — и при этом Власову (командующему армией. — П. К.) отказали в разрешении на отход! После двухмесячного голодания и вымаривания армии (солдаты отсюда рассказывали мне потом в бутырских камерах, что с околевших гниющих лошадей они строгали копыта, варили стружку и ели) началось 14 мая немецкое концентрическое наступление против окруженной армии (и в воздухе, разумеется, только немецкие самолеты!). И лишь тогда (в насмешку) было получено разрешение возвратиться за Волхов... И еще были эти безнадежные попытки прорваться! — до начала июля»¹).

И дальше:

«Тут, конечно, была измена родине! Тут, конечно, жестокое эгоистическое предательство! Но — сталинское. Измена — не обязательно проданность за деньги. Невежество и небрежность в подготовке войны, растерянность и трусость при ее начале, бессмысленные жертвы армиями и корпусами, чтобы только выручить свой маршалский мундир — да какая есть горше измена для верховного главнокомандующего?»²).

Но во главе советской историографии вот уже почти десять лет как закрепились школа, которая всеми мерами старается не пропускать в научную и публицистическую литературу упоминаний о просчетах сталинского верховного командования, какими бы они, эти просчеты, ни были — обычными, без которых войны не обходятся, или авантюрно-преступными. Даже невинные намеки на них вызывают раздражение у представителей этой школы. Наиболее ревностный из них (если не назвать его главным цензором всей советской военно-исторической литературы), член-корреспондент Академии наук СССР, начальник Института военной истории Министерства обороны*) — генерал-лейтенант П. А. Жилин в написанной им

для «Известий» статье «Как А. Солженицын воспел предательство власовцев» попытался в решительной форме опровергнуть почти все, что было сказано в «Архипелаге ГУЛаг» о судьбе 2-й ударной армии. И главным образом тот тезис Солженицына, что эта армия была брошена сталинским верховным командованием на произвол судьбы. Жилин заявил на этот счет:

«Это неправда. Достаточно ознакомиться хотя бы с капитальным трудом «Битва за Ленинград», написанным на основе архивных документов коллективом авторов Военно-исторического отдела Генерального штаба (Воениздат, 1964) или мемуарами Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова, являвшегося тогда командующим войсками Волховского фронта (На службе народу, Политиздат, 1968), чтобы убедиться, насколько лживы и безответственны утверждения А. Солженицына. В этих книгах обстоятельно и объективно изложены обстоятельства, сложившаяся под Ленинградом весной и летом 1942 г., и причины того тяжелого положения, в котором оказались войска 2-й ударной армии. Как только выяснилось, что армия не может продолжать дальнейшее наступление на Любань, Власову было приказано вывести войска из окружения через имевшийся проход. Но Власов медлил, бездействовал, не принял мер по обеспечению флангов, не сумел организовать быстрый и скрытый отвод войск. Это позволило немецко-фашистским войскам перерезать коридор и замкнуть кольцо окружения»³).

Здесь хотелось бы предварительно сделать два замечания. Во-первых, Жилин в цитированных пассажах попытался представить дело так, будто бы первая попытка деблокировать Ленинград уже во всех деталях объективно изучена и все выводы по ней не подлежат сомнению. Но это, как, может быть, ни покажется странным, не соответствует официальному взгляду. Уже после того, как вышла названная Жилиным книга «Битва за Ленинград», маршал Мерецков выступил в «Военно-историческом журнале» со статьей «На волховских рубежах», где подробно рассказал как раз об этой первой попытке прорваться к осажденному Ленинграду. И редакция журнала, в состав которой входил тогда (и входит до сих пор) Жилин, предпослала этой статье следующее примечание:

«В своих воспоминаниях К. А. Мерецков излагает личную точку зрения на описываемые события, которые еще мало изучены и требуют дальнейшего исследования»⁴).

И в 1966 году «Военно-исторический журнал», помещая воспоминания генерал-полковника М. С. Хозина, представил эту же попытку освободить Ленинград как «малоисследованную операцию». А после этого других трудов по интересующему нас вопросу не выходило.

И второе. В том, что 2-я ударная армия осталась в немецкой западне, по Жилину виноват только Власов и никто другой. По поводу этой версии можно сказать, что она не нова. Однако справедливости ради надо отметить, что содержащиеся в ней конкретные обвинения в адрес Власова сравнительно мягкие. Ведь во втором томе «Исто-

¹) А. И. Солженицын, Архипелаг ГУЛаг, Париж, 1973, стр. 258.

²) Там же.

³) Одна из главных функций этого института — контролировать советскую военную историографию и военные мемуары.

³) «Известия», 29 января 1974.

⁴) «Военно-исторический журнал», 1965, № 1, стр. 54.

рии Великой Отечественной войны Советского Союза» Власову в той же связи, кроме «бездействия», была приписана еще и «трусость»⁵), а в «Битве за Ленинград» — уже «предательское поведение»⁶). В других же, менее авторитетных книгах — таких, которые для солидности маскируются грифом «документальная повесть», — в свое время была приподнесена версия о том, что Власов еще в киевском окружении (сентябрь 1941), в бытность командующим 37-й армией, «связался с гитлеровским командованием и тайно перешел на службу к германским фашистам»⁷). Руководствуясь этой, подсказанной, видимо, чекистами версией (конечно, не объясняя, почему же «немецкий агент» до приказа Сталина не оставил со своей армией Киева и почему же он позднее, возглавляя уже 20-ю армию, активно участвовал в разгроме немецких войск под Москвой), так просто было найти причины катастрофы под Любанью; и находили: «Предательство генерала Власова привело к гибели 2-й ударной армии. Власов открыто перешел на сторону фашистской Германии»⁸).

Итак, перед нами две диаметрально противоположные версии о причинах гибели 2-й ударной армии — версия Солженицына и версия официальной советской историографии. Какая же из них правильная или, по меньшей мере, какая из них ближе к истине?

К сожалению, мы не имеем доступа к соответствующим архивным документам, равно как нет у нас и возможности опросить компетентных свидетелей. Все, чем мы располагаем сейчас для ответа на поставленный выше вопрос, — это уже препарированные, предельно обесчеленные, «капитальные», по Жилину, советские труды и мемуары. И все же, используя даже эти источники (в числе их и рекомендованные Жилиным), можно проследить до последнего дня все перипетии 2-й ударной армии. Тогда на фоне этих перипетий зримо спроектируются истинные виновники ее трагического конца.

*

Провал начавшейся в январе 1942 г. операции по деблокадированию Ленинграда, как и ряда других операций, проводившихся одновременно с ней⁹), был предрешен уже тогда, когда эти операции только еще замыслились в советской ставке. Он был предрешен многими неблагоприятными для советской стороны факторами, объективными и субъективными. Из них в первую очередь надо назвать склонность Сталина к стратегическим просчетам (вульгарный диалектик, он часто желаемое принимал за неизбежное), равно как и неспособность ставки того времени ограждать своего «Верховного» от таких просчетов. Маршал Жуков отметил в своих мемуарах:

«... Верховный Главнокомандующий, находясь под влиянием разгрома немецко-фашистских войск под Москвой и успехов, достигнутых в ходе контрнаступления, был настроен оптимистически. Он считал, что и на других фронтах немцы не выдержат ударов Красной армии. Отсюда возникла идея начать как можно быстрее общее наступление на всем фронте от Ладожского озера до Черного моря»⁹).

⁵) История Великой Отечественной войны Советского Союза за 1941—1945, Москва, 1961, т. 2, стр. 470.

⁶) И. П. Барабашин и др., Битва за Ленинград, Москва, 1964, стр. 159.

⁷) Юр. Корольков, Через сорок смертей. Документальная повесть, Москва, 1964, стр. 124—126.

⁸) Там же.

⁹) Например Ржевская операция, закончившаяся окружением и разгромом сначала 29-й, а потом и 39-й армий; наступление Западного фронта в направлении на Вязьму, закончившееся окружением и разгромом 33-й армии и 1-го гвардейского кавкорпуса, и др.

⁹) Г. К. Жуков, Воспоминания и размышления, Штутгарт, 1969, стр. 379.

Целью этого общего наступления Сталин поставил разгром противника под Ленинградом, западнее Москвы и на юге страны. В перспективе же он видел реальную возможность очищения от немецких войск всей территории страны к концу 1942 года.

Как можно понять из тех же мемуаров маршала Жукова, тогдашний начальник Генерального штаба маршал Шапошников не разделял оптимизма Сталина. Однако, изнуренный тяжелой болезнью и по натуре мягкий, он, видимо, не мог отстоять свое мнение перед Сталиным. Вызванный в ставку вечером 5 января 1942 года для обсуждения проекта плана зимнего общего наступления Красной Армии, маршал Жуков решительно высказался за продолжение наступления на западном направлении. Здесь, по его мнению, противник еще не успел восстановить боеспособность своих войск. Однако, что касается наступления под Ленинградом и на юго-западном направлении, он заявил, что там советские войска стоят перед серьезной обороной противника и потому без наличия мощных артиллерийских средств не смогут ее прорвать: они сами измотаются и понесут большие, ничем не оправданные потери. Кроме Жукова на этом обсуждении выступил лишь кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Вознесенский, шефствовавший тогда над оборонной промышленностью. Он заметил: «Мы сейчас еще не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление всех фронтов». Но Сталин не принял в счет ни компетентное мнение Жукова, ни весьма важное и столь же компетентное предостережение Вознесенского. Оказалось, что состоявшееся 5 января обсуждение проекта общего наступления было чисто формальным. Вопрос уже был решен заранее Сталиным, после его предварительного разговора с маршалом Тимошенко, который высказался за общее наступление¹⁰).

Фронты получили соответствующие директивы. Вслед за этими директивами военным советам фронтов и армий было послано общее директивное письмо от 10 января 1942 года. Инициатором его (а судя по стилю отдельных фраз — и правщиком) был Сталин. В письме говорилось:

«Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам... передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году»¹¹).

В нем также содержались (бесспорно правильные, но беспредметные по тому времени) указания о необходимости создавать ударные группировки, обеспечивающие превосходство над противником на основных направлениях; требования перейти к практике артиллерийского наступления, обеспечивающего наступление пехоты и танков непрерывно от начала до конца боя¹²).

Комментируя в своих мемуарах это письмо, маршал Василевский сказал:

«Работники Генштаба считали эти указания очень важными для командования и войск в целом, но понимали также и то, что одним рекомендацией недостаточно. Для выполнения поставленных ставкой огромных задач прежде всего требовались дополнительные, притом весьма значительные, силы, вооружение, боеприпасы, боевая

¹⁰) Там же, стр. 379—381.

¹¹) А. М. Василевский, Дело всей жизни, «Новый мир», 1973, № 5, стр. 242.

¹²) В письме содержались также некоторые силлогизмы — такой, например: «Если наши войска не научатся быстро и основательно взламывать и прорывать оборонительную линию противника, наше продвижение вперед станет невозможным». Судя по глубине заложенной в нем мысли, трудно допустить, чтобы его авторами были генштабисты.

техника. Все это фронт получал, но пока что до полного удовлетворения его нужд было далеко»¹²).

Упомянутый Жилиным коллектив авторов Военно-исторического отдела Генерального штаба, оценивая сталинский план общего зимнего наступления, писал:

«Безусловно, этот замысел полностью соответствовал политическим целям, стоявшим в то время перед советским народом и его Вооруженными Силами»¹³.

Однако вслед за этим заявлением, нацеленным, видимо, на то, чтобы хоть как-то закамуфлировать авантюризм сталинской стратегии того периода, он вынужден был признать:

«Однако методы достижения целей, принятые стратегическим руководством, не в полной мере соответствовали реальным возможностям наших Вооруженных Сил... Принятый ставкой план привел к распылению стратегических резервов... В этом заключается одна из серьезных ошибок И. В. Сталина, допущенных им в планировании операций на зимнюю кампанию 1941/42 г. В тех условиях более целесообразным было бы последовательное нанесение ударов по основным группировкам врага. Сначала нужно было разгромить группу армий «Центр», что несомненно привело бы к коренному изменению обстановки на всем советско-германском фронте в нашу пользу и обусловило бы успех последующего наступления против группировок врага под Ленинградом и в Донбассе»¹⁴.

Это заключение военных историков весьма важно для нашей темы, ибо в свете его особенно рельефно проступает вся бессмысленность тех событий, которые из-за сталинского «оптимизма» развернулись в районе Любани.

*

Мы уже упоминали, что маршал Мерецков в статье «На волховских рубежах» описал, и как готовилась и как осуществлялась операция по деблокированию Ленинграда в 1942 г. Позднее эта статья вошла в его мемуары «На службе народу». Однако многое из нее — главным образом то, что в какой-то мере бросало тень на Сталина и ставку — при этом было уже изъято. Ниже мы будем пользоваться не мемуарами, а статьей Мерецкова, поскольку освещение событий в ней более полно.

12 декабря 1941 г. Мерецков, командовавший тогда под Тихвином 4-й армией, был приглашен в ставку. Присутствовали: Сталин, маршал Шапошников, командующий Ленинградским фронтом М. С. Хозин, член Военного совета этого же фронта и одновременно полномочный хозяин Ленинграда А. А. Жданов, командующий 26-й армией Г. Г. Соколов и командующий 59-й армией И. В. Галанин. Как оказалось, вызов Мерецкова был связан с тем, что войска, действовавшие восточнее реки Волхова, было решено объединить в самостоятельный фронт, получивший наименование Волховского. Мерецков назначался командующим этим фронтом.

В состав Волховского фронта включались 4-я, 52-я, 26-я и 59-я армии. 4-я и 52-я примерно уже с конца октября находились в непрерывных изнурительных наступательных боях в районе Волхова. 26-я и 59-я армии, только что сформированные, передавались новому фронту из резерва ставки и находились еще в железнодорожных эшелонах где-то восточнее Ярославля.

Маршал Шапошников доложил, что новому фронту отводится решающая роль в ликвидации блокады Ленинграда и разгроме главных сил немецкой группы армий «Север». Его войскам надлежало очистить от противника всю территорию восточнее реки Волхова, с ходу форсировать реку, затем, наступая в северо-западном направ-

лении, совместно с войсками Ленинградского фронта (54-я армия, находившаяся за внешним кольцом немецких войск и соседствующая с 4-й армией) окружить и уничтожить противника, действовавшего под Ленинградом¹⁵).

Исключительная ответственность и сложность задачи, которая была поставлена перед Волховским фронтом, требовали серьезной подготовки задуманной операции. Нужно было основательно продумать организацию боевых действий в условиях лесисто-болотистой местности, где почти исключались эффективные действия артиллерии и танков, затруднялось управление войсками, где было трудно наладить быт этих войск. Нужно было срочно восстановить боеспособность 4-й и 52-й армий, которые в результате тяжелых боев за Тихвин были ослаблены и утомлены; в них остро ощущался недостаток артиллерии, минометов, автоматического оружия и боеприпасов. Нужно было дождаться прибытия на фронт 26-й и 59-й армий. Нужно было добиться слаженности в работе создаваемого штаба фронта, наладить его взаимодействие со штабами всех армий. Нужно было, наконец, создать фронтной тыл, запасы боеприпасов, горючего, продовольствия. Для всего этого нужна была оперативная пауза.

Но ставка рассуждала иначе. Торопясь под нажимом Жданова как можно скорее освободить голодающий Ленинград, она приказала Мерецкову не приостанавливать наступательных действий 4-й и 52-й армий, очистить их силами восточный берег реки Волхова от противника, ворваться на западный берег, овладеть тет-де-понами на местах переправ и удерживать их до введения в боевые действия 26-й и 59-й армий. По подсчетам Генерального штаба, последние должны были прибыть на фронт в период с 22 по 25 декабря. Правда, ставка несколько успокоила Мерецкова. Ему было сказано, что как только войска фронта переправятся через Волхов, из резерва будет подана еще одна, третья, общевойсковая армия и, кроме того, 18—20 лыжных батальонов¹⁶).

Приказ ставки не приостанавливать наступления 4-й и 52-й армий, а продолжать его (в дальнейшем он подкреплялся по телефону, телеграфу и письменными директивами) по сути дела обрекал эти армии на полное обескровливание еще до подхода свежих 26-й и 59-й армий. Тем самым сама операция по деблокированию Ленинграда перекладывалась исключительно на плечи последних.

22 декабря передовые части 4-й армии, а через два дня и 52-й армии с большим трудом подошли к реке Волхов. В дальнейшем им удалось захватить три небольших плацдарма. Расширить их не удалось, и в дальнейшем они не сыграли никакой роли. Наступление заглохло. Прибывший на фронт в конце декабря представитель ставки Мехлис торопил и подгонял командование фронта, но это, кроме нервозности, не вносило ничего нового в положение дел. Тем временем прибытие 26-й (в конце декабря она была переименована во 2-ю ударную) и 59-й армий из-за плохой пропускной способности Северной железной дороги и из-за бомбардировок затягивалось. В начале января Мерецков попросил ставку перенести срок перехода в наступление всеми силами фронта на 7 января. Ставка была вынуждена согласиться с этим.

Из состава 59-й армии к 7 января прибыли и успели развернуться только пять дивизий, три еще находились в пути. Из состава 2-й ударной армии (имея одну дивизию и семь стрелковых бригад, тогда по силе она равнялась лишь хорошему стрелковому корпусу) прибыло немногим больше половины соединений. Авиация фронта насчитывала всего лишь 52 исправных самолета, распределенных по армиям. Отстали тылы. Войска фронта получили лишь четверть боекомплекта боеприпасов, а по нормам того времени их требовалось не меньше полутора боекомплектов. Запасы продовольствия и фуража были незначительными — и из-за того, что нарушался график подачи снабженческих эшелонов, и из-за того, что пути подвоза были растянутыми, и из-за того, что совсем не было автотранс-

¹² Там же.

¹³ И. П. Барабашин и др., цит. соч., стр. 135.

¹⁴ Там же.

¹⁵ К. Мерецков, На Волховских рубежах, «Военно-исторический журнал», 1965, № 1, стр. 54—55.

¹⁶ Там же, стр. 55.

порта, а гужевого транспорт, в условиях морозов и снежных заносов, не справлялся даже с подвозом фуража (один его оборот занимал 4—6 суток, за это время лошади съедали больше трети того, что везли).

Перейдя 7 января в наступление, войска фронта, как это и предвидел Жуков, успеха не имели. Они были встречены сильным минометным и пулеметным огнем и были вынуждены отойти в исходное положение. Наступление показало неудовлетворительную подготовку войск и штабов. Командиры и штабы теряли управление, атаки начинались неодновременно и неорганизованно. «Неподготовленность операции, — отметил Мерецков, — предопределила и ее исход»¹⁷).

Мерецков попросил ставку отложить операцию еще на три дня. Но для того, чтобы устранить все выявившиеся недочеты, этих дней не хватило. Требовалось по меньшей мере еще 15—20 суток. 10 января между ставкой и Мерецковым состоялся разговор по прямому проводу. Вот его начало:

«У аппарата Сталин, Василевский. По всем данным у вас не готово наступление к 11 числу. Если это верно, надо отложить еще на день или на два дня, чтобы наступать и прорвать оборону противника... У русских говорится: поспешишь — людей насмешишь. У вас так и вышло, поспешили с наступлением, не подготовив его, и насмешили людей»¹⁸).

Это было очередным шедевром известной сталинской манеры перекладывать свою собственную вину на головы других. И Мерецков отметил в своей статье:

«Это был серьезный упрек, но далеко не заслуженный. С первых дней образования фронта нас непрерывно торопили с наступлением. Из ставки шли директивы и раздавались телефонные звонки с требованием ускорить подготовку. При Военном совете фронта находился представитель ставки Меллис, который выполнял роль толкача. Когда же наступление провалилось, нас упрекали в поспешности»¹⁹).

13 января наступление Волховского фронта возобновилось. Одновременно перешла в наступление и 54-я армия Ленинградского фронта. Однако и на этот раз

«Наступление... развивалось медленно. Наши части всюду наталкивались на упорное сопротивление врага. На участке 4-й армии противник сам атаковал наши позиции, и армия вынуждена была вместо наступления вести оборонительные бои. 59-я армия, не сумев взломать передний край обороны противника, топталась на месте. Успех обозначился только на направлении действий 2-й ударной и 52-й армий. К исходу 14 января ударные группировки этих армий пересекли реку Волхов и овладели на противоположном берегу рядом населенных пунктов»²⁰).

В дальнейшем войска 2-й ударной армии к 21 января вышли на участке Спасская Полисть — Мясной Бор к главной оборонительной позиции противника. Начались непрерывные атаки названных населенных пунктов. Наконец, в ночь на 24 января Мясной Бор был взят и главная полоса обороны противника на этом направлении была прорвана.

Если 2-я ударная армия имела успех, то в других армиях Волховского фронта с наступлением ничего не получилось. Их атаки постепенно становились все слабее и слабее, а затем совсем прекратились. Не добилась успеха и 54-я армия Ленинградского фронта.

¹⁷) Там же, стр. 57.

¹⁸) Там же.

¹⁹) Там же.

²⁰) Там же, стр. 60.

*

Во главе 2-й ударной армии сначала был поставлен генерал-лейтенант Г. Г. Соколов, человек безупречной политической благонадежности, занимавший до этого пост заместителя народного комиссара внутренних дел. По характеристике Мерецкова, он брался за дело горячо, с апломбом, давал любые обещания, но на деле у него ничего не получалось. Еще накануне наступления 7 января выяснилось, что он «совершенно не знал обстановки, что делают и где находятся соединения его армии, был далек от понимания боя и операции, цеплялся за старые, уже изжившие себя методы и способы вождения войск»²¹). После первого наступления окончательно выяснилось, что командовать армией он не может. По просьбе Мерецкова 10 января Соколов был отозван в Москву. Армию возглавил генерал-лейтенант Н. К. Клыков²²), командовавший до этого 2-й армией, энергичный, волевой и оперативно грамотный военачальник.

После прорыва 2-й ударной армией главной полосы обороны немцев в районе Мясной Бора командование Волховским фронтом с разрешения ставки перенесло все усилия на направление Спасская Полисть, Любань. В образовавшуюся брешь шириной 3—4 километра (только к 12 февраля она была расширена до 13 километров), простреливаемую всеми видами огня, был введен незадолго до того сформированный фронтом 13-й кавалерийский корпус генерал-майора Н. И. Гусева. Вслед за ним начали входить в прорыв и войска 2-й ударной армии. Одновременно небоеспособные соединения 52-й и 59-й армий были нацелены на расширение прорыва в стороны флангов. На них же возлагалась задача обеспечивать (оборонять) коммуникации введенных в прорыв войск.

Стараясь поздним числом оправдаться за это тактически опрометчивое решение, Мерецков писал:

«Принимая решение на перенесение усилий к району прорыва, командование фронта исходило из того, что ставка должна скоро направить к нам обещанную общевойсковую армию. Поэтому задача по расширению прорыва обороны противника решалась одновременно с задачей по развитию наступления в глубину. Но обещанную армию мы не получили. Своих же сил для одновременного решения этих двух задач явно не хватало»²³).

А между тем события в районе прорыва развивались следующим образом:

«Введенный в прорыв 13-й кавалерийский корпус, а за ним и некоторые соединения 2-й ударной армии вначале продвигались довольно быстро. За пять дней они углубились в расположение противника до 40 км, перерезав в районе Финев Луг железную дорогу Ленинград—Новгород. Продвижение корпуса шло успешно до тех пор, пока наступление велось строго в северо-западном направлении, где силы противника были весьма незначительны. Но стоило генералу Гусеву повернуть кавалерийские дивизии на северо-восток, как противник стал оказывать сильное сопротивление...»

По мере продвижения 13-го кавалерийского корпуса и войск 2-й ударной армии в глубину расположения противника район, занимаемый этими войсками, все увеличивался, а плотность боевых порядков уменьшалась. Возникли трудности с управлением»²³).

Если посмотреть на карту, то становится понятным, почему войска Волховского фронта почти не встречали сопротивления при углублении на северо-запад. На этом направлении были сплошные болотистые леса и почти не было населенных пунктов. Не исключено, что немецкое

²¹) Там же, стр. 58—59.

²²) Солженицын допустил неточность, написав, что 2-я ударная армия 7 января начала наступление под командованием Власова. Власов возглавил эту армию лишь в апреле.

²³) Там же, стр. 61.

²³) Там же.

командование сознательно давало возможность советским войскам углубляться на этом направлении. Это обрекало их на измор. В то время на северо-востоке, где целый ряд крупных населенных пунктов прикрывал выход к стратегически важной железной дороге Москва—Ленинград, немцы создали прочную оборону. Советские войска были вынуждены обходить эти населенные пункты с запада, все время отдаляясь от цели наступления. При этом глубокие обходы по снежной целине изнуляли людей и снижали темп наступления. Войска неоднократно испытывали перебои в подаче продовольствия, фуража, снарядов и других материальных средств. К тому же некоторые части и подразделения были из жителей степных районов; лес и болота действовали на них удручающе. Тяготая друг к другу, люди сбивались в большие группы, становились хорошей целью для немецких самолетов, артиллерии и минометов.

Тем временем, по свидетельству Мерецкова, —

«Из ставки шли телеграммы и раздавались звонки с требованием усилить наступательные действия и во что бы то ни стало овладеть Любанью. Нас обвиняли в нерешительности, в топтании на месте. Мы же в свою очередь жаловались на нехватку танков, авиации, снарядов, на усталость войск, которые в течение длительного времени вели тяжелые бои, на низкую обученность поступившего пополнения»²⁴).

Ставка снова прислала на фронт своего представителя — на этот раз маршала Ворошилова. Он побывал почти во всех армиях и в 13-м кавалерийском корпусе — беседовал с солдатами и командирами, ободрял их, обращался с призывами, а там, где было необходимо, требовал и подгонял²⁵).

В конце февраля Мерецков обратился в ставку с предложением произвести перегруппировку внутри армий и фронта с тем, чтобы высвободить часть сил для усиления 2-й ударной и 59-й армий, на некоторые время приостановить атаки и привести в порядок наступавшие на Любань дивизии, пополнив их людьми, оружием и боеприпасами. Ставка согласилась с первой частью этого предложения. Однако она в категорической форме высказалась против временного прекращения наступательных действий и приведения в порядок наступающих войск. Правда, с целью оказания помощи войскам Волховского фронта она приказала Ленинградскому фронту снова нанести удар 54-й армией навстречу 2-й ударной армии.

Особенно ожесточенные бои 2-я ударная армия вела за населенный пункт Красная Горка, на подступах к Любани. Здесь были окружены немцами две наступавшие дивизии. В течение пяти дней им пришлось сражаться в окружении. В дальнейшем все атаки на Красную Горку отбивались противником. Чтобы выяснить, в чем дело, Мерецков 1 марта выехал на командный пункт 2-й ударной армии, а оттуда — в дивизии и бригады. Что же он застал?

«Везде войска топтались на месте. Наступательного порыва не было. Солдаты и командиры, с которыми мы встречались, жаловались на отсутствие поддержки со стороны нашей авиации, на недостаток снарядов, на губительный артиллерийский огонь противника. Вражеская авиация буквально висела над нашими войсками, прижимая их к земле... Персональный учет раненых и убитых находился в запущенном состоянии, в армии не знали даже приблизительных потерь. Начальник оперативного отдела полковник Пахомов неоднократно прибегал к ложной информации, вводя тем самым в заблуждение командование армии и фронта»²⁶).

Запущенность персонального учета и (вольная или невольная) дезинформация, в условиях, когда вражеская

авиация все время прижимает войска к земле и когда, следовательно, нарушаются боевые порядки, нарушается связь между частями и подразделениями, — дело обычное. Тем не менее начальник штаба и начальник оперативного отдела 2-й ударной армии были сняты Военным советом фронта со своих постов. Но и эта мера, принятая, видимо, только для того, чтобы продемонстрировать перед ставкой свою энергичность, ни к чему не привела.

В первой половине марта началось затухание наступательных действий на всех направлениях. 2-я ударная, вклинившись в глубину расположения противника на 60—70 километров, захватила большой лесисто-болотистый район между дорогами Чудово—Новгород и Ленинград—Новгород, напоминая причудливую изогнутую бутылку с узким горлышком. Но до Любани ей оставалось 15, а до 54-й армии — 30 километров. «Это был успех, не получивший завершения», — писал Мерецков²⁷). Фронт застыл.

*

Проникнув глубоко в расположение противника и не имея сил для дальнейшего наступления, 2-я ударная армия сама оказалась в тяжелом положении. При слабости сил фронта, действовавших у основания прорыва, нависла угроза пережвата противником ее коммуникаций. К тому же приближалась весна, а с нею распутица, развал вырубавших зимой снежных дорог, нарушение снабжения.

Нужно было срочно принимать решение, как быть дальше. По свидетельству Мерецкова, тогда

«Напрашивалось три варианта решения задачи: первый — просить ставку усилить фронт одной армией и, пока не наступила распутица, решить поставленную задачу; второй — отвести 2-ю ударную армию из занятого ею района и при благоприятной обстановке искать решения оперативной задачи на другом направлении; третий — перейти к жесткой обороне на достигнутых рубежах, переждать распутицу, а затем, накопив сил, возобновить наступление»²⁸).

Даже не по сегодняшнему, а по тому времени было очевидным, что второй вариант — оперативно наиболее благоразумный и целесообразный. Однако командование фронта высказалось тогда (не потому ли, чтобы только не показать себя перед ставкой «нерешительными» и «трусливыми»?) за первый. Правда, оно не возражало против вывода 2-й ударной армии из любанской «бутылки» и решительно отбросило третий (он слишком явно обрекал армию на вымирание). Ставка в свою очередь не возражала против первого варианта²⁹); о ее отношении ко второму и третьему вариантам Мерецков почему-то умолчал.

Итак, по Мерецкову, когда не было уже сомнений в том, что 2-я ударная армия не в силах продолжать наступательные боевые действия и над нею нависла угроза окружения и оставления без продовольствия и боеприпасов, — и командование фронта и ставка не посчитали нужным принять меры к ее спасению. Наоборот, и командование фронта и ставка решили продолжать операцию по деблокированию Ленинграда, хотя уже никаких реальных сил и возможностей для этого не было. Ведь даже если бы ставка и прислала, наконец, обещанную ею армию, и она была бы введена в любанскую «бутылку», это все равно не повлияло бы на исход операции: в условиях надвигающейся весенней распутицы и постоянной угрозы коммуникациям со стороны противника — в перспективе у этой армии могла быть лишь участь 2-й ударной.

Тем временем немцы, подтянув к основанию советского прорыва свежие силы, после мощного артиллерийско-минометного удара по войскам 52-й и 59-й армий, 17 марта

²⁴) Там же, стр. 62.

²⁵) Там же, стр. 64.

²⁶) Там же, стр. 65.

²⁷) Там же.

²⁸) Там же, стр. 66.

²⁹) Там же.

перерезали коммуникации 2-й ударной армии. Но и это не образумило ставку. Мерецкову было приказано разгромить немецкие войска у основания советского прорыва, а 2-й ударной армии — подготовить очередное наступление навстречу 54-й армии.

Лишь 27 марта удалось отеснить немецкие части, оседлавшие коммуникации 2-й ударной армии, и в армию снова пошли обозы с продовольствием, фуражом и боеприпасами. 3 апреля армия начала наступление с задачей занять селение Апраксин Бор. В течение первых двух часов пехоте, по официальным докладам, удалось выбить противника из первой и второй траншей. Но большего дивизии армии достигнуть уже не смогли ни в первый, ни во второй день наступления. Тогда в армию прибыла комиссия фронта для расследования причин неудачи. Через несколько дней после этого Клыков был смещен³⁰) с должности командующего 2-й ударной армией³⁰). Сначала временно, а с 14 апреля официально его заменил генерал-лейтенант Власов³¹).

Здесь, может быть, стоит остановиться на характере боев, которые проходили в это время на Волховском фронте — эти бои как нельзя лучше свидетельствовали о боевых возможностях войск фронта. На этот счет большой интерес представляет следующее мнение генерал-полковника Хозина, тогдашнего командующего Ленинградским фронтом:

«Наступил апрель. Пришла весна... Погода и распутица неизбежно внесли свои коррективы в общий ход боевых действий... По-моему, вряд ли вообще имели место бои в том смысле, как это принято понимать. Вероятнее всего, дело ограничивалось артиллерийской, ружейной и пулеметной перестрелкой. Если вспомнить, что речь идет о лесисто-болотистой местности, где солдаты и офицеры находились по пояс в воде, то трудно себе представить самую возможность более активных боевых действий...»³¹).

Видимо, теперь и Сталин убедился, что операция по деблокадированию Ленинграда провалилась. Что же он предпринял в таком случае?

21 апреля в ставку был вызван командующий Ленинградским фронтом Хозин. Ему напомнили о том, что он в разговорах по прямому проводу с ответственными лицами ставки неоднократно высказывал претензии по поводу несогласованности в действиях между Волховским и Ленинградским фронтами в ходе операции по снятию блокады с Ленинграда. Хозин подтвердил их. Тогда Сталин «в целях лучшего взаимодействия войск» предложил ликвидировать Волховский фронт, войска этого фронта преобразовать в Волховскую группу войск, последнюю же включить в состав Ленинградского фронта. Хозин позже признавался:

«Такое предложение явилось неожиданным не только для меня, но, как я понял, и для других присутствовавших. Дело прошлое, но мне представляется, что в первый момент никто из нас глубоко не мог подумать, насколько оно было приемлемо. Впоследствии жизнь показала нецелесообразность этого решения. Но тогда ни я, ни кто другой не возразил, да и вообще в то время при колоссальном авторитете, которым пользовался Сталин, вряд ли кто мог возразить»³²).

Из этого свидетельства Хозина видно, что автором решения о ликвидации Волховского фронта был Сталин, и к этому решению он пришел в одиночку.

Чтобы понять все значение этого неожиданного шага

Сталина, надо иметь в виду, что за судьбу фронтов и обеспечение их боевой деятельности несла ответственность ставка, за судьбу же фронтовых оперативных групп несли ответственность соответствующие фронты. Таким образом, ликвидировав Волховский фронт и передав его войска (Волховская оперативная группа) Ленинградскому фронту, Сталин тем самым снимал с себя заботу о них, то есть, по сути, бросал их на произвол судьбы. Так решилась участь 2-й ударной армии — наиболее активного оперативного объединения Волховского фронта.

Это коварное (иначе его не назовешь) решение Сталина было усугублено еще и тем, что одновременно с ним ставка отняла у войск бывшего Волховского фронта только что сформированный там полноценный 6-й пвардейский стрелковый корпус и еще одну стрелковую дивизию и передала их соседнему Северо-Западному фронту³³). Иными словами, на обескровленные войска бывшего Волховского фронта Сталин 21 апреля как бы поставил крест.

*

Хозин сообщает дальше, что 21 апреля ему устно (!) было приказано «разработать план вывода 2-й ударной армии из мешка, в котором она в это время оказалась»³⁴). Однако директиву ставки на вывод этой армии он получил только 21 мая³⁵) (Жилину, как историку, следовало бы это знать). Таким образом, совсем по непонятным причинам армия Власова целый месяц, в разгул весеннего половодья, должна была оставаться в болотах любанской «бутылки». Снабжение ее было скудным, поскольку теперь шло через Ленинградский фронт, который сам голодал.

«Солдаты, черные от болотной грязи, от копоты, с глазами, воспаленными многодневной бессонницей, лежали на зыбкой земле... Они давно уже не получали ни хлеба, ни сухарей, ели крапиву, кору молодого осинника. А кругом стояли непроходимые топи, нельзя было вырыть даже ямки, чтобы укрыться от пуль и осколков, — окопы сразу затягивало тиной, заливало водой. Люди превратились в скелеты от голода, бессонных ночей и нечеловеческого напряжения»³⁶).

Во исполнение соответствующей директивы фронта 2-я ударная армия 24 мая начала отход. Часть ее сил стала стягиваться в исходный район севернее Новой Керести для удара навстречу 59-й армии (чтобы расширить горловину «бутылки»). Встречный удар 59-й и 2-й ударной армий был назначен Хозиным на 5 июня. Однако немцы, заметив отход, 30 мая перешли в наступление с целью перерезать узкий проход между 59-й и 2-й ударной армиями. 5 июня в 2 часа ночи ударные группы 59-й и 2-й ударной армии в свою очередь перешли в наступление. Ударная группа 59-й армии, продвинувшись вперед, к 12 часам дня вышла на восточный берег реки Полисть. Но ударная группа 2-й ударной армии своей задачи не выполнила. Противник своим наступлением внес дезорганизацию в ее ряды, поставил под угрозу окружения.

Бывший начальник артиллерии 2-й ударной армии генерал-полковник артиллерии Г. Е. Дегтярев так описывает условия, в которых проходило это наступление:

«На этот раз главные усилия армии сосредоточивались в направлении Любино Поле — Мясной Бор. Данные разведки свидетельствовали о том, что войска противника здесь относительно немногочисленны и прорвать его оборону вполне возможно даже при невысокой плотности артиллерийского огня. А плотность огня мы создать не могли. Я окончательно убедился в этом во время рекогносцировки. Прежде чем достигнуть одной из намеченных точек в полосе 191-й стрелковой дивизии, многим из нас довелось буквально выкупаться в болотной жиже. Когда

³³) К. Мерецков, цит. соч., стр. 67.

³⁴) М. Хозин, цит. соч., стр. 40.

³⁵) Там же, стр. 42.

³⁶) Юр. Корольков, цит. соч., стр. 125—126.

³⁰) Г. Е. Дегтярев, Таран и щит, Москва, 1966, стр. 141—144.

^{*}) По Мерецкову, Клыков был заменен по болезни.

^{**}) Власов прибыл на Волховский фронт 9 марта на должность заместителя командующего фронтом.

³¹) М. Хозин, Об одной малоисследованной операции, «Военно-исторический журнал», 1966, № 2, стр. 39.

³²) Там же, стр. 40.

же стали пробираться к следующему пункту — в полосу 259-й стрелковой дивизии, — то расстояние два километра едва сумели покрыть в течение двух часов. Пришлось, как зайцам, прыгать с кочки на кочку. Попробуй в таких условиях подвезти достаточное количество боеприпасов!»³⁷).

6 июня немцы окончательно закрыли проход в стыке 59-й и 2-й ударной армии. В окружении остались части семи стрелковых дивизий и шести стрелковых бригад 2-й ударной армии общей численностью до 20 тысяч человек.

Узнав об этом, ставка немедленно же нашла «виновника» случившегося. Но не в лице Власова. В мемуарах маршала Василевского процитирован соответствующий приказ ставки от 8 июня:

«За невыполнение приказа ставки о своевременном и быстром отводе войск 2-й ударной армии, за бумажно-бюрократические методы управления войсками, за отрыв от войск, в результате чего противник перерезал коммуникации 2-й ударной армии и последняя была поставлена в исключительно тяжелое положение... снять генерал-лейтенанта Хозина с должности командующего войсками Ленинградского фронта и назначить его командующим 33-й армией Западного фронта»³⁸).

Этот приказ Жилину тоже положено знать. Однако сами мы далеки от того, чтобы считать этот приказ справедливым. Хозин меньше всего был повинен в том, что обесиленные войска Волховской оперативной группы оказались не в состоянии обеспечить выход 2-й ударной армии из лобанской «бутылки», равно как и в том, что войска Власова к этому времени были физически истощены и деморализованы. А как бы пригодились для своевременного вызволения 2-й ударной армии те 6-й гвардейский стрелковый корпус и стрелковая дивизия, которые ставка в конце апреля передала из Волховской оперативной группы Северо-Западному фронту!

Одновременно со снятием Хозина с должности командующего Ленинградским фронтом был восстановлен Волховский фронт, и Мерецков снова был поставлен во главе этого фронта. В ставке ему была поставлена задача вместе с заместителем начальника Генерального штаба Василевским во что бы то ни стало вызволить 2-ю ударную армию.

Мерецкову и Василевскому удалось кое-как высвободить из войск 59-й и 52-й армий три стрелковые бригады и один танковый батальон. Они должны были «пробить коридор шириной в 1,5—2 км, прикрыть его с флангов (генерал-лейтенанту Жилину следовало обратить внимание и на эту деталь) и обеспечить выход войск 2-й ударной армии, попавших в окружение»³⁹). 10 июня на расвете танки и пехота двинулись в атаку. Но успеха не имели. При повторной атаке 19 июня оборона противника в одном из пунктов была прорвана, танки и пехота вышли на соединение с войсками 2-й ударной армии, наступавшими с запада, но это ничего не дало. Лишь через два дня удалось пробить коридор шириной до 300—400 метров. Через этот коридор вышла большая группа раненых 2-й ударной армии, а за ними без команды потянулись бойцы и командиры, участвовавшие во встречном наступлении. Командование фронта пыталось сколотить из них сводные отряды и использовать их для обеспечения коридора. Но из этого ничего не вышло: люди были изнурены и подавлены морально. Немцы же уже на другой день, после массированного удара авиацией и артиллерией, снова взяли под свой контроль участок выхода из окружения.

Командование фронта снова подготовило встречный удар войск 59-й и 2-й ударной армий вдоль построенной еще зимой и теперь развалившейся узкоколейки. Он был назначен на 23 часа 23 июня. Перед этим, как свидетель-

ствует Мерецков, вся тяжелая техника, поскольку ее нельзя было спасти, по распоряжению Власова была уничтожена или выведена из строя. Все шоферы, артиллеристы и другие специалисты 2-й ударной армии были влиты в стрелковые части. «Однако, — свидетельствовал тот же Мерецков, — из-за сильнейшей бомбардировки с воздуха боевых порядков войск и штаба 2-й ударной армии некоторые мероприятия по занятию исходного положения для атаки были сорваны»⁴⁰).

Далее у Мерецкова читаем:

«Наступила ночь на 24 июня. В 23.30 начали движение войска 2-й ударной армии. Навстречу им вышли танки 29-й танковой бригады с десантом пехоты. Артиллерия 59-й и 52-й армий всей своей массой обрушилась на врага, окаймляя огнем выходящие войска.

Артиллерия противника открыла ураганный ответный огонь. Над районом боевых действий появились ночные бомбардировщики. Я в это время находился на командном пункте 59-й армии, откуда поддерживал связь со штабом 2-й ударной армии. С началом движения войск этой армии связь с нею нарушилась окончательно и уже больше не восстанавливалась»⁴¹).

В условиях, когда боевые порядки войск 2-й ударной армии оказались на узком пространстве под губительным артиллерийским и минометным огнем, а встречный удар войск 59-й и 52-й армий еще не дал никаких результатов, Власов отдал единственно возможное тогда распоряжение: выходить из окружения мелкими группами, кто где хочет и как знает. Это распоряжение, конечно, дезорганизовало войска. Подразделения дивизий и бригад вразброд двинулись к выходу, оставляя неприкрытыми фланги и тылы. Однако оно дало возможность спастись хотя бы тем, кто мог. В противном случае армия целиком легла бы под бомбами, снарядами, минами и пулеметным огнем.

«К утру (24 июня. — П. К.) вдоль узкоколейной железной дороги наметился небольшой коридор и появились первые группы вышедших бойцов и командиров. Выход войск продолжался в течение всей первой половины дня. Но затем прекратился. Немцам снова удалось взять под контроль дорогу»⁴²).

Трагически сложилась судьба и командования 2-й ударной армии.

«Военный совет армии, сопровождаемый ротой автоматчиков, выступил в 23 часа 24 июня в район 46-й стрелковой дивизии, с частями которой он должен был выйти. В пути выяснилось, что никто из работников штаба как следует не знал, где находится командный пункт 46-й стрелковой дивизии. Двигались наугад. При подходе к реке Полисть... попали под сильный минометно-артиллерийский огонь противника. Одни залегли, другие, пытаясь выйти из-под обстрела, рассыпались в разных направлениях. Военный совет армии и начальник связи генерал Афанасьев, который впоследствии и рассказал нам всю эту историю, повернули в северном направлении, но там оказались немцы. Тогда было принято решение отойти в тыл противника, а затем, продвинувшись на несколько километров к северу, перейти линию фронта в другом месте»⁴³).

Дальше достоверные сведения обрываются. Но надо полагать, что группа военного совета в стычках с немцами постепенно рассеялась. Член военного совета армии — дивизионный комиссар Иван Васильевич Зуев, как потом выяснилось, недалеко от Чудова вышел из леса — голодный и больной — и попросил хлеба у путейцев, работавших на железной дороге. Рабочий Сейц привел нем-

³⁷ Г. Е. Дегтярев, цит. соч., стр. 144.

³⁸ А. М. Василевский, цит. соч., стр. 250.

³⁹ К. Мерецков, цит. соч., стр. 68.

⁴⁰ Там же, стр. 69.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

цев. Не желая оказаться в плену, Зуев застрелился⁴⁴). Власов с начальником штаба армии полковником П. С. Виноградовым, со своим ординарцем М. Вороновой и группой автоматчиков долго плутали по лесам, пытаясь пробиться к «своим». Питались прошлогодней клюквой. Группы таяла. Виноградов в одной из стычек с немцами был смертельно ранен. Власов накрыл его своей генеральской шинелью и пошел с Вороновой дальше. Эта генеральская шинель сбита немцев с толку. Они приняли Виноградова за Власова (оба были высокими и черты лица у обоих немного совпадали). Власов же со своей спутницей, как и Зуев, голодный и обессиленный, 13 июля (на двадцатый день блужданий) вышел к лесной деревушке, попросил у колхозника хлеба и, как и Зуев, был выдан немцам. Как партизан...

А наименование 2-й ударной тогда же, летом 1942 года, было присвоено одной из новых армий Волховского фронта. Во главе ее снова был поставлен Клыков. И никакой любанской трагедии для Сталина больше не существовало.

*

Есть ли необходимость давать обстоятельные обобщения всему сказанному выше? Разве и без них не очевидно, что в гибели 2-й ударной армии в первую очередь виноват Сталин? Мы сказали «в первую очередь». Потому что доля вины лежит и на командовании Волховским фронтом. Последнее проявило робость перед ставкой, безответственно приняло план деблокаживания Ленинграда без оперативной паузы, без надлежащей подготовки опе-

⁴⁴ На берегах Волхова, Сборник воспоминаний, Ленинград, 1966, стр. 104.

рации; не имея резервов, все же ввело 2-ю ударную в прорыв, а в дальнейшем своевременно не поставило перед ставкой вопроса о выводе ее из любанской «бутылки».

Остаются обвинения Жилина в адрес Власова — что, получив приказ на вывод армии из окружения, он «медлил, бездействовал, не принял меры по обеспечению флангов, не сумел организовать быстрый и скрытый отвод войск». Но в свете сказанного выше (а сказано все было на основании советских источников) эти обвинения выглядят кабинетными, оторванными от реальной обстановки и, следовательно, беспредметными. Взять хотя бы замечание Жилина об обеспечении флангов. О каких флангах могла идти речь, когда для выхода из окружения оставалась узкая полоска обрушившейся узкоколейки с непроходимыми болотами справа и слева? Из сообщений Мерецковым фактов видно, что Власов, как командующий армией, выполнил свой долг до конца. И как человек: в последние часы армии он не думал о своем профессиональном реноме — он думал о том, чтобы спастись как можно больше вверенных ему людей.

Итак, за исключением отдельных малозначащих деталей, версия Солженицына о причинах гибели 2-й ударной армии верна. Версия официальных советских историков*) противоречит даже опубликованным советским источникам, то есть не научна.

*) Когда статья была уже написана, 20 февраля 1974 года в «Литературной газете» появился еще один вариант версии о причинах гибели 2-й ударной армии. Доктор исторических наук, профессор Н. Н. Яковлев заявил: «... Власов бездарным командованием в 1942 году залпал свою 2-ю ударную армию в мешок». Поистине нет меры человеческой безответственности!

Роман Гуль, Одвуконь. Советская и эмигрантская литература. Издательство «Мост», Нью-Йорк, 1973, 322 стр.

А. Солженицын писал, что два потока русской культуры, тот, что на родине, и эмигрантский, должны однажды слиться вместе. Перед нами книга, в которой автор делает первый скромный опыт такого слияния, само ее название свидетельствует об этом намерении. И нужно сказать, что оно удалось Гулю. Книга содержит статьи, в различное время напечатанные в различных журналах, преимущественно в «Новом журнале», но их подбор характерен. Эмигранты Георгий Иванов, Андрей Белый, Марина Цветаева, Юлий Марголин и... Светлана Аллилуева. О последней даже как-то трудно писать как об эмигрантке, тогда, когда появились в прессе статьи Гуля о ее двух книгах, она была самой новейшей. Марина Цветаева долго была в эмиграции, но покончила с собой она на своей страшной родине. Зачислять ее в эмигрантки или нет? Юлий Марголин был, собственно говоря, не эмигрантом, а человеком, родной город которого события сначала «перенесли» из Российской Империи в Польшу, а потом «возвращенцем» на новую, вновь обретенную родину Израиль, а 7 лет своей жизни провел в самой глубине своего первоначального отечества, которого уже по существу и не было (Российская Империя) и от которого он отказался, на которое все же наложилось на него свою тяжелую руку —

5 лет на Архипелаге и 2 года в ссылке, — необычные судьбы нашего сумасшедшего столетия.

А вот очерки о писателях, не покинувших России, о Борисе Пастернаке, Александре Солженицыне, Илье Эренбурге, небольшие рецензии на книги Анны Ахматовой, Окуджавы Дудинцева, Терца-Синявского. Да, тогда, когда писались очерки и рецензии, эти писатели и поэты были еще на территории России, а сейчас только кое-кто там остался. Одни умерли (Пастернак, Ахматова), а другие уже здесь, они уже сами эмигранты (Солженицын, Синявский). Так потоки перебрасываются, смешиваются, меняются. Трудно после упомянутых имен писать об Эренбурге, но скажем о нем несколько слов, цитируя Гуля: «В русской литературе его книги вряд ли задержатся. В подавляющем большинстве это — злоба дня. За книгами Эренбурга нет автора, нет писательской личности. Его литература в этом смысле безлична. Она вся от вечной потребности внутреннего и внешнего подражания» (стр. 114).

В то время как других бросала судьба по трудным и страшным путям именно потому, что они хотели остаться самими собой, да и не могли иначе, потому что настоящий художник может быть только самим собой, подражавший Илья Эренбург сам бродил через фронты, ища новой моды и нового приспособления. Но довольно о нем.

Гуль, сам художник, необыкновенно метко схватывает сущность того писателя и произведения, о котором он пишет. Еще раз переживаешь всю поэзию и всю своеобразность «Доктора Живаго», читая статью Гуля «Победа Пастернака». «В романе Пастернака все поднято в иной, как бы здешний и нездешний план бытия. Все будто происходит и в Москве, и на фронте, и в то же время все это происходит как будто даже и не на земле. Все здешнее и нездешнее, полужемное, полупотустороннее, словно действие романа идет где-то над землей, совсем вблизи от нее и все-таки не в трехмерном измерении. Это не события, не описания, не давность их, не их арифметика, а скорее их алгебра, их символика, попытка высказаться о глубокой сущности явлений, о которой высказаться все же не дано» (стр. 48). Вот когда я читала Пастернака, я все время это чувствовала, но чтобы иметь это не в неопределенном ощущении, а в высказанных словах, должна была прочесть статью Гуля. Этот «роман-проповедь, роман-притча», как пишет Гуль, и есть победа Пастернака над режимом и идеологией. «В этой „немой борьбе“ за право высказаться Пастернака подержало то, что в течение тысячелетий поддерживало множество людей, ставя их вне досягаемости каким бы то ни было страхам. Думаю, что Пастернак в послевоенные годы достиг берегов именно этой земли бесстрашия. И она дала ему, наконец, свободу выска-

заться так, как он хотел. В этом — победа Пастернака над Советским Союзом, над шигалевщиной Ленина и Сталина, над всеми этими пятилетками и семилетними планами, индустриализациями, коллективизациями, системой принудительного труда, обожествлением годовой выплавки чугуна и стали, над всей чудовищностью попытки создания планетарного скотного двора вместо человеческого общества» (стр. 54). Мне приходилось слышать от эмигрантов разочарованные голоса, что в романе Пастернака «нет ничего особенного», а «доктор Живаго — не герой», но как раз в этом-то и было особенное, в том, что Пастернак показал не «героя», а человека, и именно это я ощущала всегда как его величайшую победу и как «революцию духа». «„Доктор Живаго“ очень революционен как революционен христианский подход к миру, всегда сталкивающийся с неправдой и пошлостью людского быта» (стр. 55).

Вот Марина Цветаева как живая перед нами («Цветаева и ее проза») во всем ее трагическом пути, в роковом неумении хоть немного приспособиться (полная противоположность Эренбургу), не «своя» нигде, ни в эмиграции с подчас сужденными взглядами и суждениями, ни тем более на коммунистической родине. В эмиграции она могла все же жить, в Советском Союзе у нее ничего не окзалось, кроме веревки и очень толстого гвоздя. «Не свой рожден затравленным», писала Цветаева, и Гуль комментирует: «А поэт — такой поэт, каким была и есть Цветаева — конечно, не свой, потому что Цветаева была не только большим поэтом, но — только поэтом! Что в некотором переводе значит — не стихотворцем, не версификатором, не стихослагателем, а поэтом. Искусство вкладывалось во всю ее жизнь, без остатка, как скрипка в футляр.

Для Цветаевой искусство, как дело жизни поэта, было свято. Свято по-настоящему. «Поэт — эмигрант Царства Небесного». Жизни вне искусства у нее просто не было... И вся ее жизнь — обреченная, роковая, трагическая — билась только в искусство. Причем звание поэта она несла (здесь опять «судьи» могут прыснуть от смеха, но это так) как данное ей Богом.

«Искусство свято... — писала Цветаева. — О святости искусства у атеиста речи быть не может, он будет говорить либо о пользе искусства, либо о красоте искусства. Посему настаиваю, речь моя обращена исключительно к тем, для кого — Бог — грех — святость — есть» (стр. 34—35).

Но тут же рядом и «злая» поэзия Георгия Иванова, поэзия-ад. И это бывает, и это проходит перед взором читателя, так что он проникает в глубь такой поэзии.

Но вот Солженицын. О нем в сбор-

нике есть две статьи, самая первая о тогда еще неизвестном, только что прозвучавшем писателе, авторе «Одного дня Ивана Денисовича» и об уже известном большом писателе, авторе «Августа четырнадцатого». В первой статье Гуль приветствует повесть, подчеркивающую социализм. «Когда я читал эту вещь, во мне все сильнее нарастало удивление. Да откуда же она родилась, вся эта повесть?.. И как это могло произойти? Но это произошло — повесть передо мной, я держу в руках этот ультрасоветский журнал, но читаю ее. Так думал я, с интересом читаю повесть Солженицына. И происхождение ее для меня становилось все яснее. Это произведение появилось в свет, минуя советскую литературу, оно вышло прямо из дореволюционной литературы» (стр. 83). Пастернак сформировался еще до революции, ему надо было преодолеть только страх. Солженицыну надо было преодолеть самого себя, свое первоначальное восприятие. Ошибка Гуля, для того времени понятная, была в том, что он думал, эта книга партии не особенно опасна. Но не только автор и его дальнейшее творчество, и «Один день» стали партии весьма опасны, книга эта изъята из всех библиотек в Сов. Союзе. Еще в 1964 г. «Правда», отвергая предложение дать Солженицыну литературную премию Ленина, писала, что он жалеев всех страдающих, независимо от того, сидят они в лагере за дело или же посажены несправедливо. Вот в этом-то и все дело: и Солженицын увидел человека, а это-то и есть самое опасное для власти имущих. Они только не сразу разглядели.

«Август четырнадцатого» вызывает также и критику Гуля, думаю, правильную, кое-что в языке и стиле, кое-что в подробностях дореволюционной жизни, которую Солженицын знать не мог и не во всех подробностях угадал. Солженицын — великий разрушитель коммунистических легенд о прошлом России и о прошлом и настоящем Сов. Союза, но и ему не под силу разрушить все легенды, а потому так необходимо сделать то, что сделал Гуль: восстановить стиль прежней жизни там, где он у Солженицына нарушен. Но потом воздается заслуженное этому эпосу России, эпосу не победы и внешнего величия,

а поражения и трагедии, уже наступающей, грядущей. Но ведь в России всегда так было, «Слово о полку Игореве» — эпос не победы, а трагедии, а сказочные древнерусские богатыри гибнут, выпав в гордыню и вызвав на бой Силы Небесные.

Остается только пожалеть, что Гуль ничего не написал об изумительном рассказе Солженицына «Матренин двор», жемчужине его творчества, а также о «Раковом корпусе».

Есть в сборнике и статьи на более как бы злободневные темы, вот о Корякове и его непостижимой радости о том, что насильно тащили «Дуньку» на родину и на расправу. И когда читаешь эту статью, становится понятным предложение Корякова, сделанное эмиграции, ставить на пьедестал Ленина, хотя все знают, и сам Коряков тоже, что ставить его на этот пьедестал нечего, даже совсем наоборот. Но тогда Коряков писал под Роя Медведова, Солженицына он проглядел. Теперь он меняет тип приспособленчества под Солженицына и немного против Сахарова, но характер его публицистики остается тем же: приспособленчество ко «злобе дня».

Невольно спрашиваешь себя, надо ли было брать в сборник статью о срыве покойного и так много перестрадавшего Белинкова? Но поскольку эта статья о декабристах напечатана в «Новом колоколе», то, пожалуй, стоило. Статья Белинкова — один единственный печальный срыв мужественного человека и талантливого литератора. Вдове его не надо было эту статью печатать. Срыв может быть у каждого, но зачем же его оставлять потомству? Не буду повторять критику Гуля, я с ней согласна, отмечу только, что Белинков, сначала яростно нападая на всех, кто лишь недостаточно по его мнению сочувствовал декабристам, в конце статьи открывает то, что «Русская правда» Пестеля была жутким прообразом жесточайшего тоталитарного государства и тем самым, сам того не замечая, оправдывает всех тех, кто сомневался в декабристах.

Рецензия оказалась почти что слишком большой, но книга этого заслуживает. Советую ее прочесть всем. Особенно очерки о великих русских поэтах и писателях.

В. Пирожкова

Jürgen Torwald, Illusionen. Rotarmisten in Hitler's Heeren. Иллюзии. Красноармейцы в армиях Гитлера, изд-во Droeme (Knaurs), München 1973, 400 стр., 22.— нем. марки.

Центральная фигура книги Торвальда — это генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов, возглавитель Русского Освободительного движения, возникшего на территории Германии во время второй мировой войны. В книге также говорится о русском еврее Милентии Зыкове, бывшем сотруднике

Бухарина, ставшем ближайшим соратником генерала Власова. Зыков, по словам автора, и был главным идеологом Освободительного движения, поставившего себе целью создание истинно социалистической антисталинской России. Единственными немецкими единомышленниками генерала, как утверждает автор, была небольшая группа немецких офицеров, в прошлом выходцев из России, которые знали и любили Россию и русский народ. К сожалению эти офице-

ры не пользовались достаточным влиянием на верхах нацистского правительства. Благодаря этому ген. Власов и его окружение провели большую часть войны в бездействии. Генерал Власов, в характеристике Торвальда, является несомненно русским патриотом, к которому никак нельзя подвесить ярлык «квислинга». Доказательством этому служит не только полное достоинство, независимое поведение генерала, но и цитируемый в книге Пражский манифест. Как известно, генерал Власов и его ближайшее окружение были по приговору советского верховного суда казнены в Москве. Многие же офицеры и солдаты были расстреляны при взятии в плен, без суда и следствия. Оставшиеся в живых попали в Архипелаг ГУЛаг.

К сожалению автор плохо информирован о закулисных силах, влиявших на Освободительное движение Власова. Он ни слова не говорит о той группе офицеров немецкого генерального штаба, которая всецело под-

держивала движение и имела тайной целью — после свержения Гитлера превратить войну на Востоке из национальную в гражданскую и освободительную. Именно из-за этого неведения автор приходит к совершенно необоснованным выводам, приписывая чрезмерное значение группе немецких офицеров в средних чинах, в прошлом выходцев из России. Именно эту группу офицеров автор винит в создании и поддержке «иллюзий» у руководителей движения. На самом же деле слово «иллюзии» в данном случае совершенно неуместно, так как все проблемы, виды на успех, а часто и безвыходное положение обсуждались между этими людьми трезво и откровенно. Представляется желательным, чтобы автор ближе ознакомился с книгой В. Штрик-Штрикфельдта «Против Гитлера и Сталина», о которой «Зарубежье» уже писало в номерах 3—4 (35—36), 1972 и 3—4 (39—40), 1973. С. О.

Х Р О Н И К А

ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

ТЯЖБА

О НЕДВИЖИМОМ ИМУЩЕСТВЕ РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ В ИЕРУСАЛИМЕ

В судебном процессе за возвращение русского имущества, незаконно переданного Советскому Союзу в 1948 г., Русская Духовная Миссия добилась большого успеха. В отделе «Хроника зарубежной жизни» нашего журнала мы неоднократно сообщали о ходе этого процесса. Сегодня, в связи с достигнутым успехом, мы приводим краткое описание процесса с соответствующими историческими предпосылками. Этот материал нам любезно предоставлен Русской Духовной Миссией в Иерусалиме.

Русская Духовная Миссия в Иерусалиме предъявила судебный иск Израильскому Правительству, требуя возвращения всего своего имущества, находящегося в Израиле. 1 декабря 1948 г., по распоряжению военного губернатора Иерусалима, имущество было передано представителям Советского Союза, который сразу же, непосредственно после признания новообразовавшегося государства Израиль, предъявил претензии на получение всего имущества, базируясь на том, что СССР является законным преемником Русского Императорского Правительства, одновременно игнорируя факт, что Миссия никогда не являлась правительственным учреждением.

Часть переданного имущества — школы, гостиницы для паломников, ряд доходных домов и земель — является собственностью Православного Палестинского общества.

Православное Палестинское общество было основано в России почти сто лет тому назад. В задачи Общества входило оказание помощи паломникам из России, поддержание святых мест и защита интересов нашей миссии и русских православных учреждений на Святой Земле, а также и оказание помощи местному населению из православных арабов. По началу основатели Общества во главе с исключительно настойчивым и жертвенным энтузиастом В. Н. Хитрово наталкивались на непонимание и даже противодействие. Общество стало развиваться, когда ряд членов Императорской Семьи посетил Святую Землю и начал оказывать покровительство Обществу и его деятельности. Деньги стали поступать со всех сторон России, главным образом от верующих крестьян. На их скромные пожертвования на Святой Земле покупались новые участки, строились храмы и дома для паломников. Очень скоро после октябрьского переворота 1917 г. отделы Палестинского общества в России были закрыты советским правительством. Во время 2-й мировой войны советское правительство переменяло политику. Наряду с продолжавшимся гонением и закрытием церквей стала проводиться тактика использования церкви в политических целях: из внутреннего врага официальная церковь превратилась в послушного союзника. Это было особенно важно для советского проникновения на Ближнем Востоке по церковным каналам. В порядке этой тактики в СССР было якобы восстановлено Палестинское общество как фи-

лиал Ленинградского отделения Академии наук СССР, имеющий целью археологические раскопки на Святой Земле. Никакой юридической, исторической и фактической преемственности этого нового начинания со старым Православным Палестинским обществом конечно нет. Однако центральное отделение Православного Палестинского общества в Святой Земле и главы Общества вне России продолжали существовать и работать несмотря на гораздо более трудные условия. Наиболее активным был отдел на Святой Земле, согласующий свои усилия с деятельностью Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Ныне существуют юридически и действуют отделы Общества на Святой Земле, в Европе (Париж) и в США (Нью-Йорк). Они возглавляются Высшим советом общества.

Русская Церковь обосновалась в Святой Земле (которая в то время под наименованием Палестины являлась частью Оттоманской Империи) в самом начале 40-х годов прошлого века. Православное Палестинское общество было создано позднее с целью вести совместную работу с Церковью. Оба учреждения приобрели много недвижимости — земли, здания, некоторые исторические памятники и даже многие Святые Места. Они продолжали покупку земель, постройку монастырей и церквей, гостиниц и т. п. вплоть до начала I мировой войны.

После революции значительная часть русского духовенства эмигрировала или бежала из России вместе с миллионами мирян. Они основали самостоятельную Церковь, которая не признает юрисдикции Советской Церкви, восстановленной и организованной Сталиным в целях пропаганды во время второй мировой войны. Она находится под безграничным контролем советской власти как в своей внутренней, так и во внешней жизни.

Заграничная Церковь, официальное название которой — Русская Православная Церковь Заграницей, управляется Архиерейским Синодом с его центром в Нью-Йорке.

В 1971 г. начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Архимандрит Антоний Граббе через Израильскую судебную палату предъявил иск Израильскому Правительству, обвиняя его в незаконной передаче всего русского имущества, находящегося на территории Израйла, Советскому Правительству. В суде Израильское Правительство было представлено г-ном Натаном, главным помощником Генерального Прокурора, выступавшего в положении ответчика. Миссия представлялась своим адвокатом, г-ном Манделем Шарфом.

Трудно разрешимой проблемой оказалось недвижимое имущество, купленное в 1964 г. Израильским Правительством у советских представите-

лей. Последние продали Израильскому Правительству большинство зданий, сгруппированных в новой части города (где расположена и резиденция Московской миссии). Русская Духовная Миссия и Православное Палестинское общество утверждают, что сделка не могла быть законной, ввиду того, что обладатели имущества, т. е. Советы, никогда не были законными владельцами спорного имущества и поэтому не имели права его продавать. При заключении этой сделки было также оговорено, что в случае, если собственники имущества предъявят на него свои права, то Советское Правительство не подлежит привлечению к ответственности.

Когда иск был предъявлен в Иерусалиме, то министр юстиции, действуя от имени Правительства, предложил Московскому Патриарху или самому приехать, или же прислать своих представителей в Иерусалим, чтобы быть в суде ответчиком. Московский Патриарх отклонил это приглашение, мотивируя свой отказ тем, что все церковные земли, здания и т. п. являются собственностью Советского Правительства, а также и тем, что существует договор, исключающий ответственность Советского Союза в случае возбуждения судебного иска. Таким образом Израильское Правительство оказалось единственным ответчиком. Своим ответом Патриарх Пимен, телеграммы которого в свое время были опубликованы в прессе, исключил Советскую Церковь из участия в этом деле и отказался от возможных юридических встречных исков.

Дело Русской Духовной Миссии в Иерусалиме слушалось в Иерусалимском окружном суде, судьей Мириамой Бен-Порат. Представитель Израильского Правительства заявил, что ввиду того, что в Израиле с 1948 г. не было представителей Миссии, а также иск не был предъявлен вплоть до 1971 г., все дело это подпадает под Закон о давности. Базируясь на этой предпосылке, он доказывал, что Миссия потеряла свои права на это имущество, хотя она и являлась в прошлом его законным владельцем. Одновременно он утверждал, что Советское Правительство является законным преемником Российского Императорского Правительства и, как таковое, является законным наследником всего русского имущества.

Защита была построена на трех основаниях: давности, оставление имущества владельцем и наследственные права на имущество со стороны нового правительства в России. Защита назвала несколько свидетелей, чтобы доказать, что брошенное собственниками имущество было взято под опеку «Опекуном покинутого имущества». Однако все свидетели защиты, включая и находящегося в от-

ставке Главного администратора, а также ряд чиновников Отдела регистрации недвижимого имущества показали в пользу истцов. Ответчикам не удалось доказать правоту своих утверждений, потому что показания их собственных свидетелей невольно доказывали обратное.

Судья не приняла ни одного из доводов Израильской стороны. В своем прекрасно мотивированном заключении судья, г-жа М. Бен-Порат, привела следующие соображения: 1) Насильственно вызванное отсутствие владельцев не может рассматриваться как оставление имущества; 2) Имущество управлялось Опекуном, который действовал по указанию Суда. Только такой же судебный указ мог прекратить эту опеку; 3) Закон давности не распространяется на имущество, состоящее под опекой, во все продолжение этой опеки. Аргументация защиты не смогла убедить судью, в то время как аргументация истцов (Русской Духовной Миссии и Палестинского общества) оказалась, наоборот, убедительной. Показания свидетелей защиты также способствовали убеждению судьи в том, что истцы являются законными собственниками находящегося в настоящее время под опекой имущества. Суд вынес решение, что закон о давности, на который ссылались ответчики с целью прекратить слушание дела и парировать возможные дальнейшие шаги Русской Зарубежной Церкви, в данном случае не применим.

Апелляции в Верховный Суд не будет.

Тот факт, что Закон о давности признан неприменимым по отношению к претензии истцов, вносит новый момент в дело иска, возбужденного законными владельцами. Путь к дальнейшему разбирательству дела открылся. Законные собственники получили теперь возможность судебным порядком требовать возвращения им своего имущества, так как могут доказать свои юридические права на него. У Советов не имеется ни малейшего правового основания на владение этим имуществом. До 1948 г. их вообще и не было в Израиле. Советы основывают свое право на имущество, которое им удалось захватить, на произвольных и недоказанных доводах. Но главное, они были твердо убеждены, что Израиль «не посмеет» отобрать у них это имущество и вернуть его «белой» Русской Церкви. Поэтому им не понятно, что в демократическом Израиле судьи пользуются независимостью, могут следовать велениям своей совести и действовать согласно своим логическим выводам. Это решение суда значительно подняло шансы на благополучное окончание судебного процесса в защиту имущества правншей Зарубежной Церкви.

ОРИОР и НОРС

Когда в России, по инициативе Олега Ивановича Пантюхова, появились первые дружины юных разведчиков (слово «скаут» не сразу вошло в обиход), они назывались по месту возникновения Царскосельской, Петербургской, Московской, Киевской и т. д. В ОРИОР по традиции дружины продолжают называться именами русских городов и это как-то подсознательно связывает русских детей, родившихся за границей, с городами, чьи названия носят их дружины. Во время юбилейного слета в 1969 г. в штате Нью-Йорк я ни разу не слышал, чтобы приехавших разведчиков и разведчиц из Лос-Анджелеса называл кто-нибудь иначе, как только «нижегородцами». В ОРИОР несколько иные традиции, чем в НОРС, и не потому, что ОРИОР был основан в 1945 или 1947 г., как это некоторым кажется, а в силу того, что в Югославском отделе НОРС были одни традиции, а в дальневосточных отделах другие. В 1945 г. часть руководителей решила вернуться к первоначальному названию и дала организации название ОРИОР (Организация российских юных разведчиков), а другая предпочла держаться названия, принятого в 1921 г. — НОРС (Национальная организация российских скаутов). Некоторые члены НОРС именуют свою организацию НОРС-Р, т. е. «скаутов-разведчиков». Все это дело вкуса и некоторых иных обстоятельство, но все это не дает основания говорить о каком-то расколе в основанной Олегом Ивановичем организации юных разведчиков-скаутов.

В июле 1973 г. дружина ОРИОР «Нижний Новгород» под руководством скм. Евгения Боброва провела лагерь вместе с дружиной НОРС из Сан-Франциско «Русь», которой руководил скм. Олег Левицкий. В лагере члены ОРИОР и НОРС жили и работали как одна семья, которую ничто не разъединяет. Знаки и девиз у них общие. Большой популярностью пользуется в Лос-Анджелесе и его окрестностях балалаечный оркестр дружины, при котором имеются танцоры и организован небольшой хор. Незадолго до лагеря оркестр произвел большой фурор в известном курорте Пальм Спринг. Весь зал долго и бурно аплодировал и не отпускал «нижегородцев» со сцены. Таким образом балалаечники ОРИОР стали известны не только русским, но и американцам. При дружине организованы мужская и женская волейбольные команды. Вся эта деятельность дополняет нормальную разведческую работу. Общие сборы происходят раз в неделю, а любители спорта, музыки, пения или танцев остаются после сборов еще на час для занятий с инструкторами-специалистами. Многие годы штаб-квартира дружины находилась в Казачьем доме,

который вскоре будет продан, и дружина перейдет в новое помещение. Такое новое помещение для дружины будет в Доме ветеранов. Предстоит большая работа по переоборудованию помещения, которое начнется осенью.

ОРИОР В АРГЕНТИНЕ

С 13 января по 4 февраля в Кордобе, несмотря на исключительно дождливое лето были успешно проведены лагеря ОРИОР. Руководил ими начальник отдела Г. Лукин, а подлагерьями — молодые руководители, начальники отрядов. Лагерь назывался «Землепроходцы», подлагерь разведчиков — «Форт Росс», подлагерь разведчиц — «Полярная Звезда», а витязей и ст. разведчиков — «Антарктика».

3 апреля начался наш зимний период работы этого года. Начались занятия в субботней школе ОРИОР. Открыт IX класс, а в будущем году будет открыт и X класс. Возраст учеников IX класса — 15—16 лет. У них четыре урока в неделю: Основы православного мировоззрения (Г. Лукин), Русская литература и разбор самых главных произведений (О. Кирьянова), История революции и коммунистической власти в России с разбором современных проблем (И. Андрушкевич) и История русской культуры.

Театральная программа на этот год своеобразна. Мы хотим максимально использовать наше театральное помещение. Идеально было бы раз в месяц — в субботу или воскресенье — проводить какую-либо программу. Наша молодежь уже перевела с испанского на русский пьесу испанского драматурга Александра Кассоне «Лодка без рыбака». Кассоне — мировая величина в современной драматургии. Его вещи шли и идут во всех передовых театрах Европы и Америки. Переведенная пьеса сама по себе очень хороша. Режиссировать ее будет Г. Лукин. Второй вещью предполагается тоже переведенная пьеса бразильского драматурга Фигерейдо «Лиса и виноград» (из жизни Эзопа). Это — современная психологическая драма на греческую тему. Предполагается устроить два-три концерта, у нас уже есть для этого собственное пианино и две окончивших консерваторию пианистки — Елена Ларионова и Елена Васина. Билеты на наши выступления будут по доступным ценам, в связи с тем, что из-за дороговизны многие любители лишены возможности ходить в театры или на концерты.

СКАУТСКАЯ ЕЛКА В САН-ФРАНЦИСКО

В воскресенье, 20 января с. г., в зале городской школы Президио состоялась скаутская елка. Большой светлый зал. Прямоугольником построены

три дружины: Бурлингеймская Цесаревича Алексея дружина НОРС, Санфранцисская дружина «Русь» НОРС и дружина «Киев» (Сан-Франциско) ОРИОР. В строю около 200 человек. В зал входит Архиепископ Антоний и становится вместе с руководителями. Торжественно вносятся знамена. Поются тропари, поднимаются флаги. Дежурные читают законы. Несколько младших — волчат и белочек — дают обещание. Затем читаются приказы и поздравления от начальника организации.

По окончании официальной части начинается праздничная программа. Дружины располагаются полукругом перед елкой. Гости наблюдают с балкона. Сценки, шутки, танцы чередуются песнями. К сожалению, из-за плохих акустических условий, плохо слышны детские голоса, но юных артистов это не смущает. Следует отметить остроумную пародию на телевизионные передачи, поставленную вожаками дружины «Русь», танец разведчиц дружины «Киев» и сценку волчат Бурлингеймской дружины. Программа закончена и все отправляются в школьную столовую, где родительские комитеты всех трех дружин приготовили угощение. После угощения начинаются игры по разным возрастным группам. Самые старшие затевают вокруг елки веселый, шумный хоровод. Постепенно к ним присоединяются все остальные. В разгар веселья появляется дед мороз с подарками и мешочками. Празднество близится к концу. Снова строю, молитва. Спускаются флаги, выносятся знамена. Не спеша все расходятся. Вечером в Скаутском доме дружины «Русь» танцы для старших скаутов, вожаких, разведчиц и разведчиков.

НАШИМ ДЕТЯМ

Вот уже несколько лет, как Издательство Books by mail Publisher, 519 Union Ave, Peterson, N. J., Zip 07522, USA бесплатно высылает во все страны мира русские сказки и песни для детей. Об этом издательство оповещает русских людей с помощью газетных объявлений в русской прессе. Столь необычное явление в нашем материалистическом мире очень заинтересовало нашу редакцию. На просьбу рассказать об этой акции подробнее нами было получено следующее разъяснение:

«Учитывая недостаток пособий и материала для детей в эмиграции, мы с помощью некоторых людей, поддерживавших нас материально, решили создать этот материал. Для этого мы обратились к поэтессе Е. Кукловской и композитору К. Кукловскому, которые сотрудничают в журнале «Заря» (Австралия) и «Родные Дали» (Калифорния). В детских отделах этих журналов они написали много вещей

для детей, которые распространяются по всему земному шару, от Камчатки до Австралии. Изданы были сказки, а также романсы и другие вещи. Недостаток средств в приходских школах и у частных лиц заставляет нас посылать бесплатно книги и ноты заинтересованным школам, библиотекам и частным лицам, желающим передать своим детям нашу культуру. Учитывая также, что большинство русских в эмиграции уже на пенсии и часто не имеет возможности купить детям книги, мы высылаем таким людям книги бесплатно (включая даже пересылку) в любую часть света. Судя по рецензиям и письмам с отзывами, мы достигли многого. Да, мы хотим, чтобы наши люди, где бы они ни жили и как бы бедны они ни были, имели возможность читать наши книги и учить своих детей родному языку, песням и нашим обычаям».

• 16 декабря в Лос-Анджелесе состоялся годовой концерт учеников студии Г. В. Кобцева. Концерт давался в пользу сестричества Св.-Покровской церкви. По окончании концерта председательница сестричества В. Г. Мангина поблагодарила всех выступавших и гостей.

• В Русском доме в Ганьи (Франция) состоялся лирико-музыкальный концерт, организованный К. В. Сафоновым. С большим успехом выступали Г. Е. Гришян (арии и народные песни), Я. Н. Сухов (собственная композиция), Т. Афанасьева (скрипка), Е. Асанова (сопрано), К. В. Сафонов (декламация). В роли конферансье выступал С. М. Кожевников.

• 24 ноября в Лос-Анджелесе (США) состоялся ежегодный благотворительный бал в пользу русских военных инвалидов. Этот бал обеспечивает в течение года существование десятков русских инвалидов. Председатель Лосанджелесского комитета помощи инвалидам полковник Б. П. Есипов открыл бал приветствием, в котором он поблагодарил присутствующих за помощь инвалидам и указал, что из 16 000 инвалидов (приблизительно) до начала второй мировой войны осталось только 988. В концертном отделении бала необходимо отметить певцов супругов Анны и Михаила Марковых. Балетная студия Эрлиса Смальцова выступила с прекрасными исполненными русскими народными танцами.

• В середине декабря в Лос-Анджелесе (США) состоялось собрание литературно-художественного кружка, работающего под руководством поэта Р. С. Тер-Погосиана. Это собрание было посвящено 150-летию великого русского драматурга А. Н. Островского. Основной доклад прочитал проф. Хейс, рассказавший о трех знаменитых артистах, исполнявших роли Катерины в «Грозе»: Л. Косицкой, Ф. Снетковой и Роциной-Инсаровой. Во втором отделении были

показаны отрывки из пьес Островского.

• Русский театральный кружок в Венесуэле существует уже более 25 лет. В настоящее время работа идет под руководством опытного режиссера Б. И. Нортонна. Кроме классических пьес ставятся и комедии и современные пьесы. Так недавно с успехом прошел веселый водевиль «Испанская мушка». Участвовали: Н. Аляничкова, М. Ветходенко, Н. Гаженко, И. Гняздовский, М. Кузнецова, О. Костальчук, Н. Лоскутова, Б. Нортон, М. Нортон, О. Примак, Г. Руднев, Н. Сива и С. Хитрово.

• 2 февраля в Париже, по инициативе объединения преподавателей русского языка во Франции состоялось торжественное собрание в честь столетия И. С. Шмелева. Первой докладчицей выступила Юлия Александровна Кутырина, говорившая о личных воспоминаниях и о произведениях Шмелева, написанных за рубежом. Проф. Д. И. Шаховской представил подробный обзор творчества Шмелева в России.

• 26 февраля журналистка Нора Лидарцева сделала в Париже доклад о французском композиторе Шарле Лекоче, пользовавшемся в свое время в России популярностью.

• 25 января в помещении Библиотеки Толстовского фонда в Мюнхене (ФРГ) состоялся концерт Габриэлы Зейдель, молодой пианистки, выпускницы Мюнхенского музыкального училища. Программа состояла из произведений русских композиторов.

• Певица Ксения Грундт выступила со своим концертом в помещении Русской консерватории в Париже. Певица исполнила произведения Глинки, Даргомыжского, Гречанинова, Рахманинова, Поля, Римского-Корсакова.

• Константин Боголюбов выступил 3 февраля в помещении Св.-Серафимовского фонда с художественным чтением и декламацией. В программе были отрывки из «Каны Галилейской» Достоевского, «Войны и мира» Толстого, «Пасхальный крестный ход» Солженицына, стихотворения М. Волошина и И. Елагина.

• Русский художник Николай Николаевич Мишутушкин, уже более 12 лет проживающий в гор. Порт-Вилла на Новых Гебридах, организовал в Париже в январе выставку океанического искусства, которая будет открыта до июня. Все экспонаты будут переданы музею. На выставке, кроме картин Н. Н., много экспонатов мелано-полинезийского искусства — картины, оружие, скульптуры, музыкальные инструменты, предметы домашнего обихода и т. п.

• В этом году в Библиотеке Толстовского фонда в Мюнхене (ФРГ) концерты, доклады и лекции стали регулярным явлением. Так, 16 февраля состоялся доклад епископа Павла Штутгартского и Южно-Германского «Религиозные настроения в творчестве А. С. Пушкина». Доклад был прослушан с большим вниманием. 1 марта общественность го-

рода услышала доклад М. Михайловой «Журналистские встречи в СССР», а затем, в граммофонной записи, чтение своих произведений Анной Ахматовой, Б. Ахмадулиной и А. Вознесенским.

• Библиотека Толстовского фонда в Мюнхене (ФРГ) устроила 15 марта с. г. в своем читальном зале концерт Михаила Литманова, оперного певца (бас-баритон), лауреата XXVIII Международного музыкального конкурса в Мюнхене в 1969 г., и Игоря Кондакова (фортепиано). В программе — старинные романсы. В концерте выступал также драматический артист Александр Виноградов, выразительно прочитавший стихотворения Гумилева, Есенина, Маяковского и др.

• Русский театр в Ницце (Франция) со смертью его долготелетней руководительницы Е. Я. Ростиславовой понес большую утрату. Несмотря на это труппа в составе господж Крым и Репниковой и гг. Бутанова, Мацнева, Сафьянича и Стульского поставила 2 декабря 1973 г. в пользу комитета по ремонту часовни имени цесаревича Алексея спектакль, прошедший с большим материальным и художественным успехом. Была поставлена комедия Лисенко-Коньча «Элекси́р молодости». По предложению г-жи Фальцфейн публика почтила память Ростиславовой вставанием.

• Русская духовная академия в Риме устраивает ежегодно рождественскую елку-концерт в просторном зале академии под руководством Л. Пихлера исполнил стихиру «Ликуют ангелы» свящ. Д. В. Аллиманова, после чего о. Ректор сказал слово. Затем хор исполнил светские песни: «Ах, вы, сени, мои сени», «Соловьем залетным», «Ах ты, степь широкая» и др. Кроме хора в концерте приняли участие солисты — итальянская певица Ю. Ф. Матера, исполнившая романсы Н. Дорю по-русски, а по-итальянски «Кольбельную» Н. Юколанно, пианиста, аккомпанировавшего певцам, и А. А. Давыдова, исполнившая романсы Глинки, Чайковского и русские песни. Участвовала и Е. Н. Гантай. После концерта епископ Андрей произнес напутственное слово, после чего все спели «Коль славен».

• В славянском отделе университетской библиотеки в Хельсинки находится более 300 000 томов. Особенно много русских книг XIX века, так как она в то время получила обязательный экземпляр каждой книги, изданной в России. Имеются также комплекты газет и журналов. Списки книг этой ценной библиотеки имеются во многих университетах и государственных библиотеках западного мира. Книги можно выписывать в любую страну. Адрес славянского отдела библиотеки: Helsingin Yliopiston Kirjasto Slaavilainen Osasto Unioninkatu, 36 SF — 00170. Helsinki 17. Finland.

• Владимир Максимов был 8 марта почетным гостем во французском Пенклубе. В своей речи гость обратился ко

всем мыслящим людям Франции с просьбой помнить о людях, борющихся в Советском Союзе с административным произволом.

• 10 февраля в Брюсселе состоялось собрание, посвященное борьбе за свободу в России. Собрание открыл председатель Российского национального объединения (РНО) В. В. Орехов, указавший в своем вступительном слове на то, как высоко оценил свободный мир подвиг А. И. Солженицына. Основной доклад о современной правой оппозиции в Советском Союзе прочитал прибывший из Германии Г. А. Рар.

• 24 июня 1973 г. по инициативе Христианского общества защиты церкви в коммунистических странах состоялась молчаливая манифестация против советского посольства в Брюсселе. В течение часа манифестанты стояли перед входом в посольство с множеством плакатов и увеличенных фотографий замученных и преследуемых за веру людей в СССР и в других коммунистических странах.

• 15 января, по приглашению Союза бельгийских запасных офицеров и РНО, в Офицерском клубе «Принц Альберт» в Брюсселе состоялся доклад полковника проф. М. В. Гардера о международном положении. Председатель Союза офицеров полк. Марик и многочисленная бельгийско-русская публика живо приветствовали талантливого докладчика, офицера французской службы русского происхождения, кавалера бельгийских боевых орденов.

• Примерно один раз в год Бюллетень РНО в Брюсселе выходит увеличенным форматом и тиражом на французском языке. Это издание служит целям информации видных политических деятелей, журналистов и работников науки и искусства в Бельгии, Франции и некоторых других странах. Бюллетень посвящен обзору нынешнего положения в мире.

• Русский ученый Иван Иванович Ковалевский 18 февраля избран членом-корреспондентом французской Академии наук и одновременно членом Международной Академии авиации в США.

• Под руководством проф. Николая Васильевича Первушина при Норвичском университете (США) работает летняя русская школа, существующая уже 15 лет. Ежегодно в школу съезжается много студентов из разных университетов США и Канады. В школе ведется интенсивное преподавание русского языка и литературы. Ознакомление с русской культурой ведется не только на лекциях и семинариях, но и при помощи спектаклей, фильмов, вечеров, пения, русских народных танцев и музыки. Кроме того, устраиваются встречи русских поэтов и писателей.

• В результате выборов, которые проводятся в ОРЮР каждые три года, 1 января 1974 г. на должность Старшего ска-

утмастера вступил Павел Уртьев, молодой и энергичный начальник Главной кварталы ОРЮР, бывший последние годы заместителем ст. скм. Одновременно был выбран и новый состав Главного суда чести: скм. О. Астромова, скм. А. Жуковский, скм. С. Мартинович и заглавными членами скм. Е. Вобров и ски. И. Тимохович. Ст. скм. П. Уртьев возглавил ОРЮР после ухода по состоянию здоровья Р. Жукова, занимавшего эту должность в течение последних девяти лет.

• Организация русских юных разведчиков в Париже возобновила работу с детьми 7—11 лет. Организована смешанная стая волчат и белочек. Все занятия ведутся на русском языке. В этом году общая тематика игр — древнерусский мир. Сборы проводятся два раза в месяц или в помещении при соборе св. Александра Невского, или в Шавильском лесу в помещении при русской церкви. За справками обращаться по адресу: Monsieur Paul de Benigsen (Павел Сергеевич), 16, ave. de Verdun, 92170 Vanves. Tél.: 736-39.55.

• Св. Кирилло-Мефодиевская русская церковная гимназия с успехом работает при св. Скорбященском кафедральном соборе в Сан-Франциско (США). В прошлом году гимназия окончили: Андрей Чиркин, Мария Беляева, Николай Маеркевич, Лариса Хидченко, Наталия Егорова, Олег Де-Бодэ, Мария Ершова, Сергей Шидловский, Борис Букановский и Георгий Осипов. Это уже 21-й выпуск.

• Хороший обычай ходить по домам со звездой и пением колядок соблюдается в США юными разведчиками (ОРЮР). На Рождество в январе 1974 г. разведчики колядовали в Вашингтоне и Си-Клифе (близ Нью-Йорка). Сиклифцы наколядовали 127 долларов, которые пожертвовали в пользу Русской Православной Миссии в Иерусалиме.

• В 1973 г. Русской Дом в Мельбурне (Австралия) провел шесть Устных газет с основными темами: Международный обзор (Г. Н. Петропуло), Дела Австралийские (А. А. Морозов). Заканчивается газета художественным чтением или выступлениями поэтов. Из Аделаиды была приглашена Живая газета и проведена блестяще. Проведено три «Зеленых лампы» — «Лирика местных поэтов и старинный русский романс», вокальные номера (В. И. Баранович и Э. Стоянова); «Трагедия русской интеллигенции» (В. А. Розинский и поэт И. М. Смольянинов); «Русские землепроходцы» (В. В. Лэфлер); «Путешествие по Новой Гвинее с демонстрацией снимков» (В. С. Крас). Проведены вечера: «Цыганский вечер у костра» (Е. Г. Трикоус), «Есенин» (доклад З. Кжеминской; художественное чтение — Г. Н. Петропуло, Ф. И. Тарлов; вокальные номера — В. Бржовский, А. Ильин). Фильм о Есенине демонстрировал Ф. И. Тарлов. «Слово о полку Игореве» (доклад поэтессы А. Ф. Кузьминской и художественное чтение детьми и молодежью). Один вечер провел первый австралийский поэт лауреат

и историк П. А. Сухатин с вокальными выступлениями местных артистов и молодых певцов. Перечисленные выступления в Русском доме в Австралии посетили около полуторы тысячи человек.

• Сбор средств на постройку памятника казакам на кладбище Сен-Женевьев де Буа (около Парижа) проходит успешно. Создан проект и составлена смета, но не хватает еще несколько тысяч франков. Комиссия по устройству памятника обращается к тем казакам, которые еще не внесли свою лепту, отозваться на призывы и внести свои посылки можно посылать в адрес редакции казачьего журнала «Родимый край»: В. Bogaevsky, 230, Av. de la Division-Leclere, 95 160 Mantmogeny, France.

• Сбор средств на посылку в Россию книг и денег Русским студенческим христианским движением (РСХД) продолжается. Деньги можно переводить на текущий счет РСХД: ACER ССР № 1537359, Paris, или чеком на имя ACER по адресу: С. Eltchaninoff, 91 rue Olivier de Serres, Paris XV, France. С указанием, для какой цели деньги предназначаются.

• IV съезд кадет российских зарубежных кадетских корпусов состоится согласно постановлению Президиума объединения в Сан-Франциско с 3 по 11 августа 1974 г. Устроители приглашают всех кадет и их семьи посетить съезд. Программа съезда опубликована в «Вестнике общекадетского объединения». За справками обращаться к г-ну Телятникову — 285, 12 авеню, Сан-Франциско, Калифорния 94118, США. I съезд состоялся в 1967 г. в Монреале, II в 1970 г. в Каракасе (Венесуэла) и III в Лейквуде (США) в 1972 г. Последний съезд собрал около 150 кадет.

• В декабре в Нью-Йорке на аукционе была продана десятикопеечная марка за 1500 долларов. Это был денежный знак Российско-Американской компании, печатавшийся в середине прошлого века на плотной цветной бумаге. Марки были снабжены, в зависимости от стоимости, разным числом дырочек, для удобства неграмотных.

• 16 января король Хуссейн принял в Аммане делегацию Православного Палестинского общества, возглавленную архимандритом А. Граббе. Делегация поднесла королю Золотой Крест Общества I степени в благодарности за оказанную Обществу помощь.

• Архимандрит Антоний остановился по дороге из Нью-Йорка в Иерусалим в Цюрихе и посетил А. И. Солженицына. После беседы архимандрит Антоний благословил Солженицына иконой Покрова Божьей Матери, написанной на доске дерева певк Гефсиманского сада.

• Рождественское приветствие начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме посвящено миру на земле. В нем между прочим сказано: «„Имея уши, не слышит“ и „имея глаза, не видит“ современный человек открываю-

щийся перед ним роковой опасности обмана. Оставив веру в Бога и пренебрегая Его божественным законом, он хочет сам устроить свои пути и стремится сам создать свой мир без Бога. Мир! — слышим мы на различных языках призывы из уст нынешних вождей многочисленных материалистических и безбожных коммунистических группировок, сулящих человечеству то, чего не имеют они сами и чего поэтому не могут дать и другим. Мир! — говорят они и как будто действительно к миру зовут человечество. Но при внимательном анализе этого зова мы видим, что под ним скрывается не что другое, как непротивление злу и фактически подчинение и содействие его разрушительным планам».

• Из Пасхального обращения настоятеля Обители преп. Иова Почаевского в Мюнхене (ФРГ) епископа Нафанаила: «Мир и в свободной и в порабощенной своей полсвине никогда еще не погружался так глубоко в бездну мрака и душевной муки и никогда еще не жаждал так просвета духовного, как теперь. Увы, они не видят, что просвет, нет — океан света и радости — пред ними, в Христовой победе над смертью и адом. Но снова, как в евангельские времена, можно повторить о нынешнем мире Христовы слова: «О, если бы ты, хотя бы в этот твой день, узнал, что служишь к миру твоему! Но это сокрыто и ныне от глаз твоих» (Лк. 19, 42).

• На средства, собранные главным образом в США, прекрасно оборудована православная церковь в Линце (Австрия). В воскресенье 25 ноября прошлого года храм был освящен епископом Нафанаилом в сослужении священника Иосифа Бречеля из Вены и свящ. Георгия Сидоренко из Филлаха. Сбор средств на нужды храма продолжается. Пожертвования просят направлять по адресу: Dr. Harold Prodrom Makk, A-4020 Linz, Waldeggstr. 108, Austria.

Редактирует коллегия
Редактор В. Сорокин
Секретарь редакции А. Желнин
Перепечатка разрешается,
но с указанием источника

Адрес редакции:
SARUBESCHIE
8 München 86
Postfach 860327
Bundesrepublik Deutschland

Банковский счет № 90 246
Банк: Reuschel & Co.
8 München 80, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt
V. Sorokin

Druck: „Logos“, München 19, Bothmerstr. 14